

НАУКА
В
СССР

Через тернии
к звездам

№ 36

С. Б. Крих, О. В. Метель

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНОСТИ

В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ

*Анализ материалов, созданных
в советский период*

*Разбор «периферии научного
дискурса» (предисловий,
рецензий, приложений)*

*Оценка основных достижений
и проблем советских
концептуальных построений
в области древней истории*

URSS

С. Б. Крих, О. В. Метель

**СОВЕТСКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ ДРЕВНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ**

**Анализ текстов, созданных
в советский период**

•

**Разбор «периферии
научного дискурса»
(предисловий, рецензий, приложений)**

•

**Оценка основных достижений
и проблем советских
концептуальных построений
в области древней истории**

URSS

МОСКВА

ББК 63.2 63.3(2)7 72.3

**Крих Сергей Борисович,
Метель Ольга Вадимовна**

Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. — М.: ЛЕНАНД, 2014. — 256 с.
(Наука в СССР: Через тернии к звездам. № 36.)

Монография посвящена исследованию развития советской историографии древности в контексте мировой науки, проблемам взаимовлияния и взаимного отторжения «советской» и «буржуазной» интеллектуальных традиций. Эти процессы показаны на конкретных примерах того, как советские историки представляли себе мировую историческую традицию и свое место в ней.

Для студентов, преподавателей и читателей, интересующихся историей научной мысли.

Научный редактор: д-р ист. наук, проф. *В. П. Корзун*

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *С. Г. Картюк;*

д-р ист. наук, проф. *Г. П. Мяжков*

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ для господдержки молодых ученых — кандидатов наук и докторов наук (проект № МК-3461.2012.6)

Формат 60×90/16. Печ. л. 16. Зак. № ЕЛ-41.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-9710-1201-6

© ЛЕНАНД, 2014

15312 ID 185776

9 785971 012016

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724 25 45
	URSS

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

ОЧЕРК 1

Введение. Язык советской историографии 7

(или рассмотрение того, почему советская книга неинтересна современным студентам, какие особенности мышления скрывает язык советской исторической науки, почему важно исследовать его и какими путями это следует делать)

ОЧЕРК 2

Магия предисловий 27

(или опыт анатомирования техники написания предисловий к переводным книгам по истории в советское время, выделение типологии предисловий и размышление о том, с какими мерками советские авторы подходили к зарубежной науке и к своей собственной)

ОЧЕРК 3

Техника рецензирования 59

(или подробный анализ того, как в главном и единственном советском журнале по древней истории рождалась, развивалась и приходила к кризису практика рецензирования зарубежной научной литературы, а также изучение того, как переплетались судьбы рецензентов и тематика их рецензий, и какое влияние оказало всё это на советскую учебную литературу)

ОЧЕРК 4

Спрятанная наука 87

(или расследование того, как могли создаваться учебники в период становления советской науки о древности, а также того, где лежит грань между заимствованием и плагиатом, почему многознание не заменяет таланта и в чём скрыта ответственность историка за свой труд)

ОЧЕРК 5***Эффекты искажения* 119**

(или попытка увидеть образ западной науки о раннем христианстве сначала в отражении советской историографии, а затем в зеркале наших знаний о ней, и понять, как и почему рождаются искажения, благодаря которым из поля зрения исчезают настоящие титаны и целые научные течения, а значение второстепенных персонажей вдруг вырастает до небес, а также попытка понять, можем ли мы освободиться от искажений)

ОЧЕРК 6***Пути историка* 145**

(или рассказ о том, как один историк древнего мира добился признания равно в отечественной и зарубежной науке благодаря избранному им пути, о том, почему отказ от других путей одновременно помог и помешал ему в достижении поставленных высоких целей, и о том, почему на алтарь теорий иногда приходится класть собственный талант, но даже этого может оказаться мало)

***Заключение* 195**

(или эссе о том, почему путь через тернии к звёздам иногда оказывается путём мимо звёзд к терниям)

Приложения* 205**Summary* 233*****Указатель* 236*****От издательства. Ради будущего* 242**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга обращена к исследованию темы, которой авторы посвятили несколько лет. Основное её содержание выражается в названии проекта, поддержанного грантом Президента РФ: «Советская историография древности: образ эпохи и его творцы» (2012–2013 гг.). Более того, настоящее исследование в некотором смысле подводит итоги и задаёт другой ракурс тем двум книгам, которые были написаны по этой теме ранее¹.

Структура книги может показаться неупорядоченной, если не учитывать того, что в основе её лежит анализ текстов — созданных в советский период как в нашей стране, так и за рубежом, на базе чего и предлагаются некоторые общие выводы. Во вводном очерке авторы постарались дать набросок теории собственной научной работы; со второго по четвёртый — разбирали то, что обычно кажется периферией научного дискурса (предисловия, рецензии, приложения); в пятом и шестом — постарались на избранных примерах показать основные достижения и проблемы советских концептуальных построений в области древней истории. Автор второго, четвёртого и шестого очерков — С. Б. Крих, третьего и пятого — О. В. Метель. Первый очерк и заключение написаны совместно.

Авторы благодарят за участие, поддержку и помощь:

проф. *С. Г. Картюка* (Москва), *А. И. Клюева* (Омск),
проф. *В. П. Корзун* (Омск),
к.и.н. *Е. В. Ляпустину* (Москва),
проф. *Г. П. Мяжкова* (Казань), *Ю. Ф. Степанову* (Омск),
проф. *Б. Р. Фостера* (Йель).

¹ *Метель О. В.* Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.). Омск, 2012; *Крих С. Б.* Образ древности в советской историографии. М.: URSS, 2013.

ОЧЕРК 1

ВВЕДЕНИЕ.

ЯЗЫК СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ОЧЕРК 1

Введение. Язык советской историографии

ОЧЕРК 2

Магия предисловий

ОЧЕРК 3

Техника рецензирования

ОЧЕРК 4

Спрятанная наука

ОЧЕРК 5

Эффекты искажения

ОЧЕРК 6

Пути историка

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Думается, пройдёт не так много времени, а историки культуры издадут словарь советского языка — возможно, под более аккуратным названием, но со вполне понятной целью: эпоха ушла, её приметы всё более истираются из памяти живущих поколений, а оставшиеся обрастают мхом мифологии и облаком фантастических интерпретаций. Уже почти умер, к примеру, мир советских дач (особенно если говорить не о дачах элиты, а о сообществах простых граждан), потеряло своё сакральное звучание слово «дефицит» и сейчас не то что англичанам или французам, а собственным детям нелегко объяснить иные строки из песен Высоцкого: скажем, «и в буфете, для других закрытом».

Но ведь то же самое можно сказать и о мире понятий советской исторической науки а, если понимать шире, обо всей гуманитарной сфере предшествующего периода. Мы всё ещё связаны с этим прошлым и всё ещё пользуемся иногда его понятийным аппаратом, но слова звучат в принципиально ином контексте и потому утрачивают прежние, некогда столь важные оттенки при их интерпретации.

Разумеется, любому студенту-историку много раз будут объяснены такие термины, как «общественно-экономическая формация», «способ производства», «базис» и «надстройка» — но это совсем не значит, что он сможет прочесть труды советской эпохи теми же глазами и с теми же эмоциями, с которыми их читали в то время. Прежде всего, ему придётся для себя всё время переводить написанное, как если бы на самом деле он имел дело с книгой или статьёй зарубежного автора: в советской историографии очень редко пишут «крестьяне», зато вполне нормально «непосредственные

производители в сфере сельского хозяйства». Наш студент, как и зарубежный учёный, будут одинаково недоумевать, зачем цитировать Ленина в книге о Вавилонии. И даже если современный студент проредётся к смыслу сквозь многочисленные преграды из десятков терминов или просто сложносоставных понятий, то в любом случае он не сразу поймёт, почему автор одной из статей, написанных таким своеобразным языком, яростно полемизирует с другим, почему они ссылаются на одних и тех же «классиков» (классиков марксизма-ленинизма), но при этом считают свои точки зрения кардинально противоположными, наконец, почему один из них в сложившейся традиции считается охранителем, а другой чуть ли не либералом. Всё сольётся для него в единый поток, и он будет одинаково скучать как над самыми стандартными трудами тех лет, так и над теми статьями и книгами, которые становились научными — а изредка даже вненаучными — сенсациями. Но скорее всего, студент почтёт за лучшее хоть как-то усвоить из этих работ ту информацию, которую полезно усвоить и в дальнейшем избегать близкого знакомства с этим стилем равно как и с этими авторами.

И здесь как раз наступает время историка исторической науки, потому что именно сейчас важно понять, чем была эта, уже ушедшая и удаляющаяся всё дальше от нас во времени система исторического мышления: временным помутнением сознания или одной из высших точек исторического миропонимания в нашей стране? Отвечавшие на этот вопрос долгое время занимали одну из крайних позиций, тем более что обе из них вполне реально — и даже с лихвой — обеспечены аргументами. В защиту советской исторической науки достаточно сказать то, что она занимала одно из центральных мест в системе советской культуры вообще. Советское сознание, бесспорно, было мифологизировано, но это была историческая мифология, и она покоилась на солидной базе школьного и последующего образования. В качестве же порицания советской науки достаточно указать на то, что вся её система не была самостоятельной, подпирала идеологию и рухнула вместе с ней, обеспечив бес-

прецедентное падение престижа истории как системы знания в современной России. Конечно, нет никакой нужды упражняться в произнесении очевидных открытий и сообщать читателю, что истина где-то посреди предельных крайностей, гораздо важнее постараться точно выяснить её местоположение, по возможности объяснить достижения и провалы советской историографии, оценивать их не изолированно, а в комплексе, чтобы понять, почему одно и другое были так неразрывно сплетены в ней.

Но это практически невозможно сделать корректно, если рассматривать советскую историческую науку так, словно она — единственная национальная традиция², которая существовала на планете. Оценивать её можно и нужно только в контексте мировой науки, который не позволит ни чрезмерно принижать, ни преувеличивать отдельные достижения. Мы постарались раскрыть этот контекст в разных измерениях, отнюдь не ограничиваясь иллюстрацией прямых или скрытых заимствований или примерами параллельного развития сходных идей. Конечным объектом изучения для нас всё же была советская историография древности, поскольку мы старались увидеть, как она менялась через осознание своего места в мировой науке и как это проявилось в творчестве отдельных историков, ставших героями наших очерков.

Наш выбор в качестве темы исследования историографии древнего мира объясняется несколькими причинами. Прежде всего, это та сфера, в которой, несмотря на отдельные всплески идеологи-

² Понятие «национальной традиции» здесь использовано при полном понимании того, что в СССР не сложилось единой нации, а потому может восприниматься лишь в переносном смысле — как традиции историописания определенной культурной и государственной общности, что, например, вполне корреспондирует с понятием *nationality* в английском языке. Мы считаем также нужным оговориться, что в любом случае понимаем «национальную традицию» как допустимую условность и отнюдь не утверждаем, будто научное поле строго разделено сейчас или было разделено когда-либо в прошлом на замкнутые районы государственных сфер влияния.

ческого интереса, прямое влияние государственной идеологии было в целом невелико. Всё-таки даже «сверхпопулярное» восстание Спартака имело гораздо меньшее пропагандистское значение, чем Великая Французская Революция или Парижская коммуна. У древности, правда, всегда было особое очарование эпохи классической культуры, зари человеческой цивилизации, но это само по себе несло меньшее обременение для историков, чем, например, необходимость рассказывать о рождении капитализма по Марксу в работах, связанных с Новым временем или ставить во главу угла мнение Ленина по вопросу об отмене крепостного права. Следовательно, в некотором смысле мы можем оценить, каковы были возможности развития советской исторической науки в относительно периферийных для неё областях знания — а это позволит дать ей более взвешенную оценку³. Впрочем, это совсем не значит того, что в сфере изучения древней истории не было своих драматических моментов и запутанных эпизодов.

Вторая причина заключается в том, что наши собственные научные интересы в той или иной мере связаны с историей древнего мира. Исследовать одновременно несколько эпох даже в историографическом измерении — задача слишком смелая, чтобы поручать её людям без узкоспециальных интересов, но согласовать методологические позиции между такими исследователями будет очень сложно. Гораздо лучше для начала достичь верифицируемых результатов в исследованиях отдельных эпох. Кроме сферы древней истории в последнее десятилетие появились работы, освещающие развитие советской историографии в сферах археологии, истории России и Французской революции⁴. Следует надеяться, что эта ра-

³ Большинство работ о советской науке посвящено либо описанию как раз наиболее острых тем для советской системы исторического знания, либо описанию наиболее трагичных моментов в жизни самих советских историков. Это справедливый интерес, но он создаёт известный перекосяк при общем восприятии системы советской науки.

⁴ *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004; *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в

бота будет продолжена и в других направлениях, что в итоге позволит сделать наши представления о специфике мышления советской исторической науки более достоверными.

Тем самым, дело формулировки широких и при этом точных обобщений пока не следует форсировать, ведь пока мы ещё знаем недостаточно. Но при этом, не собираясь разрабатывать здесь и сейчас исчерпывающую и всё объясняющую теорию, мы всё-таки считаем нужным предложить читателю некоторые наши общие представления, которые могли бы послужить предварительными характеристиками языка советской исторической науки, поскольку именно его изучение лежит в основе нашего метода. Прежде всего, нужно дать само определение того, что мы понимаем под этим словосочетанием, которое, в силу своей образности, обычно вообще не заслуживает пояснений у большинства из тех, кто его использует⁵.

По нашему мнению, язык историографии — совокупность лингвистических явлений, свидетельствующих об определённой знаковой системе, которая, будучи встроена в общий язык науки и в язык вообще, обладает при этом рядом специфических характеристик, проявляющих базовые установки и логику мышления данной конкретной историографической школы. Это иерархическая совокупность кодов и опознавательных знаков, которые рождаются в процессе развития данной конкретной системы воззрений, разделяемых более или менее широким кругом историков. Эта совокупность выражает специфическое отношение обозначенного круга

СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005; *Гордон А. В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005; Он же. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009; *Юрганов А. Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

⁵ Несколько сходные попытки, правда, при исследовании «языка власти», см.: *Рейли Д.* Революционное слово как оружие, или как язык довёл саратовских большевиков до власти // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 14. М., 2005. С. 162–176.

историков к предмету своего исследования (особенное понимание предмета и объекта науки, собственную систему подходов и методов к изучению объекта, свой пафос смысла научной деятельности и т. п.). Помимо вышеуказанного, эта совокупность помогает опoznанию и отделению «посвящённых» («своих») от «профанов» («чужих»), то есть сокращает и облегчает коммуникации в своём кругу, но затрудняет понимание контекста и подтекста коммуникации для посторонних. При этом язык историографии не идентичен совокупности «языков» отдельных историков: индивидуальные характеристики всегда остаются и, в зависимости от обстоятельств, могут вносить заметные коррективы в проявлении общих характеристик.

Мы полагаем уместным выделить две базовых характеристики языка советской историографии: апелляция к истине и ортодоксальность.

Апелляция к истине исходила из того, что сама эта истина уже постигнута и по сути дела конечна — ею являются законы исторического развития, открытые Марксом, сформулированные в основном им и Энгельсом, обоснованные и защищённые от критики благодаря отчасти Плеханову, но в первую очередь Ленину. «Законы» включали в себя как достаточно абстрактные положения материалистической диалектики (законы перехода количества в качество, единства и борьбы противоположностей и, наконец, отрицания отрицания), так и более конкретные в отношении изучения общества понятия, такие как разделение на эксплуататоров и эксплуатируемых, борьба классов, соответствие между уровнем развития производительных сил и производственных отношений, наличие базиса и надстройки. Фактически в этот же разряд столпов теории входила в советское время и приписанная Марксу схема смены общественно-экономических формаций (от первобытнообщинного строя через череду трёх классовых формаций до грядущего коммунистического общества).

Вера в неопровержимость этих положений основывалась на представлении о практике как основном критерии истинности —

представлении, восходящем к классическим представлениям о науке в XIX в., которое целиком впитал марксизм. Для советской исторической науки роль практики сыграли события октября 1917 г.: раз пролетарская революция свершилась, значит, и вся марксистская теория общественного развития верна. В этом смысле, истина была известна заранее всем, кто жил в эпоху после Октября.

Истина была известна заранее ещё и в том смысле, что её преподавание было частью не просто исторического, а всеобщего образования в Советском Союзе и начиналось со школы, занимая в последних её классах заметную долю от общего количества затраченного на образование времени. Истина была безальтернативной — потому что обычно даже в университетской аудитории молодой человек не мог узнать ничего о современных критиках марксизма, воспринимая другие точки зрения только в искажённой интерпретации учебников по материалистической философии или, в лучшем случае, через цитаты из давно устаревших с научной и полемической точек зрения «Анти-Дюринга» Энгельса и «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина. Истина была обязательной — научная этика того времени требовала в той или иной форме давать такие ссылки на труды «классиков» (Маркса, Энгельса, Ленина, до начала 50-х гг. — и на Сталина), которые бы подчёркивали соотношение если не любой идеи историка, то по крайней мере общей направленности его труда с основными достижениями марксистской мысли. В принципе, начиная примерно с 60-х гг., истину можно было обсуждать, но это обсуждение предполагало лишь один исход — лучшее постижение обсуждаемой истины, и ни в коем случае не оспаривание её.

Более того, сам труд историка — будь это небольшая заметка или обобщающая многотомная работа — воспринимался именно как подтверждение, расширение, дополнительная иллюстрация на фактическом материале той самой уже постигнутой конечной истины. Научное исследование, следовательно, играло роль, сходную с ролью магического ритуала в ранних культурах — каждый раз

заново открывались всё те же положения на несколько ином материале. Новый неизвестный материал должен был давать всё те же известные ответы — но это должно было быть сделано сообразно установленным критериям научности. Это предполагало важную особенность исторического повествования: применение единообразного языка понятий и терминов, что помогало сделать уникальные исторические явления однотипными. Язык этот не был слишком разнообразным, но позволял, при нанизывании одного термина на другой, оставлять в нём только необходимые черты: вместо «крестьяне и ремесленники» — «мелкие производители».

Следовательно, советскому исследователю никогда не казалось достаточным описать, что ему известно о *баку* в Египте эпохи Среднего царства или о *гурушах* в царстве Шумера и Аккада — ему всегда необходимо было определить, что это за категория в его собственных терминах (выбор основных из которых был весьма ограничен, зато количество вариаций было значительным): раб, крепостной, зависимый работник. Прошлое должно быть не просто описано — а *раскрыто* в отношении современности⁶, за всем богатством конкретных событий минувшего нужно было уметь видеть исключительно одну основу — действие неумолимых законов, система которых и являлась той единственно научной идеологией, наличием которой так гордилось советское сознание. Продолжением этого являлось преобладание монологизма в изложении: желательна только одна версия событий, поскольку автор исследования ищет правильных ответов, а не интересных вопросов⁷. Всё это приводило

⁶ Частое словоупотребление в ранний период советской историографии: «*вскрыть* закономерности». К стати говоря, именно слово «*вскрыть*» наилучшим образом передаёт насильственный характер действий с изучаемым материалом.

⁷ Косвенным последствием этой тенденции была очень небольшая доля научно-популярных работ в советской гуманитарной сфере, особенно написанных специалистами. Жанр популярного изложения предполагает загадки а иной раз даже умолчания — ищущему подтверждений для уже изведанной истины это обычно кажется пошлым.

к упрощению картины прошлого, поскольку в исторических исследованиях оттеснялась на второй план территориальная и хронологическая специфика, а причинно-следственные связи конструировались не столько на основе кропотливого анализа источников, сколько исходя из априорных теоретических суждений. Так происходило обезличивание исследований.

Но если истина монологична и требует не открытия, а подтверждения, то и сам исследователь теряет свою индивидуальность и обезличивается. «Мы» исторических сочинений отражает не столько скромность советских историков, сколько принципиальную невозможность сделать научное открытие в одиночку. Творческим началом советской науки может выступать лишь коллектив, осуществляющий деятельность по разработке того или иного сюжета, каждый член которого работает в рамках заданного пространства и не отрицает, а творчески дополняет выводы коллег и предшественников (если конечно, они не были признаны немарксистскими). Следовательно, процесс познания приобретает в *советской науке* характер однонаправленного линейного движения, в рамках которого каждый исследователь вносит свой вклад в «общее дело».

Принципиальная познаваемость истины приводит к еще одной важной особенности советского научного письма — относительной теоретической простоте языка формируемых концептуальных конструкций, понятийный аппарат которых состоит преимущественно из тщательно отобранных марксистских и общенаучных терминов, а также понятий обыденного языка.

Вторая особенность — ортодоксальность — становится легко понятной, если учесть тот факт, что апелляция к открытой истине принципиально не предполагает дальнейшего движения. Правда, советский дискурс всегда заявлял о возможности развития теории, но реальная история его существования показывала, что любая хоть сколько-нибудь смелая попытка такового воспринималась как ересь или, по меньшей мере, шаг к ереси. Поэтому настоящей ценностью научного исследования было сочетание умеренных новаций (без

которых оно было бы слишком скучным) и ортодоксальности (без которой оно воспринималось бы как «неправильное», «чужое»).

Ортодоксальность в этом случае — это тип апелляции к познанный истине, при котором подчёркивается особая приверженность не только базовым идеям, но также основному кругу тем и стилистике высказываний, которыми ранее эта истина уже была проиллюстрирована — теоретическая простота письма подчёркивала это наилучшим образом, а принижение субъекта познания (личности историка) в угоду познающего коллектива — задавало модус поведения в научном сообществе.

Именно поэтому цитируемые произведения «классиков» важны не только как шедевры мысли, но и как образцы стиля. Конечно, высоколобая неопределённость Маркса (например, некоторые его размышления об «азиатском способе производства» или метафизическая метафоричность понятий базиса и надстройки), журналистская популяризация Энгельса, неистовая резкость Ленина или смертоносная отрывистость Сталина не могли перейти в язык советской науки в своём чистом виде, ведь тогда бы они сделали невозможной конвенциональность высказываний — иными словами, количество конфликтов в научной среде, вызванных взаимными колкостями, превысило бы способность этой среды к производству знания. Стилистические особенности работ «классиков» были обработаны по определённым правилам, резкости смягчены, подобраны стили комментирования их высказываний. Это было выражением конвенции в среде советских учёных, а её нарушение — например, неожиданная трактовка того или иного высказывания Маркса — могло вызвать бурю негодования, обвинения в непонимании диалектики, в невнимательном чтении «классиков», в подверженности влиянию западной науки; иными словами, в ереси.

Но, что очевидно, научная работа, которая сосредоточивалась исключительно на повторении всем известных тезисов и на иллюстрации собственного соответствия общепринятым трактовкам, была обречена на забвение уже тогда — советский период не был

временем интеллектуального упадка, а интеллект требует новой пищи для размышлений. Тем самым, ортодоксальность должна была, как мы и говорили выше, сочетаться с известной долей оригинальности, наиболее приемлемый вариант которой заключался в том, что историк давал относительно неожиданную трактовку «классиков», при этом доказывая, что именно это самое «классики» имели в виду, что именно такая трактовка наилучшим образом соответствует изложенному им фактическому материалу (материалу источников), а все предшествующие интерпретации есть не что иное как искажение первоначальной авторской мысли самими советскими марксистами, в том числе и из-за неточностей перевода исходного текста⁸.

Тем самым, внутри языка советской науки всегда находились механизмы утверждения и пересмотра ортодоксальности, которые делали возможным её внутреннее развитие, но допускали, соответственно, и возможность её кризиса — ибо развитие кризиса не исключает. Внутренний кризис советской науки в сочетании с кризисом опекавшего её государства и предопределили тот исход, который стал очевидным в 90-е гг. и в последующее десятилетие: распад системы науки при сохранении подавляющего числа её элементов и ориентиров, что одновременно замедлило и исказило процесс становления новой системы современной отечественной гуманитаристики.

Названные особенности языка исторических исследований не могли не наложить отпечаток на их структуру. Не исключая отдельных творческих элементов, она представляется нам вполне традиционной: *введение*, в котором формулируются важнейшие

⁸ Именно так свои позиции оборонял А. П. Каждан, пытаясь при помощи ссылок на немецкий вариант работы Ф. Энгельса «К истории первоначального христианства» гг. поставить под сомнение доминировавшую в СССР «внепалестинскую теорию» происхождения христианства. См.: Каждан А. П. Ф. Энгельс и раннее христианство // Вопросы философии. 1970. № 11. С. 92–102.

теоретико-методологические, историографические и источниковедческие компоненты; *ключевая глава*, посвященная анализу социально-экономических сюжетов как основы, на которой базируются все остальные процессы и явления; наконец, последующие *содержательные главы*, в которых собственно и представлен анализ изучаемого материала, притом нередко в итоговой части каждой главы присутствуют выводы, апеллирующие к положениям, сформулированным в *ключевой главе*; *заключение*, чаще всего повторяющее выводы, сделанные ранее и тем самым как бы закольцовывающее заранее очерченный теоретический круг. Особенно примечательную роль в такой структуре играет, несомненно, первая глава, обязательная для работ, посвященных любой тематике, будь то политическая история Греции и Рима или история раннего христианства. Её присутствие напрямую вытекало из марксистской теории, требующей надстроечные явления объяснять изменениями в базисе. Конечно, для неподготовленного читателя, незнакомого с практикой марксистского историописания, такие многосложные конструкции могут представляться избыточными, да и в советское время исторические книги начинали читать со второй главы.

Насколько же язык советской науки принципиально отличался от языка (языков) зарубежной науки, в первую очередь — западной историографии? Здесь, в первую очередь, следует соблюсти баланс в оценке и не увлечься ни крайностью преувеличения своеобразия советской науки, ни крайностью сведения её на уровень лишь одной из европейских традиций историописания. Конечно, отдельные черты того, что произошло с отечественной наукой в XX в., могут быть сходными с рядом европейских стран. Так, отечественная наука восходила к научным ориентирам исторического знания, сформулированным в XIX в. — как это было в случае с англо-американской или французской традициями, а в XX в. она подверглась

сильному и направляющему воздействию государственной идеологии, как это было в случае с традициями итальянской и германской⁹ (а позднее и с наукой восточноевропейских стран), но ни в одном из сходных случаев сочетание факторов не было таким долговременным, как в ситуации с советской научной традицией.

Основное же различие было в другом: начинаясь из того же истока «образцового исследования» XIX в., советская традиция развивалась в собственном русле, и потому фактически не воспринимала (точнее, воспринимала через призму своих подходов) изменения, которые произошли в западной традиции в течение XX в. Именно поэтому советские учёные иной раз вполне искренне полагали, что новые черты в этой традиции свидетельствуют о её глубоком кризисе: ведь они во многом отрицали классические установки прошлого века и плохо коррелировали с тенденциями развития советской науки. Так, в западной гуманитарной традиции в XX в. надёжно устанавливаются: сомнение в объекте (как в степени его познаваемости, так и в адекватности наших путей его познания), либерализм (в смысле допущения различных подходов при наличии общего языка для ведения диалога), начинает преобладать диалогизм (научное исследование ориентируется не столько на решение вопроса, сколько на адекватную постановку проблемы, а потому не

⁹ Особенности историописания при нацистском и фашистском режимах посвящено много работ, из которых мы можем выделить следующие: *Хряков А.* Историки при национал-социализме: жертвы, попутчики или преступники? // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 47–66; Он же. Карл Великий и немецкая историография 30–40-х гг. XX в. // Вестник Омского университета. 2001. № 1. С. 132–138; Он же. «Наука не может просто ждать...»: немецкий историк Герман Аубин при национал-социализме // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Материалы XII межвузовской региональной научной конференции. Омск, 2012. С. 226–250; *Уолкер М.* Наука при национал-социализме // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки / под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 2003. С. 701–727; *Нестерова Т. П.* Джованни Джентиле и реформа высшего образования в Италии в 1920-е годы // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2010. Вып. IX. С. 67–72 и др.

просто допускает наличие разных версий истолкования данных, но обсуждает их сравнительную ценность). Советская историческая наука, развиваясь сама, параллельно наблюдала рождение и развитие этих тенденций у той самой «буржуазной» науки, которой она по определению противостояла. Здесь и простирается поле нашего исследования: потому что индивидуальное восприятие происходящих перемен было различным, и разные учёные по-разному мыслили себя в этом контексте.

Мы обычно говорим «историческая наука», «советская историография», но это — абстракции чистой воды. Общие тенденции намечать необходимо, но весомое историографическое исследование не может быть построено на сплошном обсуждении этих общих тенденций: ведь, при тенденциозном подборе, с помощью фактов можно проиллюстрировать совершенно разные, в том числе и взаимоисключающие абстрактные положения. Чтобы за всякой абстракцией стояла проверяемая и соотносимая с ней конкретика, рассказывая о науке в целом, необходимо всегда обращаться к отдельным учёным и их работам, к их личному выбору, персональной стратегии повествования, индивидуальному видению общеразделяемых ценностей и теорий. Именно поэтому значительная часть нашей книги будет посвящена именно рассмотрению особенностей работы отдельных историков, сыгравших заметную роль в становлении и развитии советской науки о древности. Другие очерки касаются некоторых интересных жанров научных работ или направлений исследования, подробный анализ которых, как мы надеемся, поможет увидеть советскую науку одновременно в её конкретности и обобщённом, даже объёмном измерении.

Мы считаем нужным кратко пояснить здесь и то, какими путями мы проводили наше исследование. Прежде всего — и язык историографии, и её идеи раскрывались через исследование самих произведений, созданных советскими историками древности. То, как строится повествование, какие темы считаются важными, а какие оттесняются на второй план, почему цитируются одни и игно-

рируются другие работы, в чём сходство и различие рассказов о прошлом у разных авторов или в разных историографических традициях — всё это те точки, на которых базировалось исследование. Полезно было изучить и то, как сами авторы оценивают себя и своё место в науке, свои позиции — не только с точки зрения того, что они нам сообщают об этом, но и с точки зрения того, о чём они иной раз умалчивают. Так что анализ исторического произведения — это путешествие по силовым полям, где перепады напряжения свидетельствуют об особом отношении к волнующей теме. Из этого складывается то, что можно образно назвать картой воззрений историка, которую можно сравнивать с другими, чтобы на этом сравнении построить общую картину.

Продолжая характеристику структуры нашей работы, мы хотели бы обратить внимание, что не претендовали на всестороннее освещение проблемы с точки зрения последовательного (хотя бы и поверхностного) охвата материала. Нам показалось, что подход, при котором были бы выделены некоторые периоды (20–30-е гг., послевоенные годы, перестроечное время) и по каждому из них дана более или менее подробная сводка взаимодействия и взаимовлияния советской и мировой науки, будет наиболее непродуктивным как с точки зрения получения полезных результатов, так и с точки зрения экономии времени читателя. Нас вообще не интересовало взаимодействие «нашей» и «их» науки в форме научных конгрессов, в подсчёте обилия изданий или рассмотрения степени контроля над этим со стороны властей — все эти темы, безусловно, важные, но всё-таки, по сути своей, периферийные и даже «опасные» для исследователя, рассматривающего их в качестве самостоятельных сюжетов, в отрыве от идейного анализа историографического процесса. Ведь ни участие в работе международного конгресса, ни научная зарубежная стажировка, ни факт знакомства с выводами того или иного коллеги через чтение его книг сами по себе не позволяют нам получить качественной информации об уровне погружения советских ученых в контекст западной исследо-

вательской мысли. К примеру, в мемуарах советских историков неизменно присутствует указание на детальное знакомство автора и его ближайших коллег с выводами западных специалистов по интересующей тематике, в том числе подчеркивается и факт наличия личных связей с «буржуазными специалистами», но что могут нам дать подобные «изолированные» ссылки, кроме тривиального вывода о том, что крупный учёный, в том числе и советский, не сможет нормально работать в «вакууме»¹⁰? Точно так же участие в работе международных конгрессов можно априорно рассматривать как факт признания заслуг советской науки, а можно несколько сместить акценты и говорить не столько о признании, сколько о любопытстве по отношению к тому, что происходит «за железным занавесом», но ни в одном из указанных случаев нельзя определить значение международного сотрудничества для развития исторической мысли в СССР¹¹. Именно поэтому нас интересовал вопрос распространения и влияния идей, а также сложности, связанные с их адаптацией или дальнейшим развитием. Именно поэтому мы отобрали ряд сюжетов, которые могли проиллюстрировать этот процесс с разных сторон, по возможности показав его запутанным и, так скажем, неоднозначным. Мы старались честно рассказывать о трудностях, которые испытывала советская историография не для того, чтобы выступать в роли судей, а чтобы понять, как это определило наше сегодняшнее восприятие истории, и научиться двигаться дальше.

¹⁰ Эта особенность особенно заметна в «мемуарной полемике» советских медиевистов, все участники которой неизменно отмечают прекрасное знакомство с выводами западных коллег. См.: *Гутнова Е. В.* Пережитое. М., 2001; *Гуревич А. Я.* История историка. М., 2004.; *Стам С. М.* Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов, 2009.

¹¹ Советские историографы, напротив, придавали решающее значение количественным показателям, стремясь подчеркнуть интенсивность научных контактов с зарубежными учеными.

Без некоторых формальных моментов — указаний на периодизацию, большинства биографических экскурсов — мы легко обходились в ходе повествования, полагая их известными специалистам. Но широкий читатель чаще всего с этими моментами незнаком — именно поэтому мы составили приложения (Приложения 1–3), которые дают небольшую справку и общий ориентир для восприятия очерков. Впрочем, и приложения — не попытка заменить учебник в миниатюре, а прежде всего частичка нашего собственного понимания вопроса, с особым образом расставленными акцентами и часто со спорными оценками — которые, тем не менее, мы готовы отстаивать.

В каком-то смысле вся эта книга — исследование языка советской науки, того, как наука рождает определённые понятия, которые задают рамки понимания, а потом люди пытаются выйти за их пределы, иногда удачно, чаще — нет. В историях, которые мы постарались рассказать читателю в нескольких очерках, много поучительного, и, смеем надеяться, не только для историка, потому что это рассказы в первую очередь о том, как мыслят историки, но в том числе и про то, как мыслим мы все в рамках, заданных нами определённой эпохой и определённой культурной традицией, как мы взаимодействуем с другими традициями и почему иногда исход этого взаимодействия может быть для нас полезным, а иногда — трагическим.

ОЧЕРК 2

МАГИЯ ПРЕДИСЛОВИЙ

ОЧЕРК 1

Введение. Язык советской историографии

ОЧЕРК 2

Магия предисловий

ОЧЕРК 3

Техника рецензирования

ОЧЕРК 4

Спрятанная наука

ОЧЕРК 5

Эффекты искажения

ОЧЕРК 6

Пути историка

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советская историческая наука формировалась в условиях нарастающей изоляции от мировой науки. С одной стороны, изоляция никогда не была абсолютной и можно даже сказать, что таковая никогда не была целью властей. С другой стороны, она была в некоторых отношениях роковой. Свободного поступления и распространения зарубежной литературы в стране не было, по сути, ни до опускания «железного занавеса», ни после него. Наиболее важные издания (но далеко не все) выписывались центральными библиотеками, и стабильный доступ к ним был обеспечен лишь сравнительно узкому кругу столичных учёных. Средства и формы копирования всегда были ограничены, межбиблиотечный абонемент работал, но очень неспешно, и на большие объёмы литературы, полученные с его помощью, рассчитывать не приходилось. Таким образом, провинциальная наука в этом смысле всегда находилась на голодном пайке, столичная — на полуголодном. Положение усугублялось, если дело касалось не учёных, а более широких кругов читателей — прежде всего студентов исторических и историко-филологических факультетов. Для них знакомство с зарубежной литературой сводилось либо к пересказам (в виде рецензий в научных журналах или историографических обзоров в статьях и монографиях), либо к переводным изданиям.

Последних было в целом немного, можно даже сказать — ничтожно мало (особенно если говорить именно о научных, а не о научно-популярных книгах), и они не могли дать полноценного представления о развитии науки за пределами собственной страны. Заря научной работы, студенческое время, когда закладываются базовые принципы мышления и навыки обработки материала, проходила в

заранее искажённой среде, когда определённый тип историописания представлялся не только доминирующим, но и наиболее плодотворным в мировой науке, и лишь немногие могли подозревать, насколько эти представления отличались от действительного состояния дел. А причина этого крылась, конечно, не столько в небольшом количестве переводов, сколько в том, каково было в целом отношение к зарубежной науке. Даже те книги, которые выходили на русском языке, обычно не оставались без предисловия со стороны советского учёного — специалиста в данной области, — которое должно было не столько рассказать о достоинствах книги или о контексте её создания, сколько предостеречь «своего» читателя от её неизбежных (в силу происхождения) недостатков.

Воспитательно-направляющая роль предисловия (или послесловия — об этом ниже), подобная роли самой партии в повседневной жизни страны, зародилась ещё в самое раннее время, когда советская наука только делала свои первые шаги и элементарно не имела достаточного количества научной и учебной продукции, чтобы обеспечить потребности собственной системы образования — а без этого было затруднительно дальнейшее развитие самой науки. Правильно комментированная дореволюционная и заграничная книга до поры до времени была единственным способом выбраться из тупиковой ситуации. Но здесь уже было понятно, что читателю — да и самому себе, как автору предисловия — следовало внятно объяснить, по какой причине издавалась книга классово чуждого автора. И коль скоро ссылки на существующую в советской стране свободу слова стали равно парадоксальными и недостаточными, то невольно рождался особый жанр предисловия. Как известно, ещё в древней риторике сформировались жанры восхваления и поругания того или иного человека, явления или предмета. Советские историки теперь в силу внешних обстоятельств должны были освоить промежуточный жанр панегирика-посюга: убедительно похвалить книгу, ибо иначе за что бы её было публиковать, и убедительно же её поругать — ведь она всё ж таки не является марксистской. Пре-

красное поле для освоения приёмов диалектики (точнее, того, что понималось под ней в Советском Союзе). На самом деле, в сталинское время эти навыки нужно было уметь проявлять и по отношению к своим, советским авторам, и даже («в порядке самокритики» — была такая присказка) по отношению к себе. Поскольку генеральная линия партии, всегда оставаясь прямой, при этом постоянно поворачивала, то дар скользить на грани поругания и прославления становился важнейшим умением в наборе советских интеллектуальных канатоходцев.

Тем с большим азартом, вероятно, хотелось применить все эти приёмы по отношению к «внешней науке» — зарубежной или российской дореволюционной. Для нас же, современных читателей, этот вопрос интересен, конечно же, не потому, что даёт возможность увидеть, как по-разному ведут себя люди, когда им вменяется в обязанность критиковать других, а потому, что пути и способы оценки другого очень многое говорят о том, кто оценивает. Предисловия, написанные советскими историками к работам «внешних» авторов, даже лучше, чем написанные ими же рецензии и историографические обзоры, показывают, какой образ мировой науки рисовался советским учёным и какое место они отводили в нём собственной научной традиции.

Прежде всего, следует отметить, что предисловия, имея в общем одну и ту же структуру, различались в зависимости от нескольких факторов. Одним из важнейших был характер книги и её, условно говоря, происхождение. Любому читателю вполне очевидно, что предисловия, написанные к переводу научной (или даже узкоспециальной) книги должны отличаться от тех, что адресованы к переводам книг научно-популярного жанра¹². Но для советской

¹² Сама по себе проблема научно-популярной исторической литературы, особенно написанной неспециалистами, не является предметом нашего исследования — о ней уместен отдельный разговор. Поэтому ниже мы коснёмся её только в контексте общего исследования.

литературы было существенным и ещё одно деление: были ли это книги зарубежных марксистов (в основном из стран «народной демократии», но не только) или «буржуазных» учёных. Во втором случае имело некоторое значение то, были ли это учёные современные или те, которые творили на предшествующих этапах развития исторической науки.

Исходя из названных характеристик, можно предложить следующую иерархию оценки переводных трудов, как она представлена в предисловиях: наиболее лояльное отношение было, конечно, к историкам-марксистам, причём особенно выделялись «ортодоксальные» (идеально близкие советской версии марксизма-ленинизма) — такие, например, как китайские историки до охлаждения отношений между СССР и КНР (Го Мо-жо, Фань Вэнь-Лань) или председатель Компартии Индии Ш. А. Данге, и несколько иначе рассматривались марксисты, которые не всегда могли вписаться в советский переменчивый дискурс, если хотели (Ж. Эншлен, отчасти Р. Ш. Шарма) или даже не собирались в него вписываться (А. Робертсон) — здесь была нужна аккуратная, но при этом определённо выраженная полемика. Большей осторожности в обращении требовали историки, чьи позиции считались близкими марксизму или просто прогрессивными (В. Тарн, П. Левек, В. Г. Чайлд)¹³. Следующей категорией были учёные, которых никак нельзя было назвать связанными с марксизмом, а их взгляды признать прогрессивными — в советском понимании (например, Г. Бенгтсон, Ш. Диль, Э. Маккей, Г. Дельбрюк). Теоретически можно было бы предположить наличие ещё одной категории — ярых антимарксистов, но, насколько мы можем судить, их работы не подлежали переводу (скажем, не переиздавался часто критикуемый

¹³ Впрочем, в определённые периоды, возможно, из пущей осторожности, даже западные учёные-марксисты сдержанно именовались «прогрессивными». См.: От редакции // ВДИ. 1953. № 4. С. 113.

труд об античном коммунизме Р. Пёльмана¹⁴), либо же, если работы публиковались, то не делался акцент на каких-либо проявлениях антимарксистской позиции.

В общем и целом можно сказать, что тональность предисловия зависела от личности автора (вернее, от его политической позиции) даже больше, чем от написанной им книги. Нам уже приходилось однажды приводить такой пример: в предисловии к «Эллинистической цивилизации» В. Тарна С. И. Ковалёв категорично утверждает, что Тарн — прогрессивный историк, в отличие от реакционных модернизаторов М. И. Ростовцева и У. Каршtedта, выражается это, в частности, в том, что Тарн подчёркивает отличие эллинистической экономики от экономики современного капитализма, помнит о её рабской основе и высказывает сочувствие угнетённым классам; его же недостатки заключаются в том, что при всём этом он не делает фактор рабовладения основополагающим в своей концепции, затушёвывает классовую борьбу и верит в рост гуманности и постепенное смягчение рабовладения на протяжении эллинистической эпохи¹⁵. Но в ростовцевской «Социально-экономической истории эллинистического мира» мы встретим и отрицание тождества между капитализмом в древности и современным¹⁶, и подчёркивание большой роли рабовладения в древней экономике, и сочувствие угнетённым классам¹⁷; мы встретим также неприятие теории «рабовладельческих обществ»¹⁸ — иными словами, Ростовцев по всем этим пунктам совпадает с Тарном, только, разве что, не очень верит

¹⁴ Общая история европейской культуры. Т. II: *Пёльман Р.* История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910.

¹⁵ *Ковалёв С. И.* Предисловие // *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С. 7–8.

¹⁶ *Rostovtzeff M. I.* The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. P. 1327 n. 25. См. также: P. 1367 n. 64 — о том, что неприемлемо говорить о существовании социалистических идей в Древней Греции.

¹⁷ *Op. cit.* P. 754, 756, 957, 1125, 1158, 1357 n. 53.

¹⁸ *Op. cit.* P. 1328.

в рост гуманизма как фактор смягчения рабовладения. Если следовать формальным характеристикам, либо Ростовцев должен оказаться в числе прогрессивных учёных, либо Тарн уйти в лагерь реакционеров-модернизаторов, но мы, как и Ковалёв, прекрасно понимаем, что дело исключительно в политической позиции Ростовцева, и ни в чём ином. Человек с реакционными политическими взглядами («антисоветчик») не может писать прогрессивных научных трудов — и неважно, если реальность при этом придётся немного подретушировать.

Можно ли говорить, что в советской литературе сложился единый шаблон по написанию предисловий к переводным трудам? В смысле строго соблюдаемой формы — нет. Но определённый набор элементов, которые стало привычным видеть в предисловиях, появился, при этом каждый конкретный автор мог довольно свободно их варьировать: если работа была специальная и рассчитывалась (исходя из тиража и содержания) прежде всего на самих историков, то он позволял себе вступить в полемику по достаточно частным вопросам (пример — книга В. Хинца¹⁹), если же речь шла о книгах, ориентированных на широкого читателя, то часто авторы предисловий старались дать подробный очерк той исторической эпохи, которой была посвящена книга (пример — книги Г. Бенгтсона, П. Монтэ).

Как писал Г. А. Кошеленко, выбор книги для перевода «обосновывался тремя группами взаимосвязанных факторов: личностью автора, содержанием работы и характером развиваемой в ней концепции»²⁰. Понятное дело, что все эти пункты Г. А. Кошеленко и обосновал по отношению к книге П. Левека. Но эту трёхчастную структуру следует конкретизировать и дополнить. В общем и целом «идеальное» предисловие могло бы состоять из следующих пунк-

¹⁹ Юсифов Ю. Б. Послесловие // Хинц В. Государство Элам. М., 1977. С. 183–192.

²⁰ Кошеленко Г. А. Послесловие // Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 239.

тов: рассказ об авторе и его достижениях, а также о его эпохе²¹ или, что реже, о его коллегах (обычно коротко)²²; очерк истории той эпохи или темы, которой посвящена книга, иногда сочетающийся с историографическим очерком по теме (иногда только по советской историографии); более или менее краткое изложение концепции книги (шире — концепции автора вообще)²³; перечисление основных достоинств, а затем — мелких недостатков и погрешностей книги, постепенно выводящее к анализу методологических позиций историка, которым даётся общая и чаще всего строгая оценка, иногда дополняемая констатацией собственной исследовательской позиции автора предисловия; завершающие замечания о степени полезности книги для советского читателя. В случае если предисловие/послесловие относилось к книге научно-популярной, особенно написанной неспециалистами, автор обычно делал больший акцент на общей характеристике эпохи и кратко указывал на наиболее существенные недостатки книги²⁴. Если же речь шла о работах

²¹ Понятное дело, что это требовалось в тех случаях, когда издавали классические исторические труды, написанные в XIX в. См.: *Валлон А.* История рабства в античном мире. М., 1941; *Шампольон Ж.-Ф.* О египетском иероглифическом письме. М., 1950.

²² *Кошеленко Г. А.* Послесловие // *Левек П.* Указ. соч. С. 240–241; *Грантовский Э. А.* Послесловие // *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С. 285 сл.

²³ *Фельдштейн Г. С.* И. Г. Фрэзер и его труды // *Фрэзер И. Г.* Фригийский культ Атгиса и христианство. М., 1924. С. 3–16.

²⁴ Напр.: *Павловская А.* Послесловие // *Кравчук А.* Закат Птолемеев. М., 1973. С. 207–215; *Клочков И. С.* Послесловие // *Белицкий М.* Забытый мир шумеров. М., 1980. С. 388–393; *Петровский Н. С.* Источники сведений о Древнем Египте в России в XI–XVIII веках // *Замаровский В.* Их величества пирамиды. 2-е изд. М., 1986. С. 387–406; *Стучевский И. А.* Фиванский город мёртвых // Там же. С. 407–422. Уравновешенный вариант, когда в предисловии оговорены основные моменты, а комментарии по главам даны специалистами: *Керрам К.* Боги, гробницы, учёные. Роман археологии. М., 1963. Обратные примеры серьёзной полемики с книгами, которые писали журналисты: *Иванов Вяч.* Предисловие // *Замаровский В.* Тайны хеттов. М., 1968. С. 3–14; *Свенцицкая И. С.* Послесловие // *Косидовский З.* Сказания евангелистов. М., 1977. С. 245–253. Впрочем, были и просчёты: за науч-

самых историков, полемика могла приобретать принципиальный характер, иногда даже с оттенком личного несогласия во внешне несущественных частных вопросах²⁵.

Следует сказать также, что мы используем термин «предисловие» несколько неточно: прежде всего, в переводной книге могло вовсе не быть предисловия или вместо него ставилась небольшая заметка «От редакции», зато появлялось иногда очень солидное послесловие (до десятой части от основного текста). Изначально в переводных книгах абсолютно преобладали предисловия — читатель должен был сначала получить правильную установку, и лишь после этого допускался к чтению самой книги²⁶. Послесловия появляются лишь позднее и позиции завоёвывают не сразу. Можно предложить следующую историю вопроса: в 1920–1940-е гг. предисловия безусловно доминировали (собственно, нам не удалось об-

ный прорыв принималась книга, которую не стоило переводить даже в целях популяризации; см.: *Королёв А. А., Назаров В. П.* Несколько замечаний по поводу перевода книги З. Майяни «Этруски начинают говорить» (Письмо в редакцию) // ВДИ. 1968. № 1. С. 224–226.

²⁵ Джентльменский вариант выбрал И. М. Дьяконов при публикации знаменитой книги И. Е. Гельба о грамматологии: он написал краткое предисловие, а все свои обширные замечания (набранные мелким шрифтом и составившие почти 10 % к основному тексту Гельба) дал в конце в качестве комментария. См.: *Гельб И. Е.* Опыт изучения письма (Основы грамматологии). М., 1982. С. 5–6, 293–306. Но это касалось именно более убедительной теории Гельба; в издании книги И. Фридриха (1893–1972) в предисловии подробно рассказывается о том, что автор упустил в своём обзоре систем письма, а в комментариях даются уточнения по конкретным аспектам; впрочем, и в этой книге критика издателей не несёт никакой «политико-идеологической составляющей» и смягчена оправданием по принципу «нельзя объять необъятного». См.: *Фридрих И.* История письма / Вступительная статья и комментарии И. М. Дьяконова. М., 1979; ср.: *Фридрих И.* Дешифровка забытых письменностей и языков / Под. ред. И. М. Дьяконова. М., 1961. Все три книги переизд. в URSS.

²⁶ Как говорилось в одной аннотации: «Предисловие помогает советскому читателю критически разобраться в общей концепции и отдельных выводах Г. Дельбрюка». *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Том первый. Античный мир. М., 1936. С. 4.

наружить ни одной переводной книги по древней истории с послесловием); в 1950–1960-е гг. — наблюдаются единичные случаи книг с послесловием; 1970–1980-е гг. (перелом произошёл около 1975 г.) — послесловия абсолютно перевешивают предисловия²⁷. Безо всяких сомнений, это было связано и с ростом доверия к собственному читателю, и с утратой революционной критичности советской наукой — это подтверждает и тот факт, что в 80-е гг. уже в заметном количестве появляются книги вовсе без специальных пояснений к ним — исключая лишь некоторые незначительные замечания «От переводчика»²⁸. При этом типологически предисловия и послесловия отличались незначительно — конечно, если сравнивать между собой написанные приблизительно в одно время. Учитывая, что словосочетания вроде «сопроводительные замечания» неудобны и будут лишь раздражать читателя, мы предпочли условную неточность при расширительном использовании термина «предисловия».

Центральным при характеристике послесловий для нас будет вопрос о том, что же хотели сказать советские историки (предисловия к переводам исторических работ всегда писали специалисты, причём в подавляющем количестве — именно в той сфере, к которой относилась книга; такие разносторонние исследовали, как

²⁷ Послесловия предпочитались теперь даже в тех случаях, когда дать предисловие было бы логичнее: как в случае с переводом популярной книги шумеролога Э. Кьера (1885–1933), которой было уже более полувека, и читателю было бы удобнее узнать о развитии шумерологии за этот период в самом начале. См.: *Ключков И. С. От переводчика // Кьера Э. Они писали на глине. Рассказывают вавилонские таблички.* М., 1984. С. 127–133.

²⁸ Такого рода доверием пользовались книги А. Донини (1903–1991) — итальянского марксиста, историка религии: *Донини А. Люди, идолы и боги. Очерк истории религии.* М., 1962 (с небольшими примечаниями от редакции по тексту); Он же. *У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана).* 2-е изд. М., 1989. То же касалось научно-популярных трудов авторов из стран «советского лагеря»: *Варга Д. Древний Восток: У начала истории письменности.* 2-е изд. Будапешт, 1985; *Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима.* М., 1988; *Куманецкий К. История культуры Древней Греции и Рима.* М., 1990.

В. В. Струве здесь, конечно, должны числиться особой категорией), когда обращались к советским читателям, в чём хотели их убедить в первую очередь. Стилистика при этом могла заметно отличаться: это зависело от времени написания предисловий — в 30-е гг. их отличает «боевая раскраска», бескомпромиссность формулировок, фанатично пропагандируемая вера в превосходство советской науки; в 80-е гг., напротив, появляются ноты безразличия к отстаиванию шаблонных (к тому времени) теоретических положений в сочетании с элементами самокритики. Стиль предисловия зависел и от автора: от его умения и склонности к употреблению ярких оборотов²⁹ или от надёжности его положения в науке: так, предисловия, написанные академиком В. В. Струве на закате своего научного пути, очень умеренны в своей критической части (прежде всего, по тону) и полны благожелательного отношения к трудам тех учёных, о которых он пишет³⁰. Но основные мысли оставались одними и теми же.

Основное достоинство, которое практически всегда находили советские историки в переводах своих коллег — обработка большого количества фактического материала, проведённая на самом вы-

²⁹ Так, выделяется неизвестный автор предисловия к военной истории Г. Дельбрюка (1848–1929): «И хотя, как говорили древние, время выдаёт все тайны, буржуазная военно-историческая мысль продолжает безнадежно стоять у их запертых дверей». Предисловие // *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Том первый. Античный мир. С. 6.

³⁰ См. *Струве В. В.* Предисловие // *Вулли Л.* Ур халдеев. М., 1961. С. 5–11; Он же. Предисловие // *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. М., 1965. С. 5–14. Десятилетием ранее предисловия были несколько более критичны: *Струве В. В.* Предисловие // *Маккей Э.* Древнейшая культура долины Индии. М., 1951. С. 5–26; а довоенные — целиком в стилистике тех лет: *Струве В. В., Снегирёв И. Л.* Предисловие // *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Под ред. В. В. Струве и И. Л. Снегирёва. Третье стереотипное издание. Т. I. Л., 1936. С. V–XII; авторы, введливо раскритиковав методологию Б. А. Тураева, заключают тем, что «смогли остановиться лишь весьма кратко на главных недостатках ... не оговаривая более мелких вопросов, что потребовало бы значительно больших размеров предисловия».

соком уровне, иногда с интересными обобщениями³¹. Нередко, в дополнение к сказанному или как самостоятельный аргумент, указывалось, что автор — уникальный специалист в своей области³². Часто это положение дополнялось близкими характеристиками: например, когда признавалась удачно выбранная форма изложения, которая позволяла сделать доступным сложное содержание. «Секрет популярности книги О. Герни, видимо, кроется в том, что она написана компетентно и в то же время довольно увлекательно»³³. Нередко отмечалось, что данная книга заслуживает перевода потому, что всё-таки гораздо лучше (вариант — новее) других зарубежных книг по этой же теме, либо с фактической, либо с методологической точки зрения³⁴.

Список претензий гораздо шире, хотя в общем-то и их можно свести к нескольким основным пунктам. Главная из них была

³¹ См.: От редакции «Атеист» // *Древс А.* Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем. М., 1930. С. 8; *Струве В. В.* Предисловие // *Вулли Л.* Ур халдеев. С. 5 и сл.; Он же. Предисловие // *Крамер С. Н.* История начинается в Шумере. С. 6; Он же. Предисловие // *Маккей Э.* Древнейшая культура долины Инда. С. 6; *Авдиев В.* Предисловие // *Чайльд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 9–11; *Ковалёв С. И.* Предисловие // *Тарн В.* Эллинистическая цивилизация. С. 18. Похвала Оппенгейму уже более изысканная: «не претендует на всеобъемлющее отображение месопотамской цивилизации, а стремится выделить из бесчисленного количества фактов наиболее характерные и осмыслить их». *Дандамаев М. А.* Послесловие // *Оппенгейм А.* Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980. С. 391.

³² *Фельдштейн Г. С.* И. Г. Фрэнгер и его труды // *Фрэнгер И. Г.* Фригийский культ Аттиса и христианство. С. 3.

³³ *Арджинба В. Г.* Послесловие // *Герни О. Р.* Хетты. М., 1987. С. 192. Ср.: *Бонгард-Левин Г. М.* Послесловие // *Бэшем А. Л.* Чудо, которым была Индия. М., 1977. С. 560: «удачное сочетание высокого профессионализма с доступностью изложения».

³⁴ *Шницберг И. С.* Христос как динамомашина капитализма // *Древс А.* Миф о Христе. Т. I. М., 1924. С. VIII; *Кошеленко Г. А.* Послесловие // *Левек П.* Указ. соч. С. 246; *Ковалёв С. И.* Предисловие // *Тарн В.* Указ. соч. С. 6; *Грантовский Э. А.* Послесловие // *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С. 285; *Кацнельсон И. С.* Книги Леонарда Коттрелла и история Египта // *Коттрелл Л.* Во времена фараонов. М., 1982. С. 3.

вполне типичной претензией советских историков к «буржуазным»: они не умеют видеть истинного смысла исторических событий, не замечают правильной закономерности, которая в них заложена. Стоит, правда, отметить, что эта претензия была настолько общего характера, что ряд предисловий её в лучшем случае подразумевают, но даже не озвучивают — этот обычай вполне утвердился начиная с 60-х гг.

Самым же частым недостатком из тех, на которые почти всегда указывали советские авторы — была модернизация терминов или представлений о древнем мире. Этот упрёк, пожалуй, был самым удобным — для него легко можно было найти хоть какие основания, и функция критики могла считаться формально исполненной. Интересно, тем не менее, что начало этой претензии в отечественной литературе по древности заложил, как это ни покажется странным, М. И. Ростовцев: в предисловии к упоминавшемуся уже переводу Р. Пёльмана он отмечает, что «автор не избег подчас и некоторой модернизации античности»³⁵. Ростовцев, конечно, ещё и думать не мог, сколько раз придётся услышать ему этот упрёк по своему адресу — в Советской России в нём видели чуть ли не главу модернизаторской школы (наряду с Э. Мейером)³⁶. Но если Ростовцев считал причиной модернизации Пёльмана прежде всего личное увлечение учёного проведением исторических параллелей, то в советской историографии модернизация расценивалась в качестве подвида слабо прикрытой фальсификации, методом обоснования извечности и неизбежности частной собственности и даже капитализма, а в итоге — манёвром, который отвлекал умы от того самого

³⁵ Ростовцев М. Предисловие редактора // Пёльман Р. История античного коммунизма и социализма. С. III.

³⁶ Иногда «прогрессивного» зарубежного учёного могли даже похвалить за то, что он удаляется от Ростовцева и приближается к Энгельсу: Сказкин С. Предисловие // Луццатто Дж. Экономическая история Италии. Античность и средние века. М., 1954. С. 6–7.

нахождения единственно правильной закономерности в историческом процессе.

Поэтому-то упрёк в модернизации, даже если он не был чётко выражен, ясно должен был подчеркнуть, что переводимый труд не смог существенно приблизиться к уровню настоящей науки и настоящих обобщений, сколь бы ни были велики отдельные заслуги автора: обилие проработанного материала и удачные частные выводы. Упрёки в модернизации могли быть двух типов, грань между которыми, впрочем, не была ясно обозначенной: в одном случае автор порицался за неосмотрительное увлечение современной терминологией (есть даже пример, когда за это критиковался историк-марксист³⁷), во втором — за последовательную, так сказать, концептуальную модернизацию древности как таковой³⁸. Если первое прегрешение ещё могло подразумевать недосмотр, то второе свидетельствовало о глубоком заблуждении историка.

Нужно сказать, что степень экзальтированности автора предисловия по вопросу о модернизации определяет в общем и степень его противостояния «буржуазной» историографии: не случайно в поздний период (начиная с 60-х гг., но действительно заметно лишь с 80-х гг.) упрёки в модернизации заметно смягчаются — авторы предисловий предпочитают оговаривать, что некоторая степень модернизации не наносит вреда принципиальным достоинствам книги и может быть легко отслежена и отброшена советским читателем. Более того, иногда они оправдывают зарубежных авторов тем, что те стремились всего лишь быть лучше понятыми

³⁷ Ковалёв С. И. Вступительная статья // Робертсон А. Происхождение христианства. М., 1959. С. 5–8.

³⁸ Здесь, впрочем, тоже могло быть разделение: одно дело модернизаторство раннее, хотя уже систематическое, но не вполне сознательное и злонаправленное (как у Т. Моммзена), другое дело — модернизаторство 20–30-х гг., цели которого прямо-таки фашистские. См.: Ковалёв С. И. Теодор Моммзен и его «Римская история» // Моммзен Т. История Рима. Т. I: До битвы при Пидне. М., 1936. С. XV прим. 6, XVI и сл.

широкой читательской аудиторией, а употребляемые ими современные термины следует понимать со скидкой на условность их применения³⁹ — аргумент, который было просто невысказано в 30-е гг.

Из отдельных характеристик, которые выборочно заслуживали критики, можно отметить следующие. Зарубежным историкам ставится в минус европоцентризм⁴⁰, преуменьшение роли рабов в древних экономиках⁴¹, построение своих периодизаций на основе несущественных факторов⁴² или построение абстрактных схем⁴³, буржуазный идеализм и идеализм вообще⁴⁴, то, что они зависят от

³⁹ Впервые этот приём использовал (сравнительно рано, в 1965 г.) В. В. Струве: «я полагаю, что автор, называя “двухпалатным парламентом” совет старейшин Урука и общее собрание его воинов, позволил себе шутиливую вольность в выборе термина». *Струве В. В.* Предисловие // *Крамер С. Н.* Указ. соч. С. 10. Совершенно другой тон, уже не снисходительный к западной науке, а критический по отношению к своей, звучит в предисловиях 80-х гг.: «нет ничего проще, чем с высокомерным видом заметить, что автор не понимает основных закономерностей развития общества... Можно даже обвинить его в модернизации...». *Кошеленко Г. А.* Послесловие // *Левек П.* Указ. соч. С. 248. Ср. *Свенцицкая И. С.* Книга Э. Бикермана «Государство Селевкидов» и проблемы социально-политической истории эллинизма // *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 248.

⁴⁰ *Фролов Э. Д.* История эллинизма в биографиях его творцов // *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 23.

⁴¹ Там же. С. 24; *Струве В. В.* Предисловие // *Вулли Л.* Ур халдеев. С. 7.

⁴² *Горянов Б. Т.* Предисловие // *Диль Ш.* История Византийской империи. М., 1948. С. 5.

⁴³ *Вигасин А. А.* Женщина в древней Индии (вместо послесловия) // *Вардиман Е.* Женщина в древнем мире. М., 1990. С. 301. Впрочем, следует учитывать, что перед нами работа, написанная неспециалистом, что отдельно подчеркнуто в послесловии.

⁴⁴ *Ковалёв С. И.* Предисловие // *Тарн В.* Указ. соч. С. 8; *Кацнельсон И. С.* Книги Леонарда Котрелла и история Египта // *Котрелл Л.* Во времена фараонов. С. 17; *Томашевич О. В.* Послесловие // *Монтэ П.* Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов. М., 1989. С. 371. Г. Дильс, напротив, «не страдает идеализацией античности и отдаёт себе довольно ясный отчёт о сущности античного рабовладельческого хозяйства». *Ковалёв С.* Предисловие // *Дильс Г.* Античная техника. М.-Л., 1934. С. 9.

политической конъюнктуры⁴⁵, отмечаются также вещеведческий характер изложения⁴⁶ и увлечение теорией миграций⁴⁷, наконец, они нередко просто дают некорректное название своим трудам⁴⁸ или отдельным главам⁴⁹ и мало учитывают или не учитывают вовсе работы советских историков⁵⁰.

Но кроме содержания этих упрёков, нам не менее интересна форма, в которую они облекались: образы вообще важны, а тем более в таком относительно «концентрированном» жанре, как предисловия. В целом советские авторы рисовали образ науки, представители которой обречены на то, чтобы прилагать огромные усилия и при этом достигать минимальных результатов в самой важной сфере — постижения сущности истории. Буржуазная наука не только отстала от советской, но и деградирует, скатываясь с собст-

⁴⁵ *Ботвинник М. Н., Нейхардт А. А.* Фриц Шахермайр и его книги об Александре // *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. 2-е изд. М., 1986. С. 366; те же мысли положены в основу предисловий к книгам А. Валлона, Г. Дельбрюка.

⁴⁶ *Струве В. В.* Предисловие // *Маккей Э.* Указ. соч. С. 9.

⁴⁷ Там же. С. 10; *Авдиев В.* Предисловие // *Чайльд Г.* Указ. соч. С. 5; *Струве В. В., Снегирёв И. Л.* Предисловие // *Тураев Б. А.* История древнего Востока. Т. I. С. XI (с оговорками).

⁴⁸ *Ковалёв С.* Предисловие // *Дильс Г.* Античная техника. С. 7–8, 12; *Бердичевский Г. И.* Предисловие // *Шуази О.* Строительное искусство древних римлян. М., 1938. С. 3; Предисловие // *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 8.

⁴⁹ *Ковалёв С. И.* Предисловие // *Тарн В.* Указ. соч. С. 6, прим. 1: С. И. Ковалёв полагает, что главы стоило назвать «Литература и искусство» и «Наука», а не «Литература» и «Наука и искусство» — формально (с современной точки зрения) может показаться, что он прав, но Тарн помнил, что для греков «искусство» как раз стояло ближе к науке.

⁵⁰ *Авдиев В.* Предисловие // *Чайльд Г.* Указ. соч. С. 15; *Струве В. В.* Предисловие // *Маккей Э.* Указ. соч. С. 10; *Свенцицкая И. С.* Книга Э. Бикермана «Государство Селевкидов» и проблемы социально-политической истории эллинизма // *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. С. 243; *Бонгард-Левин Г. М.* Послесловие // *Бэшем А. Л.* Чудо, которым была Индия. С. 561–562. Особый случай — с работой Ш. Эншлена: он не учёл работ, вышедших после его смерти (в частности, сталинские откровения в языкознании). *Никольский В. К.* Шарль Эншлен и его труд по истории религии // *Эншлен Ш.* Происхождение религии. М., 1954. С. VII и сл.

венных вершин. «Подобно великану Гаргантюа, оставшемуся невеждой, несмотря на учёбу у учёного схоласта, современная буржуазная военная наука не только не превзошла достижений прежней эпохи, но даже обнаружила признаки несомненного упадка»⁵¹.

Отсюда — постоянные образы общего бессилия буржуазной науки, ограниченности, ущербности, неумения понять вполне очевидные вещи. «Диль не понимает...», «Диль не может раскрыть причины...»⁵², «Чайлд не сумел установить причинной связи...»⁵³, А. Валлон «совершенно не мог понять, что во всех классовых обществах труд зависим...»⁵⁴, «Все сторонники религии никак не опровергнут тот факт...»⁵⁵; максимум — буржуазный учёный «пытается примерять себе детские башмачки марксизма, объявляя её самой элегантно и изящно обувью»⁵⁶. Даже в сравнительно поздний период авторы вполне спокойно писали про «бессилие западной буржуазной историографии»⁵⁷. «Бессилие науки»⁵⁸ и «ограниченность мышления» — два концепта, вокруг которых так или иначе строится принципиальная критика⁵⁹. В общем, как, снова ступая

⁵¹ Предисловие // *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 5, ср. С. 17. Вкус тут уже изменяет автору предисловия («учёбу у учёного схоласта»).

⁵² *Горянов Б. Т.* Предисловие // *Диль Ш.* История Византийской империи. С. 7, 8.

⁵³ *Авдиев В.* Предисловие // *Чайльд Г.* Указ. соч. С. 14.

⁵⁴ *Мишулин А.* Анри Валлон в историографии античности // *Валлон А.* История рабства в античном мире. С. 11.

⁵⁵ *Красиков П.* Предисловие к русскому изданию «Мифа о Христе» // *Древс А.* Миф о Христе. Т. 1. М., 1923. С. 12.

⁵⁶ Он же. От издательства. Ко второму изданию // *Древс А.* Миф о Христе. Т. I. М.-Л., 1925. С. 8.

⁵⁷ *Фролов Э. Д.* История эллинизма в биографиях его творцов // *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. С. 15.

⁵⁸ Вариант — «беспомощность». Предисловие // *Дельбрюк Г.* Указ. соч. С. 18.

⁵⁹ Любопытно, что буржуазные историки тем самым оказывались похожими на бессильных перед природой дикарей (какими они рисовались ещё иногда в 20–30-е гг.): «мысль первобытного человека бессильна понять существо явлений и толкает его на путь ложного познания вещей». *Фельдштейн Г. С.* И. Г. Фрээр и его труды // *Фрээр И. Г.* Указ. соч. С. 4.

по грани стилистической безвкусицы, сообщал автор предисловия к военной истории Г. Дельбрюка: «Слепота буржуазной историографии продемонстрирована здесь с исключительной наглядностью»⁶⁰. А ведь при этом сами факты буквально подсказывают буржуазным учёным правильные ответы, подталкивают их (видимо, как слепых котят) к историческому материализму⁶¹! Хотя, конечно, нелепо даже лучших из них хотя бы приближать к марксистам⁶².

Конечно, этот образ строился не импровизированно. За ним стояла базовая советская историографическая концепция: любые взгляды автора обоснованы его социальным положением и временем создания его трудов — в смысле того, на какой стадии была классовая борьба и каковы были основные антагонистические классы в конкретный исторический период. Эта концепция со временем ушла на уровень само собою очевидной истины и поэтому чаще подразумевалась, чем излагалась подробно в таком сравнительно «лёгком» жанре, как предисловия. Впрочем, было время, когда её применение ещё не казалось затасканным приёмом: в ранний период советской историографии она давалась в развёрнутом виде, например, при издании литературы атеистической направленности. Классическим примером историографического очерка можно считать предисловие (1936) С. И. Ковалёва к советскому изданию моммзеновской «Истории Рима». Ковалёв, кстати говоря, при анализе моммзеновской концепции использует и наработки дорево-

⁶⁰ Предисловие // Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 5.

⁶¹ «Сама жизнь ... убедила его, что личность не может ставить себя над материальным миром, и тем самым приблизила к положениям исторического материализма». *Ботвинник М. Н., Нейхардт А. А.* Фриц Шахермайр и его книги об Александре // *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. С. 369; ср.: От редакции «Атеиста» // *Робертсон Д.* Первоначальное христианство. М., 1930. С. 8.

⁶² От редакции «Атеиста» // *Фрэзер Д.* Золотая ветвь. Выпуск I. Магия и религия. М., 1928. С. 3; Предисловие // Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 9, прим. 1; Предисловие ко 2-му изданию // *Шуази О.* История архитектуры. Том первый. М., 1938. С. V; *Струве В. В., Снегирёв И. Л.* Предисловие // *Тураев Б. А.* Указ. соч. С. VIII.

люционной историографии (В. И. Модестова)⁶³, только они вписываются у советского историка хотя и в гармонично построенную, но очень прямолинейную схему: «И вот Моммзен, всегда обладавший острым политическим чутьём, в своей области выполнил социальный заказ класса (мелкой буржуазии — С. К.)⁶⁴». Конечно, легче всего такие схемы было прилагать не к современной историографии, а тем периодам, в отношении которых уже устоялись определённые клише.

В противоположность западной науке рисовался образ науки советской, который обычно складывался из нескольких узнаваемых черт. Начиная со второй половины 30-х гг., вошло в привычку говорить о том, что советская наука переняла лучшие традиции российской⁶⁵, она вооружена истинно научной марксистской теорией и смогла обогатить марксизм своими исследованиями, добилась равно впечатляющих успехов практически во всех сферах — в археологии, в военной истории, в истории архитектуры, наконец, в более поздних предисловиях указывается уже на собственную славную традицию советской историографии (к классикам обычно относят В. В. Струве, А. Б. Рановича). Правда, в поздних предисловиях возникает и мотив серьёзных упущений отечественных науки и образования: признаётся низкий уровень изучения древней истории в школе, уточняется, что мало уделялось внимания роли личности в истории, плохо изучалась политическая история эллинизма⁶⁶. Традиционное же противопоставление «мы — они» начинает ос-

⁶³ Ковалёв С. И. Теодор Моммзен и его «Римская история» // *Моммзен Т. История Рима. Т. I: До битвы при Пидне. С. XI, XXI прим. 4.*

⁶⁴ Там же. С. XIII, XXV.

⁶⁵ Горянов Б. Т. Предисловие // *Диль Ш. Указ. соч. С. 17; Струве В. В. Послесловие редактора // Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом письме. С. 95 (в России раньше многих стран оценили заслуги Шампольона); Фролов Э. Д. История эллинизма... // Бенгтсон Г. Указ. соч. С. 16.*

⁶⁶ Кошеленко Г. А. Послесловие // *Левек П. Указ. соч. С. 241, 246–247; Фролов Э. Д. История эллинизма... // Бенгтсон Г. Указ. соч. С. 18.*

лабляться проявлением огромного уважения и признания учёных заслуг (иногда безо всяких методологических «шпилек») тех историков, чьим работам адресованы предисловия или послесловия.

Впрочем, у нас есть и образец работы, которая вполне удовлетворила издателей — это была книга Дж. Томсона (1903–1987), и они зафиксировали это в форме особого предуведомления «От издательства». Из пяти абзацев первый даёт общую информацию о содержании книги, пятый — об издании, с которого сделан перевод. Во втором абзаце обрисована методологическая позиция Дж. Томсона: он марксист; он стремится дать марксистское освещение истории древнегреческого общества; он ссылается на Маркса, Энгельса и Ленина и «их труды приводит в своей библиографии». В третьем абзаце зафиксированы плюсы книги: в ней собран ценный фактический материал (в том числе иллюстрации, таблицы, карты), дан «блестящий и тонкий анализ»; кроме того, автор polemизирует с буржуазными учёными, разоблачая «идейный тупик современной буржуазной науки». Предпоследний абзац помещает книгу уже в советский контекст: в советской литературе нет работ по этим вопросам; отдельные положения Дж. Томсона могут быть оспорены советскими учёными⁶⁷. В предуведомлении ко второй книге Дж. Томсона сообщалось также, что он знаком с «целым рядом трудов советских учёных»⁶⁸.

Издаваемые труды иногда заслуживают самого строгого обращения — хотя в целом редакции следовали традиции адекватного перевода (если была возможность, то даже вступали в переписку

⁶⁷ Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Доисторический эгейский мир. М., 1958. С. III. Вообще, небольшая полемика между советскими учёными и Томсоном к тому времени уже состоялась — о чём будет рассказано ниже.

⁶⁸ От редакции // Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества. Т. II. Первые философы. М., 1959. С. 6. Перевод этой книги вышел уже с обширным предисловием (в том числе с критическими замечаниями): см. Лосев А. Ф. «Первые философы» Дж. Томсона. Послесловие // Там же. С. 332–351.

с автором по ряду вопросов⁶⁹), но иногда тексты редактировались — чтобы убрать из них устаревшие методологические положения, изменить термины⁷⁰, а то и просто убрать места, которые не имеют «никакого научного значения»⁷¹. Самый впечатляющий пример — принципиальное решение при публикации «Истории рабства в античном мире» А. Валлона (1812–1904): редакция просто решила не публиковать третий том, посвящённый влиянию христианства на падение рабовладения, а вместо него опубликовала большую статью У. Вестермана (1873–1954) о рабстве⁷². С другой стороны, эти правки всё-таки специально оговаривались, а при переизданиях иногда восстанавливались допущенные ранее пропуски и неточности при переводе⁷³.

Для чего же нужны столь сомнительные работы советскому читателю? В общем примерно для того же, для чего нужны были «буржуазные спецы» молодому советскому государству — их нужно использовать, чтобы повысить собственный уровень, до тех пор, пока не появятся собственные достижения в данной конкретной сфере. Для этого следует отобрать из классово чуждых работ по-

⁶⁹ *Вяткин Р.* Предисловие // Фань Вэнь-Лань. Древняя история Китая. От первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958. С. 12.

⁷⁰ *Юсифов Ю. Б.* Послесловие // *Хинц В.* Государство Элам. С. 192. Речь идёт, правда, не о терминологии самого В. Хинца, а о терминах, которые он употреблял при переводе эламских текстов — но это, в общем, та же самая корректировка с методологических позиций.

⁷¹ От редакции «Атеист» // *Древс А.* Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем. С. 8. Обратный пример связан с тем же А. Древсом: его завершающую главу в «Мифе о Христе» в конце концов включили во второе издание. См. *Красиков П.* От издательства. Ко второму изданию // *Древс А.* Миф о Христе. Т. I. М.-Л., 1925. С. 5.

⁷² *Мишулин А.* Анри Валлон в историографии античности // *Валлон А.* Указ. соч. С. 6–7.

⁷³ Предисловие ко 2-му изданию // *Шуази О.* История архитектуры. Том первый. С. V–VI.

лезный фактический материал, а высказанные интересные мысли и идеи — критически переработать⁷⁴.

Конечно, чаще всего смелость в оценках была для авторов предисловий, как говорится, легка и приятна: они ориентировались на собственного читателя, знавшего только тех буржуазных авторов, которых ему любезно предоставляли, и могли быть спокойны насчёт того, какотреагирует на их замечания автор оригинального исследования. Собственно, не всегда зарубежные историки вообще были осведомлены насчёт перевода — так, У. Вестерман совершенно случайно узнал, что его статью перевели и издали в дополнение к труду А. Валлона.

Впрочем, бывали и заметные осечки. Первый обмен мнениями между советскими рецензентами и автором критикуемого произведения в сфере древней истории состоялся в 1953 г. — по приглашению редакции «Вестника древней истории» Дж Томсон написал ответ на две рецензии на свои книги (это было ещё до того, как его стали переводить). Томсон признавал необходимость самокритики и, кстати говоря, партийность как основополагающий элемент своей научной методологии. Но при этом Дж. Томсон очень уверенно отстаивал важные для себя положения, защищая их от критики. Так, он обосновывал свой отказ от употребления термина «военная демократия», намекая, что Маркс и Энгельс некритически заимствовали его из работы Л. Г. Моргана, но, коль скоро термин «демократия» подразумевает государственную власть (была дана ссылка на Ленина!), то его неуместно использовать для периода перехода к государству. Английский историк признал, что мог слишком увлечься сравнениями (т. е. аналогиями — а это намёк на модернизацию), но подчёркнул, что их во множестве проводили также Маркс и Энгельс, а учитывая скудость наших источников, сравнения ста-

⁷⁴ Из предисловия к 1-му изданию // Там же. С. VIII; Бердичевский Г. И. Предисловие // Шуази О. Строительное искусство древних римлян. С. 8; Горянов Б. Т. Предисловие // Диль Ш. Указ. соч. С. 18.

новятся фактически ещё одним важным методом познания. Не был согласен Дж. Томсон и с тем, что подлинным марксистским анализом художественного произведения обязательно является определение политических взглядов художника — особенно, когда наши сведения не позволяют это сделать⁷⁵.

Второй случай типологически схож с первым, но гораздо интереснее. В 1956 г. вышел перевод книги А. Робертсона (1886–1961) «Происхождение христианства» (1953) с предисловием С. И. Ковалёва, как мы увидим ниже, вполне типичным по своей структуре и содержанию, в том числе и с критическими замечаниями. Робертсон, хотя и не знал русского, предисловие проштудировал тщательно и написал пространный ответ, который был опубликован в качестве послесловия во втором издании перевода в 1959 г. вместе с кратким ответом всё того же С. И. Ковалёва. Тем самым, перед нами уникальный для того периода пример научной полемики, хоть и по видимости внутримарксистской, но по сути — между отечественной и зарубежной историографией, да ещё и опубликованной не в специальном журнале, а в книге для широкого читателя.

Каково же было содержание этой полемики? Предсказуемо похвалив А. Робертсона как единичного представителя марксистской науки среди западной историографии раннего христианства, С. И. Ковалёв быстро переходит к списку претензий — и они оказываются, как мы увидим, почти идентичны тем, которые высказывались и к другим работам, не написанным в марксистской парадигме. Уже на первой странице предисловия заявлено о «небрежности терминологии» Робертсона⁷⁶, что пояснено на нескольких примерах: прежде всего, указано на слишком широкое применение термина «революция» и такое же употребление слова «империализм». Резюмирует эту часть Ковалёв тоже достаточно хлётко:

⁷⁵ Томсон Дж. Письмо в редакцию // ВДИ. 1953. № 4. С. 107–108, 110–111.

⁷⁶ Ковалёв С. И. Вступительная статья // Робертсон А. Происхождение христианства. С. 5.

«Все эти отрывки показывают, что Робертсон, к сожалению, ещё не отделался полностью от буржуазной терминологии»⁷⁷.

Прочие замечания Ковалёва уже тесно связаны с предметом книги. Даже большей опасностью, чем модернизация античности, он считает стремление Робертсона доказать историчность ряда евангельских персонажей — начиная с Иисуса и Иоанна Крестителя, далее Петра, Павла и некоторых евангелистов⁷⁸. Принципиально не согласен Ковалёв и с определением Палестины I в. как родины христианства, объявляя эту бунтовавшую страну «не совсем подходящим местом для появления новой религии»⁷⁹. Он подробно, не смущаясь растущим размером предисловия, передаёт превалировавшую тогда в СССР версию о последовательных этапах формирования христианства, тесно связанную с характеристикой источников (по сути дела, это была вариация теории «молчания века»).

И хотя в завершении статьи (содержательно предисловие превратилось в расширенную рецензию) Ковалёв и признаёт достоинства общей концепции Робертсона, но перед этим отмечает, что её антиклерикализм в значительной мере ослаблен указанными недостатками. Подчёркнуто и незнакомство Робертсона с работами Р. Ю. Виппера и А. Б. Рановича⁸⁰.

Ответ А. Робертсона был лишь чуть менее пространным, но при этом исключительно содержательным. Английский учёный указывал на неуместность обвинений в модернизации: в английском языке *revolution* используется для обозначения «любого ради-

⁷⁷ Там же. С. 8.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 14.

⁸⁰ Там же. С. 26. В принципе, те же основные моменты (кроме упрёка за неправильную терминологию) были отражены в рецензии А. П. Каждана — вплоть до упрёка в неиспользовании работ Виппера, Рановича и — Ковалёва. См. *Каждан А. П.* Рец. на: Robertson A. «The origins of Christianity». L., 1953, 216 стр. // ВДИ. 1954. № 4. С. 115–121.

кального изменения в людских делах или даже в идеях»⁸¹ — Робертсон не возражал против употребления в соответствующих местах переводимого текста русского слова «переворот». Ещё менее убедительным был для него упрёк в употреблении понятия «империализм» — ведь и Ленин употреблял его не только по отношению к капиталистическому обществу. «Если он так поступал, почему нельзя мне?»⁸² — слова, которые вряд ли мог написать советский марксист.

Робертсон отстаивал необходимость исторического существования Иисуса (образ которого был позже мифологизирован), и при этом тоже опирался на анализ источников, который проводил тонко и основательно. Робертсон дал иную датировку источникам и не считал Апокалипсис древнейшей книгой Нового Завета — как делала советская наука, ортодоксально следуя Энгельсу: величие Энгельса не убудет, если мы признаем, что он принял не самую удачную датировку Апокалипсиса и ошибался в том, что считал Палестину родиной христианства⁸³. Нужно сказать, что Робертсон весьма изящно оспаривает тезис о «молчании века» (в то время факты ещё не похоронили его полностью, так что дискуссия была уместной)⁸⁴. Наконец, в аккуратной форме Робертсон указывает Ковалёву, что тот неявным образом сам модернизирует ситуацию: предполагая за людьми I–II вв. особенности мышления людей XIX–XX вв.⁸⁵

Ответ же Ковалёва, напротив, получился бледным и воспроизводящим уже высказанные тезисы без новых мыслей. Советский историк назидательно повторил, что английским марксистам следует быть осторожными в употреблении термина «революция» и в

⁸¹ Робертсон А. Послесловие автора ко второму русскому изданию // Робертсон А. Происхождение христианства. С. 289.

⁸² Там же. С. 290.

⁸³ Там же. С. 295.

⁸⁴ Там же. С. 296.

⁸⁵ Там же. С. 301.

некотором смысле дал задний ход по вопросу об историчности Иисуса, заявив, что это вопрос не принципа, а факта⁸⁶. Формально это было так, но по сути Робертсон правильно оценил тональность прежних заявлений (вопрос об историчности Иисуса был отнесён к вопросам борьбы с клерикализмом), и это было достаточно очевидно.

Пример этих двух полемических схваток хорошо показывает не только то, что спорить с теми, кто мог ответить, было гораздо сложнее, чем упражняться в стрельбе по неподвижной мишени, но и то, насколько была значительной разница в восприятии марксизма в среде советских учёных и среди учёных зарубежных. Привязанность к нескольким признанным ортодоксальными трактовкам существенно искажала восприятие источников, учила видеть только то, что нужно было увидеть, и прилагать усилия только в тех направлениях, которые были легитимированы предыдущим развитием собственной локальной традиции. Именно поэтому, в частности, советская историография античного христианства уже в послевоенный период безнадежно отстала от мировой.

Так или иначе, проведённый нами анализ предисловий может привести нас и к более ценным выводам, чем набор внешних характеристик, о которых мы говорили до этого. Не стоит тратить время и внимание читателя на то, чтобы сказать ему очевидные вещи: советская историческая наука изображала себя светлым пятном на фоне мрачных грозовых туч, нависших над остальными национальными традициями, а когда это противопоставление стало не таким контрастным, то и самооценка стала не такой высокой — это произошло, в общем, незадолго до падения советской политической системы со всеми понятными последствиями. Стоит остановиться на другом — некоторых характеристиках, которые не вполне очевидны, но кое-что говорят о проблемах, стоявших внутри самой

⁸⁶ *Ковалёв С. И.* Послесловие ко второму изданию // *Робертсон А.* Происхождение христианства. С. 308, 310.

советской историографии (в данном случае — историографии древности), рассказ о которых тесно связан с общим ходом нашего повествования.

На наш взгляд, создание предисловий и послесловий к переводам зарубежных авторов, которое само по себе должно было обнаружить уверенные позиции и чёткие ориентиры советской историографии, указывало на ряд существенных тупиков в её логике мышления и работе с материалом.

Прежде всего, как нам кажется, почти всегда не соответствовало истине утверждение о том, что переводимый автор — не настолько погряз в буржуазной методологии, как другие. Как мы могли заметить, Робертсон, являясь марксистом, был меньше похож на советских марксистов, чем на других исследователей христианства из университетов Великобритании, США или Канады. Можно было находить отдельные вызывающие цитаты из произведений других историков, чтобы продемонстрировать их бóльшую реакционность, но нередко это было самым настоящим «фокусом» — как в случае с утверждением о прогрессивности Тарна по сравнению с Ростовцевым. Конечно, нередко это писалось только для того, чтобы книга была опубликована на русском языке, но маленькое искажение рождало большое, потому что задавало искривлённую систему координат: вся зарубежная историография представляла собой полную чудовищных ошибок и заблуждений, и в этот стереотип вскоре верили даже те, кто сам его породил. Сколько бы ни издавалось хороших переводных работ, наука, которая порождала их оригиналы, представлялась бредущей на ощупь впотьмах.

Несло в себе внутреннее противоречие и постоянное утверждение абсолютной истинности той методологии, в рамках которой работали советские учёные. И дело не в том, что тогда незачем становилось бы вообще переводить чьи-то работы — в конце концов, история многообразна и не все темы получали достойное освещение со стороны советских историков. Дело было в другом: в том, что советские историки, якобы, всегда знали, как рассказать тот же

сюжет, что и историк зарубежный, только лучше. Но сам план этого «правильного» рассказа, который иногда общим наброском давался в предисловии, оказывался всегда одним и тем же: всё сводилось к тому, что нужно начертить чёткую схему, привязанную к проблеме борьбы классов или вообще к социально-экономической истории, и возводить к ней любое другое событие, непосредственно или через построение длинной цепочки умозаключений. Но в этом случае всё многообразие исторических событий оказывалось лишь средством для иллюстрации раз и навсегда известных положений. Надо полагать, переписанные таким образом работы лучших зарубежных историков, были бы невыразимо скучны. Но советские исследователи, кажется, сами уже не всегда замечали, что в некоторых сферах — как в истории культуры — им нечего предложить, кроме банальных умозаключений: «Конечно, эллинистическая эпоха не могла бы создать “Илиаду” и “Одиссею”, она не могла бы породить Эхила, Софокла, Аристофана, Фукидида, Демокрита и Аристотеля. Но зато в классический период не могли бы жить ни Архимед, ни Эвклид, ни Эратосфен, ни Полибий, ни Феокрит»⁸⁷.

Наконец, в предисловиях выпукло проявляется такой неприятный аспект, как оправдание заимствований. Грубо говоря, у «буржуазной» науки не грех взять факты или некоторые обобщения и обработать их в марксистском духе; особенной благодарности за это она не заслуживает. Конечно, некоторым не вполне честным людям это могло послужить оправданием некорректных заимствований — то есть, создавало определённую базу для научного плагиата. Но нас интересует сейчас не этот аспект, сравнительно вторичный — крупные советские учёные, конечно, плагиаторами не являлись. Дело в другом. В оправдании заимствований важен даже не сам факт заимствования (это, в некотором роде, технический вопрос), а то, каким образом оно осуществлялось. Методика же заимствования вскрывает очень грубое понимание особенностей исто-

⁸⁷ Ковалёв С. И. Предисловие // Тарн В. Указ. соч. С. 17.

рического знания: оказывается, можно сравнительно безболезненно взять из других исторических трудов факты и вообще наработанный материал, при этом словно топором отрубив трактовки.

Посмотрим, как завершает уже неоднократно упоминаемый С. И. Ковалёв свою статью о Т. Моммзене. Он берёт у великого историка одну из его ярких фраз: «Историю нельзя ни писать, ни делать без любви или ненависти» — и пытается полностью её «освоить», подчёркивая приоритет материалистического историописания: «Пролетариат умеет любить и ненавидеть больше, чем какой-нибудь другой класс, и его любовь и ненависть бесконечно сознательнее»⁸⁸. Здесь уже каждая буква вопиет о стилистическом и логическом перехлёсте, которого не увидел или не захотел увидеть С. И. Ковалёв, у которого получилось сказать не лучше, а хуже Моммзена. Но само желание взять чужую удачную фразу, равно как и качественный подбор материала, равно как и глубокую трактовку, и, наспех перековав, использовать в своих целях — примечательно.

Трактовка, концепция, тем самым, воспринимается как нечто внешнее, не связанное с самим типом подбора фактов и нахождения в них внутренней зависимости. Кстати, эту трактовку очень легко поэтому упростить до крайности — свести к одному-двум внешне самым очевидным пунктам, и с этим отождествить всю концепцию того или иного историка. Понятно, что собственные концепции советская историография воспринимала иначе: они (и только они) вроде бы идут от самого материала и вполне органично с ним связаны. Но остаётся серьёзным вопросом, не было ли всё на самом деле иначе: зависимая от политической конъюнктуры, связанная по рукам и ногам доморощенной ортодоксальностью, советская историография сама воспринимала трактовки и концепции как внешний фактор, то ли надёжный якорь, то ли ограничительную цепь — и когда авторы предисловий, повторяя ленинские слова,

⁸⁸ Ковалёв С. И. Теодор Моммзен и его «Римская история». С. XXVII.

писали про отсечение буржуазных тенденций⁸⁹ от «чистых» фактов, не сквозило ли в этих словах скрытое желание расторгнуть собственный вечный союз с «единственно верным» учением? История подсознания советской историографии ещё не написана...

Конечно, в поздний период развития советской историографии все эти черты смягчились. Советские историки стали критичнее к собственной науке, избегали громогласных и пустых деклараций, не стеснялись указывать на высокий научный уровень зарубежных коллег и постепенно стали учиться у них методам работы, а не простому заимствованию. Но принципиального преодоления этих черт, их отвержения в рамках марксистской методологии сделано не было, марксизм по-прежнему означал для советских историков утверждение единственной истины, и когда они всё больше сталкивались с тем, что это не так, это предопределило разочарование если не в самой истине, то уже точно в марксизме.

⁸⁹ *Ранович А. Б.* Рец.: *Ростовцев М.* Социально-экономическая история эллинистического мира // *Исторический журнал.* 1945. № 2. С. 99.

ОЧЕРК 3

ТЕХНИКА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

ОЧЕРК 1

Введение. Язык советской историографии

ОЧЕРК 2

Магия предисловий

ОЧЕРК 3

Техника рецензирования

ОЧЕРК 4

Спрятанная наука

ОЧЕРК 5

Эффекты искажения

ОЧЕРК 6

Пути историка

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любая национальная историографическая традиция, в каких бы условиях она ни развивалась и с представителями какого бы политического режима ни была вынуждена взаимодействовать, нуждается в осознании своего места в мировом исследовательском пространстве и определении специфики своих собственных результатов в сравнении с выводами зарубежных коллег. В качестве инструмента для решения подобной задачи научное сообщество традиционно использует историографические исследования, выполненные в жанре «проблемной историографии», позволяющие отделить «зёрна от плевел» и смоделировать целостный образ исследовательской традиции на том или ином этапе её развития. При всей своей пользе и значимости подобные работы инструменталистского характера страдают одним существенным недостатком — они не позволяют быстро реагировать на новые открытия (см. об этом пятый очерк настоящего издания). Зато этой цели вполне удовлетворяют те работы, авторы которых не ставят перед собой масштабных задач, связанных с освещением этапов развития целых исследовательских областей. И безусловным фаворитом здесь являются рецензии, позволяющие донести до исследователя информацию об отдельных событиях в научном мире, определить, а зачастую и впервые оценить вклад автора недавно опубликованного труда в изучаемый вопрос. Иными словами, выполнить «первичную» (если не сказать «черновую») историографическую работу, связанную с обработкой материала, который

впоследствии будет (или не будет) включён в состав обобщающих историографических трудов⁹⁰.

Означает ли сказанное, что рецензент, зачастую действующий в условиях оценочной неопределённости, оказывается более свободным в своих выводах и суждениях, чем собственно историограф, вынужденный считаться с мнениями коллег и предшественников? И наоборот, должен ли историограф опираться в своих выводах на мнение автора рецензий или же он может им пренебречь? В условиях научного плюрализма сама постановка подобного вопроса кажется странной, так как ответ на него не может быть дан заранее и во многом определяется конкретной ситуацией. Однако применительно к советской историографии она выглядит более чем уместной и, на наш взгляд, позволяет найти новый ракурс для рассмотрения важного вопроса о границах интеллектуальной свободы советских историков. Поэтому в рамках данного очерка мы видим свою задачу в том, чтобы, опираясь на анализ рецензий, предоставить вниманию читателя некоторые новые данные, которые, возможно, могли бы позволить иначе взглянуть на механизмы эволюции советской исторической мысли. Подчеркнём, что речь идет именно о некоторых размышлениях, которые требуют дальнейшего обсуждения и, возможно, последующей проверки на новом материале. Учитывая, что нас интересует советская историография древности, мы обратимся для анализа к рецензиям советских специалистов на работы иностранных учёных. Понимая сложность поставленной задачи, ограничимся рамками одного периодического издания — «Вестника древней истории».

⁹⁰ В данном случае мы присоединяемся к одной из точек зрения на особенности рецензий как жанр научных публикаций. См. об этом: *Инполитов Г. М.* Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук.* 2013. Т. 1. № 1. С. 188.

«Вестник древней истории» — первое в СССР специализированное издание, предназначенное для публикации результатов исследований по истории Древнего Востока и античности — ведёт свою историю с 1937 г. Именно тогда, на волне «повторной» институционализации отечественной исторической науки, возникла потребность в создании печатного органа, позволившего бы исследователям осуществлять коммуникацию как между собой, так и со своими западными коллегами. Последние, хотя и клеймились в передовицах как «ненастоящие» ученые, которые даже предмета своих изысканий не знают⁹¹, получили возможность печататься в первых номерах журнала (и выступать с лекциями в ведущих вузах СССР⁹²) и даже получали за это гонорар⁹³. Так, в первом номере «Вестника древней истории» были опубликованы статьи чешского профессора Б. Грозного (1879–1952), известного специалиста в области хеттологии, австрийского (немецкого) исследователя Древней Месопотамии К. Ф. Леманн-Гаупта (1861–1938), французского семитолога и ираниста Ш. Виролло (1879–1968), а также датского

⁹¹ Именно так о «буржуазной историографии» говорил первый главный редактор «Вестника древней истории» А. С. Сванидзе (1886–1941), утверждавший, что «буржуазная история вовсе не заслуживает названия науки в полном смысле этого слова», т. к. она «как правило, не только не знает закономерности социальных явлений, но даже предмета своих изысканий» более того «она не совсем ещё отказалась от устарелого приёма древних хронистов, которые историю целых эпох заменяли последовательным описанием жизни и деятельности отдельных правителей». Конечно, это были правила игры: сам Сванидзе получал историческое образование в Йене. См.: *Сванидзе С. А. Наши задачи // ВДИ. 1937. № 1. С. 5.*

⁹² *Павловская А. И. Первые десятилетия издания «Вестника древней истории» // ВДИ. 1998. № 1. С. 7.*

⁹³ Мы благодарим С. Г. Карпюка за то, что он обратил наше внимание на следующую информацию: благодаря А. С. Сванидзе, который был в те годы заместителем председателя правления Внешторгбанка СССР, была отпущена сумма в «4000 ам. долларов на закупку литературы и оплату гонорара иностранным учёным»; издание «Коммерсант» опубликовало на своём сайте небольшой фрагмент архивного документа. См.: Об отпуске средств редакции журнала «Вестник древней истории» // URL: <http://195.68.141.180/doc/1869406> (дата обращения: 24.02.2014).

ориенталиста Д. Нильсена (1874–1949). Симптоматично, что представленные ими публикации затрагивали весьма широкий круг вопросов, касающихся как частных сюжетов ориенталистики, так и общих тенденций развития мировой науки о древности⁹⁴. Подобный «интернационализм», однако, оказался недолгим: если до начала войны зарубежными историками было опубликовано порядка десяти статей в «Вестнике древней истории» (четыре из которых — «апологетом советской действительности» Б. Грозным), то после 1945 г. статьи иностранных авторов в советском журнале — явление довольно редкое⁹⁵. Как свидетельствует об этом А. И. Пав-

⁹⁴ Леманн-Гаупт К. Ф. Успехи изучения древней истории за последние 50 лет // ВДИ. 1937. № 1. С. 39–65.

⁹⁵ Грозный Б. Об одной «хеттской» иероглифической надписи // ВДИ. 1938. № 1. С. 23–29; Грозный Б. Хеттские народы и языки // ВДИ. 1938. № 2. С. 18–33; Нильсен Д. О древнеарабской культуре и религии // ВДИ. 1938. № 3. С. 36–71; Мюлештейн Г. Историческое значение вопроса об этрусках // ВДИ. 1938. № 4. С. 49–64; Льюс Н. Из истории римского гнёта в Египте // ВДИ. 1939. № 1. С. 19–33; Эванс А. Критское линейное письмо // ВДИ. 1939. № 3. С. 10–39; Доссен Ж. Хозяйственные архивы дворца Мари // ВДИ. 1940. № 1. С. 34–45; Грозный Б. Протоиндийские письма и их расшифровка // ВДИ. 1940. № 2. С. 15–44; Грозный Б. Доисторические судьбы Передней Азии // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 24–45; Шультен А. Тирсены в Испании (новые данные об иберийском языке) // ВДИ. 1941. № 1. С. 8–30; Олбрайт В. Ф. Косвенный синхронизм между Египтом и Месопотамией около 1730 г. до н. э. // ВДИ. 1947. № 1. С. 36–45; Олбрайт В. Ф. Третий пересмотр древней хронологии Передней Азии // ВДИ. 1946. № 4. С. 26–32; Дебс Г. Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // ВДИ. 1946. № 2. С. 45–50; Олива П. К вопросу о возникновении и развитии эллинской народности в древней Греции // ВДИ. 1954. № 1. С. 40–51; Серени Э. Сельская община и её границы в древней Лигурии // ВДИ. 1956. № 4. С. 25–45; Индра М. А. Концепция государства общественного благополучия у Ашоки // ВДИ. 1958. № 1. С. 72–76; Донини А. Рукописи из окрестностей Мертвого моря и происхождение христианства // ВДИ. 1958. № 2. С. 114–131; Гюнтер Р. К развитию социальной и имущественной дифференциации в древнейшем Риме // ВДИ. 1959. № 1. С. 52–83; Шрот Г. О рентабельности сельского хозяйства в Риме в конце республики // ВДИ. 1959. № 2. С. 56–82; Видьяланкар С. Рабство в древней Индии // ВДИ. 1959. № 3. С. 44–52; Велков В. Из истории нижнедунайского лимеса в конце I в. н. э. // ВДИ. 1961. № 2. С. 69–82; Сиркар Д. Ч. Древние индийские надписи // ВДИ. 1962. № 3. С. 28–48 и др.

ловская, «после войны изредка перепечатывались в переводе на русский язык статьи из иностранных журналов»⁹⁶.

Потеряв возможность «напрямую» знакомиться с достижениями «буржуазной историографии», советские историки, однако, сохранили другой канал трансляции результатов работы западных коллег. В роли такового выступили рецензии и обзоры научной литературы (в том числе статей в иностранных журналах), публикуемые с 1937 г. в каждом номере журнала в специальном разделе «Критика и библиография»⁹⁷, призванном не просто «содействовать успешному разрешению... исторических проблем», но и «наталкивать на постановку новых задач, будить исследовательскую мысль, в известной мере предохранять от самоуспокоенности и самодовольства»⁹⁸. Причём, публикации подобного рода по замыслу редакторов журнала должны были оказаться полезными не столько собственно историкам-профессионалам, сколько «массовому читателю и широким кадрам советской интеллигенции», выступая в данном случае одним из инструментов «коммунистического воспитания»⁹⁹. Получалось, что рецензии и обзоры новейшей литературы должны были играть в журнале роль «призмы», сквозь которую советские историки и обычные читатели не только оценивали достижения советской науки, но и рассматривали западную исследовательскую традицию. Исходя из важности поставленных задач, в журнале долгое время существовала должность заведующего раз-

⁹⁶ Павловская А. И. Указ. соч. С. 17.

⁹⁷ До конца 1980-х гг. в этом разделе публиковались также историографические статьи, посвящённые реконструкции исследовательских концепций отдельных авторов. См., напр.: *Кацеев В. И., Шофман А. С.* Фрэнк Уолбенк и его концепция эллинизма // ВДИ. 1984. № 2. С. 204–210; *Ротермель Л. Р., Шофман А. С.* Герман Бенгтсон и его концепция эллинизма // ВДИ. 1984. № 4. С. 160–171; *Козловская В. И.* Генезис иберийской культуры в современной зарубежной историографии // ВДИ. 1985. № 1. С. 197–209, и др.

⁹⁸ *Ранович А. Б.* Критику и библиографию на службу исторической науке в СССР // ВДИ. 1941. № 1. С. 5.

⁹⁹ Там же.

делом критики и библиографии, которую в разное время занимали А. Б. Ранович, Я. А. Ленцман, О. Н. Юлкина¹⁰⁰.

Всего в период с 1937 по 1991 гг. советскими специалистами было опубликовано более семисот семидесяти рецензий на иностранные издания и обзоров литературы на иностранных языках¹⁰¹. В среднем это составляет порядка четырех–пяти рецензий и обзоров на один номер¹⁰². Для сравнения: за тот же период времени в «Вестнике древней истории» было опубликовано около пятисот шестидесяти рецензий на работы советских специалистов, что в среднем составляет две–три рецензии на один номер. Любопытны изменения в динамике публикации рецензий и обзоров иностранных изданий. В 1930–1950-е гг. их количество уступает количеству рецензий на отечественные издания, более того, в конце 1940 — начале 1950-х гг. на волне борьбы с «иностранщиной» наблюдается резкое сокращение числа зарубежных рецензируемых работ (в отдельных выпусках журнала за 1948–1949 гг. таких рецензий нет совсем)¹⁰³. Но с середины 1960-х гг. количество публикуемых рецензий на иностранные издания резко возрастает, существенно превышая в последующие десятилетия число рецензий на работы советских специалистов (теперь уже в отдельных выпусках журнала мы можем не найти вовсе рецензии этого рода). В то же время, в номерах журнала за 1940–1950-е гг. раздел «Критика и библиография» и по объёму, и по «жанровому» разнообразию существенно превышает аналогичные

¹⁰⁰ Павловская А. И. Указ. соч. С. 13–14.

¹⁰¹ Статистические данные приводятся по указателю материалов, подготовленному современными историками. См.: Указатель материалов, опубликованных в «Вестнике древней истории» в 1937–2012 гг. / Авторы-составители: И. С. Архипов, Е. В. Ляпугина, Е. И. Соломатина, С. А. Степанцов; отв. ред. С. Ю. Сапрыкин. М., 2012. При подсчёте мы учитывали именно количество рецензий, а не рецензируемых изданий.

¹⁰² Цифра хоть и несопоставимая с тем количеством рецензий, которые публикуются в зарубежных журналах по древней истории, но представляющаяся вполне внушительной.

¹⁰³ Против низкопоклонства перед иностранщиной // ВДИ. 1948. № 1. С. 6, 8.

показатели, характерные для 1970–1980-х гг.¹⁰⁴. Так, в 1950-е гг., стремясь как можно быстрее познакомить читателя с новинками зарубежной исторической мысли, редколлегия «Вестника древней истории» активно публикует не просто рецензии на отдельные издания, но и обзоры новейшей литературы по отдельной тематике, а также краткие аннотации статей, вышедших в ведущих зарубежных журналах по древней истории¹⁰⁵. В дальнейшем публикации подобного характера практически не встречаются на страницах журнала, уступая дорогу собственно рецензиям на отдельные труды иностранных авторов¹⁰⁶. Любопытная деталь, которую нельзя не отметить: до 1946 г. рецензии на работы советских авторов располагаются после рецензий на работы иностранцев, тогда как в конце 1940-х гг. происходит «инверсия», меняющая порядок работ в разделе «Критика и библиография» на противоположный.

¹⁰⁴ С. Г. Карпюк полагает, что важными причинами сокращения числа публикаций в 1970–1980-х гг. в определенной степени является фактическое снижение авторских гонораров, выплачиваемых за рецензии и историографические обзоры, а также рост популярности реферативных сборников.

¹⁰⁵ См., напр.: *Штаерман Е. М.* Современная американская литература по истории Древнего Рима // ВДИ. 1949. № 4. С. 201–210; *Каждан А. П.* Проблемы поздней Римской империи в современной буржуазной литературе // ВДИ. 1950. № 1. С. 166–176; *Штаерман Е. М.* Цицерон и Цезарь в послевоенной буржуазной литературе // ВДИ. 1950. № 3. С. 152–160; *Зельин К. К.* Из иностранной литературы о Фукидиде // ВДИ. 1950. № 4. С. 114–123; *Колотова М. Г., Борухович В. Г.* Панэллинизм и буржуазная историография античности. // ВДИ. 1951. № 1. С. 203–209; *Штаерман Е. М.* Древняя Галлия (Обзор послевоенной буржуазной историографии) // ВДИ. 1951. № 1. С. 209–215, *Ленцман Я. А.* По страницам польских исторических журналов // ВДИ. 1951. № 3. С. 155–163; *Фихман И. Ф.* The Journal of Juristic Papyrology (Rocznik papirologii Prawniczej). Т. I. 1945; Т. II, 1948; Т. III, 1949; Т. IV, 1950; Т. V, 1951 // ВДИ. 1954. № 1. С. 78–85 и др.

¹⁰⁶ См., напр.: *Гаспаров М. Л.* Новая зарубежная литература о гражданских войнах в Риме // ВДИ. 1958. № 2. С. 203–218; *Гаспаров М. Л.* Новая зарубежная литература о Таците и Светонии // ВДИ. 1964. № 1. С. 176–194; *Павлов В. В.* Из историографии о фаямском портрете // ВДИ. 1964. № 4. С. 162–168; *Семпер В. Е.* Новая советская литература по египтологии (1961–1963 гг.) (Краткие аннотации) // ВДИ. 1964. № 4. С. 168–183, и т. д.

Одним из наиболее важных качеств рецензий и обзоров является их актуальность, обусловленная тем, насколько быстро читатель может получить информацию о «новинках» исследовательской литературы. Применительно к рецензиям в «Вестнике древней истории», появившимся в советский период истории журнала, данный параметр оказывается относительно постоянным. В среднем рецензента отделяли от «объекта» его размышлений около трёх — пяти лет, хотя в отдельных случаях временная дистанция существенно увеличивалась, достигая семи — десяти лет¹⁰⁷. Причём, особенно характерным подобный временной разрыв оказывался для обзоров недавно опубликованной литературы, куда нередко попадали издания десяти-пятнадцатилетней давности. Насколько «нормальна» или напротив «аномальна» практика подобных временных разрывов позволяют судить требования современных отечественных журналов, в которых к публикации принимаются рецензии на иностранные издания, вышедшие из печати не более пяти лет назад (для рецензий на труды отечественных авторов временная дистанция и вовсе сокращается до трёх лет)¹⁰⁸. В том же «Вестнике древней истории» в 1990–2000-е гг. временная дистанция между рецензируемым и рецензирующим в целом не превышала двух–пяти лет (в отдельных случаях — шести лет). Иными словами, делая поправку на особенности комплектования библиотек в СССР, которые не стоит как преувеличивать, так и сбрасывать со счетов, параметр актуальности рецензий кажется вполне удовлетворительным. Заметим также, что он оказывается вполне сопоставимым с аналогичными показателями других советских периодических изданий,

¹⁰⁷ К примеру, один из наиболее «вопиющих» случаев: *Немировский А. И.* Рец. на: С. Nicolet. *L'ordre equestre a l'epoque Republicaine* (312–43 au. J. C.), P., 1956 // ВДИ. 1969. № 2. С. 134–137.

¹⁰⁸ См., например, требования к авторам такого издания, как «Средние века»: Правила подачи и оформления статей // URL: <http://www.srednieveka.ru/cat/25> (дата обращения: 01.02.2014).

близких по тематике. В частности, рецензии в сборнике «Средние века» появлялись также с «лагом» в три–пять и более лет¹⁰⁹.

Не меньшее значение для размышлений о «качестве» рецензий имеет фактор национальной принадлежности авторов рецензируемых работ, позволяющий судить о том, насколько хорошо рецензенты ориентируются в мировой традиции изучения отдельного сюжета. Применительно к советским рецензиям и обзорам, опубликованным в «Вестнике древней истории», этот параметр остается практически неизменным: читатель получает возможность познакомиться с достижениями преимущественно англо-американской, французской и немецкой исследовательских традиций, задававших тон в рассмотрении антиковедческой и древневосточной тематики. Причём, если в довоенный период преобладали рецензии на англоязычную литературу, то после войны становится заметен интерес к работам немецких коллег. С конца 1940-х гг. в «Вестнике древней истории» появляются рецензии и обзоры работы и специализированных журналов, опубликованных в странах так называемой «народной демократии» (всего было опубликовано порядка шестидесяти рецензий). Причем, выводы чехословацких, польских, румынских и венгерских коллег неизменно получали достаточно высокие оценки со стороны советских рецензентов¹¹⁰.

¹⁰⁹ Раздел критики появляется в «Средних веках» не сразу, первоначально редколлегия предпочитала публиковать статьи историографического характера, поэтому данные для сравнения у нас появляются только с 1950-х гг. Приведём несколько примеров, наиболее наглядно демонстрирующих «временные разрывы» при рецензировании: *Мильская Л. Т.* Рец. на: E. Müller-Mertens. Das Zeitalter der Ottonen. Berlin, 1955 // СВ. 1957. Вып. 10. С. 243–248; *Штекли А. Э.* Рец. на: W. Kuhn. Geschichte der deutschen Ostsiedlung in der Neuzeit. Bd. I, Köln — Graz, 1955 // СВ. 1959. Вып. 15. С. 136–141; *Серовайский Д. Я.* Рец. на: G. Duby. La société aux XIe et XIIe siècles dans la région Mâconnaise. Paris, 1953 (Ж. Дюби. Общественный строй Маконской области в XI–XII вв. Париж, 1953) // СВ. 1960. Вып. 18. С. 265–281 и др.

¹¹⁰ В частности, См., напр.: *Колкер Б.* По страницам румынского журнала «Очерки и исследования по древней истории» (археологические раскопки в РНР) // ВДИ. 1952. № 3. С. 102–113; *Смотрич А. П.* Рец. на: A. Swiderek, W «paiaitwie» Apol-

Вопрос национальной принадлежности рецензируемой литературы, сам по себе весьма интересный, приобретает особое звучание в сочетании с такими параметрами как тематика анализируемых изданий и статус их авторов в пространстве мировой науки. И в данном отношении рецензии, опубликованные в «Вестнике древней истории», способны заставить усомниться в некоторых стереотипах, сформированных последними двумя десятилетиями критики советской науки. Как ни логично предположение, что в науке, где господствующую роль играет социально-экономическая проблематика, преимущественное внимание рецензентов будет сосредоточено на схожих сюжетах, оно требует сильной корректировки. Безусловно, рецензий и обзоров собственно по данной проблематике в «Вестнике древней истории» было достаточно, да и при рассмотрении обобщающих трудов указанным сюжетам уделялось немало внимания¹¹¹, но более важно то, что количество таких ре-

loniosa, Spolecienstwo wczesooptolemejskie w swietle Arcbiwim Zenona, Warszawa, 1959 // ВДИ. 1965. № 3. С. 167–173; *Фихман И. Ф.* Рец. на: E. Wipszycka. L'Industrie Textile dans l'Égypte Romain. Wrocław-Warszawa-Krakow, 1965 // ВДИ. 1966. № 4. С. 191–199; *Шеворошкин В. В.* Рец. на: *Zgusta L.* Anatolische Personennamensippen, Teil I. Texte. Teil II. Beilagen, Prag, 1964 // ВДИ. 1966. № 2. С. 235–236 и др.

¹¹¹ См., например: *Петров М. К.* Рец. на: G. Thomson. Studies in Ancient Greek Society. II. The First Philosophers. L., 1955 // ВДИ. 1959. № 4. С. 190–197; *Ленцман Я. А.* Рец. на: G. Thomson. Studies in Ancient Greek Society. II. The First Philosophers. L., 1955 // ВДИ. 1959. № 4. С. 197–201; *Ленцман Я. А., Павловская А. И., Корсунский А. Р., Кузицин В. И., Свенцицкая И. С.* Рец. на: W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955 // ВДИ. 1958. № 4. С. 136–158; *Глускина Л. М.* Рец. на: S. Lauffer. Die Bergwerkssklaven von Laureion. I. Teil. Arbeits- und Betriebsverhältnisse, Rechtsstellung; II. Teil. Gesellschaftliche Verhältnisse, Aufstände // Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse. 1955. № 12, S. 1104–1218; 1956. № 11. S. 885–1018 // ВДИ. 1959. № 3. С. 181–191; *Штаерман Е. М.* Рец. на: F. Bömer. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. 1. Teil. Die wichtigsten Kulte und Religion in Rom und im lateinischen Westen. Wiesbaden, 1957 // ВДИ. 1959. № 3. С. 199–206; *Дандамаев М. А.* Рец. на: R. Bogaert. Les origines antiques de la banque de dépôt. Une mise au point accompagnée d'une esquisse des opérations de banque en Mésopotamie. Leyde,

цензий сопоставимо с количеством рецензий на работы, посвященные политической и культурно-исторической тематике. Число последних заметно увеличивается в 1960–1970-е гг.¹¹² Можно, конечно, объяснить данный факт тем, что западные исследователи просто не занимались социально-экономическими сюжетами, и рецензенты работали с тем материалом, который был, но не будем торопиться с выводами и обратимся к другому немаловажному параметру рецензируемых изданий, а именно их значимости в пространстве западной исторической мысли.

Думается, что в отношении этой характеристики мы можем утверждать, что в целом советские историки обращались к трудам, уже получившим признание у западных коллег. Об этом, в частотности, свидетельствует хотя бы тот факт, что работы, рецензируе-

1966 // ВДИ. 1968. № 3. С. 183–186; *Кошеленко Г. А.* Рец. на: Ch. G. Starr. The Economic and Social Growth of Early Greece. 800–500 B.C. N.Y., 1977 // ВДИ. 1980. № 2. С. 179–191; *Дандамаев М. А.* F. Joannès. Textes économiques de la Babylonie récente. P., 1982 (Études assyriologiques. Recherche sur les civilisations. Cahier № 5) // ВДИ. 1985. № 3. С. 166–170; *Гаубов В. А.* О некоторых проблемах социально-политической истории Парфии. K. Schippmann. Grundzüge der parthischen Geschichte. Darmstadt, 1980 // ВДИ. 1984. № 2. С. 210–218, и др.

¹¹² См., напр.: *Каждан А. П.* Рец. на: The Conflict between Paganism and Christianity in the Fourth Century / Essays ed. by A. Momigliano. Oxf., 1963 // ВДИ. 1964. № 4. С. 160–162; *Нейхардт А. А.* Рец. на: Э. Церен. Библейские холмы / Под ред. и с примеч. Д. П. Каллистова. М., 1965 158–160; *Коростовцев М. А.* Рец. на: Э. Церен. Библейские холмы. М., 1965 // ВДИ. 1969. № 4. С. 160–161; *Каждан А. П.* Рец. на: E. Schwartz. Zum Neuen Testament und zum frühen Christentum. B., 1963 // ВДИ. 1967. № 3. с. 153–154, *Доватур А. И.* Рец. на: F. Kolb. Literarische Beziehungen zwischen Cassius Dio, Herodian und der Historia Augusta. Bonn, 1972 (Antiquitas. Reihe 4. Beiträge zur Historia-Augusta-Forschung. Bd. 9) // ВДИ. 1977. № 1. С. 230–237; *Илюшечкин В. Н.* Рец. на: R. Hoven. Stoïcisme et stoïciens face au problème de l'au-delà. P., 1971 // ВДИ. 1976. № 4. С. 140–144; *Лелеков Л. А.* Рец. на: M. L. West. Early Greek Philosophy and the Orient. Oxf., 1971 // ВДИ. 1975. № 2. С. 162–164; *Доватур А. И.* Рец. на: A. Ničev. L'Énigme de la Catharsis tragique dans Aristote. Sofia, 1970 // ВДИ. 1974. № 2. С. 172–179; *Ярхо В. Н.* Рец. на: V. di Benedetto. Euripide: teatro e società. Torino, 1971 // ВДИ. 1974. № 1. С. 179–190; *Сидоров А. И.* Рец. на: K. Rudolph. Die Gnosis. Wesen und Geschichte einer spätantiken Religion. Lpz., 1977 207–216 // ВДИ. 1981. № 1. С. 216–222 и др.

мые в «Вестнике древней истории», привлекали внимание и ведущих западных периодических изданий¹¹³. Хотя нельзя не отметить и весьма любопытную деталь, связанную с тем, что работы наиболее ярких западных исследователей, занимавшихся в том числе и социально-экономическими сюжетами, к примеру, М. Финли, Й. Фогта, сравнительно редко подвергались рецензированию¹¹⁴. Впрочем, несколько рецензий на различные работы одного и того же автора — это в целом сравнительно редкое явление в «Вестнике древней истории»¹¹⁵. Нельзя оставить без внимания еще одну деталь: представителей западной марксистской науки, которые априори должны быть интересны советским учёным, среди рецензируемых авторов было не так уж и много. Наиболее значимые фигуры: английские марксисты Дж. Томпсон и А. Робертсон, с которыми советские ученые вступили в полемику, вышедшую за пределы журнальных ста-

¹¹³ Назовём в данной связи имена только некоторых авторов: Ф. Альтхайм, Г. Бенгтсон, А. Гардинер, Э. Корнеманн, С. Крамер, Ф. Кюмон, Х. Мичелл, К. Николе, Л. Омо, А. Пиганьоль, Л. Росс-Тэйлор, Р. Сайм, В. Вестерман, Й. Фогт и многие др.

¹¹⁴ См., напр.: *Штаерман Е. М.* Рец. на: М. J. Finley. *The Ancient Economy*. Berkeley—Los Angeles, 1973 // ВДИ. 1977. № 2. С. 165—175; *Леницман Я. А.* Рец. на: J. Vogt. *Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung*. Wiesbaden, 1965 // ВДИ. 1967. № 3. С. 123—127; *Штаерман Е. М.* Рец. на: Joseph Vogt, *The Decline of Rome, The Metamorphosis of Ancient Civilization*. L., 1967 // ВДИ. 1968. № 3. С. 191—199. Отдельные упоминания о М. Финли, см., например: *Зельин К. К.* Из истории литературы о Фукидиде // ВДИ. 1950. № 4. С. 122. Та же картина наблюдается и в отношении таких авторов, как В. Тарн и Р. Сайм, специальные рецензии на отдельные работы которых — единичное явление в «Вестнике древней истории». См.: *Толстов С. П.* Рец. на: Подъём и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока». W. W. Tarn. *The Greeks in Bactria and India*. Camb., 1938 // ВДИ. 1940. № 3—4. С. 194—209; *Крушккол Ю. С.* Рец. на: В. Тарн. *Эллинистическая цивилизация* / Пер. С. А. Ляковского, предисл. С. И. Ковалева. М., 1949 // ВДИ. 1950. № 4. С. 103—106; *Машикин Н. А.* Рец. на: R. Syme. *The Roman Revolution*. Oxf., 1939 // ВДИ. 1947. № 1. С. 116—123.

¹¹⁵ К числу авторов, чьи работы рецензировались чаще других (от двух до четырёх рецензий) могут быть отнесены Дж. Томсон, С. Крамер, Ф. Альтхайм, Г. Бенгтсон, Х. Мичелл, А. Джонс и некоторые другие.

тей¹¹⁶. Тот же А. Робертсон получил от А. П. Каждана упрек в признании историчности Иисуса Христа, поздней датировке «Апокалипсиса» и рассмотрении Палестины в качестве места возникновения новой религии¹¹⁷, Дж. Томпсон сначала был «обвинён» в непонимании разницы взглядов между буржуазным ученым Г. Морганом и Ф. Энгельсом, затем в спорной характеристике «роли товарного производства» и «упрощенческих характеристиках экономической обусловленности... общей линии развития материализма в древности» и некоторых других «спорных трактовках» отдельных исторических сюжетов¹¹⁸.

Выяснив «авторский состав» рецензируемых, обратим внимание на «авторский состав» рецензентов. Ведь вполне очевидным кажется предположение о том, что «научный вес» рецензии или обзора, выполненного крупным специалистом по той или иной проблеме окажется выше, чем автора, не получившего ещё достаточного признания коллег. Между тем, раздел «Критика и библиография» оказывается не слишком привлекательным для «маститых учёных». Не то чтобы последние вовсе не обращались к жанру рецензии, вовсе нет. Работы подобного характера мы находим у Н. А. Машкина и А. Б. Рановича (1940-е гг.), Я. А. Ленцмана (1940–

¹¹⁶ Как А. Робертсон, так и Дж. Томпсон высказали своё мнение относительно оценок их выводов советскими исследователями. Полемика А. Робертсона с С. И. Ковалевым вылилась в «войну предисловий» (см. об этом второй очерк настоящего издания), а Дж. Томпсон написал письмо в редакцию «Вестника древней истории», в котором хотя и признал необходимость «критики и самокритики», согласился не со всеми положениями рецензента, а также высказал сомнения в необходимости постоянных ссылок на К. Маркса и Ф. Энгельса. См.: Томсон Дж. Письмо в редакцию // ВДИ. 1953. № 4. С. 107–113.

¹¹⁷ Каждан А. П. Рец. на: А. Robertson. The origins of christianity. L., 1953 // ВДИ. 1954. № 4. С. 117–119.

¹¹⁸ См.: Горнунг Б. В. Рец. на: G. Thomson. Studies in ancient Greek society. The prehistoric Aegean. L., 1949 // ВДИ. 1950. № 4. С. 109; Ленцман Я. А. Рец. на: G. Thomson. Studies in Ancient Greek Society. II. The First Philosophers. L., 1955 // ВДИ. 1959. № 4. С. 198.

1950-е гг.), Е. М. Штаерман (с 1940-х гг.), И. С. Свенцицкой (с 1950-х гг.), М. А. Дандамаева (с 1950-х гг.), Г. А. Кошеленко (с 1960-х гг.) и ряда других. Однако наибольшее число публикаций рецензий и обзоров новейшей научной литературы принадлежало отнюдь не им, а А. П. Каждану (1922–1997), Л. А. Ельницкому (1907–1979) и А. И. Немировскому (1919–2007).

Эта особенность покажется наиболее примечательной, если принять во внимание несколько немаловажных деталей. Во-первых, названные историки не публиковали собственно исследовательских работ в «Вестнике древней истории». Тем же А. П. Кажданом была опубликована всего одна проблемная статья, Л. А. Ельницким — три, а А. И. Немировским — четыре (не считая работ в разделе «Доклады и сообщения»), что несопоставимо с их наследием в области критики.

Во-вторых, тематически рецензии и обзоры приведённых ранее авторов оказывались достаточно многообразны, отнюдь не всегда совпадая с тематикой их собственных изысканий. Это хорошо иллюстрирует пример А. П. Каждана, снискавшего себе известность на ниве изучения истории Византии, но в 1950–1960-е гг. активно занимавшегося историей первых веков христианства и посвятившего свои рецензии преимущественно работам по христианской и политической истории Римской империи¹¹⁹. Пример Л. А. Ельницкого представляется еще более ярким. Человек со сложной как личной, так и научной судьбой, не получивший исто-

¹¹⁹ См., напр.: Каждан А. П. Рец. на: J. A. McGeachy. *Quintus Aurelius Symmachus and the senatorial aristocracy of the West*. Chicago, 1942 // ВДИ. 1947. № 1. С. 135–137; Каждан А. П. Проблемы поздней Римской империи в современной буржуазной литературе // ВДИ. 1950. № 1. С. 166–176; Каждан А. П. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи // ВДИ. 1953 № 3. С. 77–106; Каждан А. П. Рец. на: M. R. Alfvöldi. *Die constantinische Goldprägung*. Mainz, 1963 // ВДИ. 1964. № 3. С. 221–222, и др. Рецензий по византийской проблематике, напротив, у А. П. Каждана в «Вестнике древней истории» было опубликовано не так много, см., напр.: Каждан А. П. Рец. на: A. Hadjinicolaou-Marava. *Recherches sur la vie des esclaves dans le monde Byzantin*. Athènes, 1950 // ВДИ. 1952. № 4. С. 121–128.

рического образования, переживший немецкий плен и советский лагерь, он — внештатный сотрудник «Вестника древней истории» — в 1940–1970-е гг. опубликовал порядка пятнадцати рецензий и обзоров по различным проблемам древней истории¹²⁰.

В-третьих, надо принять во внимание тот факт, что авторы «Вестника древней истории», наиболее активно публикующие собственноручно проблемные статьи, очень редко активно занимались рецензированием (в качестве одного из немногих исключений можно отметить Е. М. Штаерман¹²¹). К примеру, публиковавшийся в журнале с 1940-х гг. И. М. Дьяконов (его перу принадлежит около тридцати статей) написал всего одну рецензию на работу С. Крамера, и ту на заре своей научной карьеры (заметим, что данная ситуация является не исключением, а правилом: анализ публикаций в разделе «Критика и библиография» убеждает, что традиционно рецензированием занимались именно молодые исследователи, только начинающие путь в науку, чаще всего сразу после защиты диссертации)¹²²; ещё два «лидера» по общему числу публикаций «концептуальных» статей в «Вестнике древней истории» — В. В. Струве и С. Л. Утченко — также опубликовали одну или две рецензии на зарубежные издания¹²³; то же самое можно сказать о структуре пуб-

¹²⁰ Материалы о Л. А. Ельницком можно найти с помощью следующего ресурса в сети Internet: <http://Annales.info/sbo/person/stat/eljnitsk.htm> (дата обращения: 01.02.2014).

¹²¹ Поясним, что в данном случае речь идёт именно о том, что Е. М. Штаерман принадлежала к числу стабильно публикуемых «Вестником древней истории» авторов, причём число её проблемных статей (порядка двадцати) а также подготовленных ею к публикации источников (порядка семнадцати) можно сопоставить с числом рецензий на работы отечественных и зарубежных коллег (порядка тридцати шести).

¹²² Дьяконов И. М. Новые данные о шумерской культуре. S. N. Kramer. Sumerian Mythology. Philadelphia, 1944 (Memoirs of the American Philosophical Society Vol. XXI) // ВДИ. 1947. № 2. С. 104–113.

¹²³ Струве В. В. Рец. на: Ф. К. Kienitz. Die politische Geschichte Ägyptens vom 7. bis zum 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. В., 1953 // ВДИ. 1954. № 4. С. 104–112. Причём на работы отечественных историков ими было опубликовано гораздо больше рецензий. См.: Струве В. В. Рец. на: Б. Б. Пиотровский. История и культура Урар-

ликаций А. И. Тюменева, который вовсе не опубликовал ни одной рецензии на зарубежные издания в «Вестнике древней истории»¹²⁴. Наконец, обратим внимание читателя на тот факт, что в 1970–1980-е гг., а отчасти и в 1960-е гг., резко увеличивается число рецензентов из провинциальных вузов, нередко попавших на «периферию» после окончания аспирантуры столичных университетов, но не получивших места в Москве и Ленинграде¹²⁵. Одновременно в «Вест-

ту. Ереван, 1944 // ВДИ. 1946. № 1. С. 131–141; *Струве В. В.* Рец. на: С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948 // ВДИ. 1949. № 4. С. 137–151; *Струве В. В.* Рец. на: Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана / Изд. подготовил Р. В. Кинжалов. М.–Л., 1959 // ВДИ. 1960. № 2. С. 146–147; *Струве В. В.* Рец. на: К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. М.–Л., 1959 // ВДИ. 1960. № 3. С. 174–183; Утченко С. Л. Одна из центральных проблем истории античного общества (по поводу издания в ГДР труда: *Hellenische Poleis. Krise. Wandlung. Wirkung* / Hrsg. von E. Ch. Welskopf. I–IV. В., 1974) // ВДИ. 1975. № 4. С. 132–135; Утченко С. Л. Происхождение плебейской организации. F. Altheim. *Lex sacrata*. Amsterdam, 1940 // ВДИ. 1947. № 1. С. 123–126. Более активно В. В. Струве писал предисловия и вводные статьи к переводным монографиям. См., напр.: Дж. Пендлбери. Археология Крита / Пер. с английского Я. М. Боровского, общ. ред. и предисл. В. В. Струве. М., 1950; Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда / Пер. с английского М. Б. Граковой-Свиридовой, под ред. и с предисл. В. В. Струве. М., 1951. И. Фридрих. Краткая грамматика хеттского языка / Пер. с немецкого и вступит. ст. А. В. Десницкой, под ред. В. В. Струве. М., 1952 и др. С. Л. Утченко принадлежит ряд обобщающих статей по истории советской исторической науки. См., напр.: Утченко С. Л. Проблемы изучения древнего общества и освещение их в «Вестнике древней истории» // ВДИ. 1947. № 4. С. 3–10; *Утченко С. Л.* Тридцать лет «Вестника древней истории» // ВДИ. 1967. № 2. С. 3–10 и др.

¹²⁴ Но опубликовал две рецензии на работы советских ученых и обобщающую статью историографического характера. См.: *Тюменев А. И.* Рец. на: Н. М. Никольский. Этюды по истории финикийских общинных и сельскохозяйственных культов. 1. Текст С-Егрену. Минск, 1948 // ВДИ. 1949. № 2. С. 146–151; *Тюменев А. И.* Рец. на: С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. М.–Л., 1957 // ВДИ. 1959. № 2. С. 174–179; *Тюменев А. И.* Изучение истории древней Греции в СССР за сорок лет (1917–1957 гг.) // ВДИ. 1957. № 3. С. 28–41.

¹²⁵ См., напр.: *Гельцер М. Л.* Новые проблемы истории Угарита. C. F. A. Schaeffer. *Ugaritica. IV. Découvertes des XVIIIe et XIXe campagnes. 1954–1955. P., 1962 (Mission de Ras Shamra. XV)* // ВДИ. 1965. № 1. С. 198–206; *Белова Н. Н.* A. Piganiol. *Les documents cadastraux de la colonie romaine d'Orange. P., 1962 (Gallia. Suppl. XVI)* //

нике древней истории» стали появляться рецензии на работы как западных, так и советских историков, подготовленные зарубежными коллегами¹²⁶. Последние обстоятельства наталкивают на размышления не только о специфике рецензий как жанра, но и о «прочности» «железного занавеса» и закрытости «буржуазной» научной литературы, с которой, учитывая относительно развитую систему научных командировок, оказывался в должной мере знаком исследователь из провинции.

Обратимся теперь к такому значимому сюжету, как особенность репрезентации материала в рецензиях и обзорах иностранной литературы, опубликованных в советское время в «Вестнике древней истории». В целом, рецензии на работы иностранных авторов претерпели в своём развитии некоторую эволюцию, связанную как с общим подходом к изложению материала, так и с оценками в отношении западных коллег. Основываясь на знании общей логики развития советского общества, можно было бы предположить, что рецензии, раз уж они воспринимались с самого начала как одно из средств оценки и «борьбы» с зарубежной историографией, откликнулись на общие изменения политической конъюнктуры. Действительно, такие закономерности вполне отчетливо прослеживаются в конце 1940-х – начале 1950-х гг., когда советские исследователи были мобилизованы на борьбу с «фашиствующей», «расистской»

ВДИ. 1965. № 2. С. 168–174; *Виноградов В. В.* Некоторые вопросы римских аграрных отношений в современной итальянской историографии // ВДИ. 1965. № 4. С. 198–203; *Строгоцкий В. М.* Рец. на: W. G. Forrest. A History of Sparta 950–195 B.C. L., 1968 // ВДИ. 1976. № 3. С. 170–175; *Ляст П. Е.* Некоторые проблемы римской ономастики в новой зарубежной литературе // ВДИ. 1976. № 3. С. 195–194; *Гринбаум Н. С.* Рец. на: J.-P. Olivier, L. Godart, C. Seydel, C. Sourvinou. Index généraux du Linéaire B. Roma, 1973 (Incunabula Graeca. Vol. LII) 165–168 // ВДИ. 1976. № 3. С. 165–168, и др.

¹²⁶ *Шетелих М.* Рец. на: Г. М. Бонгард-Левин, Г. Ф. Ильин. Древняя Индия. Исторический очерк. М., 1969 // ВДИ. 1972. № 2. С. 140–148; *Вернер Ю.* Рец. на: Griechische Atomisten. Texte und Kommentare zum materialistischen Denken der Antike / Übersetzt und hrsg. von F. Jürß, R. Müller, E. G. Schmidt. Lpz., 1973 // ВДИ. 1976. № 3. С. 168–169 и др.

историографией и должны были своими рецензиями бороться с «маршаллизированной» наукой Запада¹²⁷. Именно тогда рецензенты, откликаясь на требования времени, активно использовали трескучие фразы, заимствованные из пропагандистского лексикона. Причём, эти стремления были заметны как на уровне текстов, так и на уровне их названий. К примеру, В. Н. Ярхо представлял читателю материал об «американских фальсификаторах афинской демократии», а Я. А. Ленцман настаивал на «поразительной деградации истории античности в США, которая нацелена не на научное исследование древней истории, а на идеологическое обоснование бредовых мечтаний американского империализма о мировом господстве»¹²⁸. Если в это время и можно было за что-то похвалить западного автора, так это за накопление нового материала источников, продуктивную работу с ним, решение частных проблем и рассмотрение локальных сюжетов. Общее осмысление исторического процесса оставалось уделом советских специалистов и пониманию западных авторов было неподвластно. В результате, получалась примечательная картина, когда автора работы по политической истории обвиняли в невнимании к социально-экономическим сюжетам, а автора работы по социальной или экономической истории критиковали за «неверные» трактовки последней. Хотя, конечно, самым распространённым «пороком» зарубежной науки в это время, наряду с расизмом, признавалась модернизация древней истории.

Однако подобного влияния конъюнктуры мы не встретим ни раньше, ни позже. Судя по всему, единственное объяснение этому — необходимость соответствовать развязанной кампании по борьбе с низкопоклонством; а фамилии многих авторов (Кац, Ярхо,

¹²⁷ Этот призыв см.: *Кац А. Л.* За усиление борьбы с буржуазной идеологией в области древней истории (по поводу рецензии проф. П. Н. Таркова на журнал *Historia*, ВДИ, 1952, № 3, стр. 113 слл.) // ВДИ. 1953. № 1. С. 133–137.

¹²⁸ *Ярхо В. Н.* Американские фальсификаторы истории афинской демократии // ВДИ. 1949. № 2. С. 114–121; *Ленцман Я. А.* G. W. Botsford, Ch. A. Robinson Jr. Hellenic history. N.Y., 1948 // ВДИ. 1950. № 2. С. 195.

Ленцман) указывают ещё и на то, что они стремились тем самым избежать и обвинений в космополитизме¹²⁹. Это соображение подтверждается и тем, что в рецензиях периода 1937–1948 гг. (с перерывом на военное время, когда журнал не выпускался) в целом преобладали взвешенные оценки работ западных авторов, некоторые из которых вообще не получали серьёзных критических замечаний¹³⁰, а в рецензиях, появившихся после середины 1950-х гг., критика приобретает уже совершенно иной характер и ведётся по существу вопроса. Последнее предполагает не вынесение «обвинительного приговора» тому или иному автору, исходя из марксистского шаблона, но выстраивание полемического труда, в котором предлагалась попытка пристального рассмотрения «аргументов» сторон по отдельным спорным сюжетам. В 1970–1980-е гг. характер рецензий снова меняется, и на место исследовательской составляющей приходит пересказ выводов конкретного автора, дополняемый в заключении несколькими оценочными суждениями. В 1970–1980-е гг. меняется и язык рецензий, который постепенно обезличивается (вместо редких «я» употребляется только «мы») и теряет всякие краски¹³¹. По-

¹²⁹ Принимая в расчёт важность внешних факторов для развития науки, которые иногда становятся для неё определяющими и коренным образом трансформирующими практику исторического письма, мы, однако, хотели бы предостеречь читателя от попыток всю советскую историографию свести только к влиянию политики, а всех историков распределить по категориям либо жертв, либо пособников режима. Во-первых, историография — не место для обвинительных или оправдательных приговоров. А во-вторых, под влиянием каких бы личных обстоятельств ни был создан тот или иной труд, та или иная рецензия, она входит в поле науки и является историографическим фактом, который будет требовать не только «антропологического» объяснения/понимания, но и «концептуалистской» трактовки.

¹³⁰ См., напр.: *Зельин К. К.* Рец. на: F. Cumont. *L'Égypte des astrologues*. Bruxelles, 1937 // ВДИ. 1941. № 1. С. 129–132.

¹³¹ Показательными в данной связи являются рецензии Е. М. Штаерман, прошедшие все намеченные нами ступени эволюции от «боевых» работ 1950-х гг. через острые полемические 1960-х гг. до относительно «меланхоличных» в 1970–1980-е гг. (некоторое исключение — рецензия на «Античную экономику» М. Финли) Ср., например: *Штаерман Е. М.* Цицерон и Цезарь в послевоенной

следнее замечание наталкивает на размышления о функциональной роли рецензий, которая трансформировалась именно в последние десятилетия существования СССР, когда становилось важнее не определить значение того или иного труда, но донести до советского читателя информацию о выводах западного коллеги.

Отличительной чертой рецензий, опубликованных в «Вестнике древней истории», является сравнительно редкая для советской историографии апелляция к авторитету «классиков» марксизма, имена которых хотя и появляются в рецензиях, но чаще всего занимают в них скромное место.

Таковы самые общие черты публикаций раздела «Критика и библиография» специализированного советского издания «Вестник древней истории». Каково же было их функциональное значение? Чтобы ответить на этот вопрос, мы попробуем сравнить материал, представленный в рецензиях, с выводами обобщающего труда, ставшего, своего рода, итоговым, для советской науки — учебным пособием «Историография античной истории», которое ставило своей целью «показать развитие антиковедения в тесной связи с господствующими историко-философскими концепциями того или иного исторического периода, состоянием источниковедения, а также через творчество выдающихся представителей национальной науки, наиболее полно отражающих достижения своей эпохи, прокладывающих в науке новые пути»¹³². Основным принципом

буржуазной литературе // ВДИ. 1950. № 3. С. 152–160; Она же. K. Latte. Römische Religionsgeschichte. München, 1960 // ВДИ. 1963. № 4. С. 194–198; Ее же. Historia de España Alfaguaro. Vol. I. A. Cabo, M. Vigil. Condicionamientos Geográficos. Madrid, 1973 // ВДИ. 1976. № 3. С. 175–184 и др.

¹³² Историография античной истории: Учебное пособие / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1981. С. 3. Обращаясь к подобной работе, мы признаём накладываемые ей ограничения, которые заключаются как в невозможности провести сравнение с рецензиями на работы по истории Древнего Востока, так и в том, что это учебное пособие заняло нишу обобщающего труда по историографии античности, скажем так, не из-за самых благоприятных тенденций в отечественной исторической науке.

изложения материала в учебном пособии стал проблемно-хронологический принцип, предполагающий, с одной стороны, выделение самостоятельных периодов в эволюции западной науки об античности, которые, в свою очередь, совпадают с событиями в политической истории западного мира (в отношении интересующего нас периода водоразделом выступает Вторая Мировая война), а с другой, распределение историографического материала в границах данных периодов в соответствии с основными сюжетами истории древности. В результате, получался своего рода «компендиум» западной исторической мысли об античности от Возрождения и до современного авторам момента. А раз так, то мы можем рассчитывать на хотя и краткое, но претендующее на относительную полноту в освещении эволюции историографической традиции. К сожалению, другими достоинствами пособие не обладает.

Сравнение учебного пособия по историографии и рецензий сразу же выявляет несколько интересных моментов. Во-первых, не может не броситься в глаза тот факт, что многие важные фигуры для развития мирового антиковедения XX в., квалифицируемые в качестве таковых и авторами упомянутого пособия, «подвергались» процедуре рецензирования не более одного–двух раз. Особенно показательно это в отношении М. Финли, в заслугу которого авторами «Историографии античной истории» ставилась борьба с модернизаторским направлением в западной науке; были перечислены более десятка его работ. В то же время, легко заметить, что многие работы, получившие рецензию в «Вестнике древней истории», впоследствии совсем не упоминались в пособии. Отсюда, возникает вполне логичное предположение о том, что советские рецензии на работы западных учёных далеко не всегда позволяют судить о значимости рецензируемого исследования и его роли в развитии мировой исторической мысли. И основным препятствием на данном пути являются такие параметры советских рецензий, как их «статичность» и их «унифицированность», связанные как с тем, что идеи автора не рас-

смаатриваются в динамике, так и с тем, что выводы всех рецензентов, если таковых несколько, носят приблизительно схожий характер¹³³.

Во-вторых, сравнительный анализ отзывов рецензентов и последующих исследователей убеждает нас в том, что в базовых показателях они совпадают по своему смысловому наполнению, а в ряде случаев речь идет и вовсе о близости формулировок. Именно так не меняются оценки В. Вестермана как исследователя, идеализирующего рабство, Дж. Хаксли как историка, неверно усмаатривавшего причину экономического упадка в укреплении власти Персии в Восточном Средиземноморье, Х. Мичелла как специалиста, склонного к модернизации спартанского прошлого, А. Х. М. Джонса как учёного, делающего упор на чисто внешнем факторе гибели Римской империи, коим являются нашествия варваров, и, наконец, Ф. Альтхайма как придающего слишком большое значение роли отдельной личности в истории¹³⁴.

Список совпадений можно продолжить, обратив внимание и на такой примечательный факт как смягчение оценок при сохранении одного и того же тезиса. Так, в рецензии А. В. Мишулина и Н. А. Машкина на работу А. Пиганьоля проводится мысль о том, что только внимание к источникам является основной заслугой французского исследователя; та же мысль, но в другой интерпрета-

¹³³ См., напр.: *Ленцман Я. А.; Павловская А. И.; Корсунский А. Р., Кузицин В. И., Свенцицкая И. С.* Рец. на: W. L. Westermann. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955 // ВДИ. 1958. № 4. С. 136–158.

¹³⁴ Ср.: *Историография античной истории...* С. 255, 260, 270, 303; *Бергер А. К.* Рец. на: Н. Michell. Sparta. Cambr., 1952 // ВДИ. 1955. № 1. С. 96–102; *Ленцман Я. А.; Павловская А. И.; Корсунский А. Р., Кузицин В. И., Свенцицкая И. С.* Рец. на: W. L. Westermann ... С. 136–158; *Лурье С. Я. G. L. Huxley. Early Sparta. L., 1962* // ВДИ. 1964. № 1. С. 162–168; *Каждан А. П.* Кризис и падение Римской империи. А.Н. М. Jones. The Later Roman Empire. 284–602. I–III. Oxf., 1964; R. Rémondon. La crise de l'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase. P., 1964 // ВДИ. 1966. № 1. С. 131–137; *Дандамаев М. А.* Проблемы истории державы Ахеменидов. F. Altheim, R. Stiehl. Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. I. Lief. 1–3. Geschichtliche Untersuchungen. Frankfurt am Main, [1961–1962] // ВДИ. 1963. № 4. С. 183–193.

ции появляется у авторов «Историографии античной истории», полагавших, что в данном случае мы имеем дело с «тщательным историко-эпиграфическим исследованием многих вопросов межевания и аграрных порядков»¹³⁵. Более существенный пересмотр оценок рецензентов — явление сравнительно редкое и связано оно в основном с отказом от политически ангажированных выводов. К примеру, «Золотой век Римской империи» знаменитого французского историка Л. Омо получил в 1950-е гг. крайне негативные оценки Н. Н. Пикуса (1907–1971) за мнимый объективизм и пренебрежение социальной тематикой; в «Историографии античной истории» та же работа оценивается как «яркая характеристика огромных достижений римской цивилизации»¹³⁶.

Ещё один пример — фигура немецкого ученого Г. Бенгтсона, который в «анти-низкопоклоннической» рецензии А. И. Немировского был близок к фашизму, начиная «свою научную деятельность в гитлеровское время» и популяризируя «наследие фашистской лженауки», а для авторов пособия, напротив, «не был близок к фашизму»¹³⁷. Иными словами, выводы авторов рецензий в целом сохранялись в советском историографическом пространстве и, более того, транслировались в учебных аудиториях, передаваясь будущим поколениям исследователей, которые, возможно, в силу специфики научных интересов, никогда не обратятся к специальной литературе по той или иной проблеме, но предложенные оценки запомнят. Что это, как не один из аргументов в пользу большей интеллектуальной

¹³⁵ Ср.: Историография античной истории... С. 275; Мишулин А. В., Машкин Н. А. Рец. на: А. Piganiol. Histoire de Rome. P., 1946 // ВДИ. 1947. № 2. С. 90–94.

¹³⁶ Ср.: Историография античной истории... С. 278; Пикус Н. Н. Рец. на: L. Homo. Le siècle d'or de l'empire Romain / 19ème éd. P., 1947 // ВДИ. 1952. № 2. С. 187–193.

¹³⁷ Ср.: Историография античной истории... С. 299; Немировский А. И. Рец. на: Н. Bengtson. Einführung in die alte Geschichte. München, 1949 // ВДИ. 1953. № 3. С. 137–141. О целях и скрытых смыслах появления такого же рода работ, вызванных необходимостью реагировать на политическое давление см.: Карпюк С. Г. Вестники недревней истории: передовицы и наука в ВДИ. 1937–1956 годы (в печати).

свободы рецензента, получающего «карт-бланш», котóрым уже не смогут или даже *не захотят* обладать его последователи? Последнее обстоятельство кажется нам особенно примечательным. Ведь сохранение выводов и оценок рецензентов в учебном пособии, авторы которого претендуют на создание целостной модели западной исследовательской традиции, но с поставленной задачей не справляются, предлагая читателю (студенту!) отдельные фрагменты западной историографии, соединяемые при помощи одного признака — национальной принадлежности историка — это, конечно, свидетельство не столько «силы» и значимости рецензий, сколько «слабости» советской историографической традиции.

Если попытаться свести все полученные данные в единую картину, то, пожалуй, мы должны прийти к небезынтересным размышлениям о том, что для советской историографии рецензии как инструмент самоидентификации играли наибольшую роль до 1970-х гг., когда они, будучи в большей или меньшей степени политически ангажированными, несли заметный критический заряд и заставляли размышлять о специфике советской науки (а не только служить «окном» в западный мир, как может показаться на первый взгляд). Но в последние два десятилетия советской эпохи их роль начинает заметно снижаться, о чём свидетельствует как объём материалов, опубликованных в разделе «Критика и библиография», так и их жанровое своеобразие и характер, связанный с постепенным сокращением аналитического компонента.

Можно, конечно, попытаться найти объяснение данному факту в бурном развитии собственно историографических исследований, связанных в том числе и с появлением специализированной историографической школы в Казани, где под руководством А. С. Шофмана было защищено более двух десятков диссертаций, посвящённых развитию западной исследовательской мысли¹³⁸. Однако, учи-

¹³⁸ См. об этом, напр.: *Мяжков Г. П.* Развитие традиций науки всеобщей истории в Казанском университете (науковедческий аспект) // *Историк в историческом и*

тывая тот факт, что их влияние в столицах не было велико, можно предложить и другие трактовки, связанные, в частности, с тем, что именно в это время развитие советской историографии было связано с двумя близкими процессами: «поисками на гранях» марксистской традиции и, как это ни парадоксально на первый взгляд, с консервацией последней. С одной стороны, к 1970-м гг. «канон» в изучении той или иной проблемы был сформирован, и если в процессе его формирования выводы западных коллег были необходимы и как «строительные блоки», и как «контр-примеры» для создания собственной модели исторического письма, то в дальнейшем взаимодействие с западными коллегами приобретало иной характер, становясь куда более специализированным, а зачастую и вовсе выталкиваясь на периферию исторической науки, как тематическую, так и географическую.

Но, изменяя свой характер, контакты с западными коллегами не могли прекратиться. Более того, достижения «буржуазной историографии» становились важным фактором в попытках отдельных специалистов трансформировать устоявшиеся марксистские каноны. И здесь важнее было не интерпретировать выводы западных коллег, а наиболее полно их изложить, что, в свою очередь, не могло не способствовать усилению «описательных» элементов в рецензиях.

ОЧЕРК 4

СПРЯТАННАЯ НАУКА

ОЧЕРК 1

Введение. Язык советской историографии

ОЧЕРК 2

Магия предисловий

ОЧЕРК 3

Техника рецензирования

ОЧЕРК 4

Спрятанная наука

ОЧЕРК 5

Эффекты искажения

ОЧЕРК 6

Пути историка

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Советские авторы 20–30-х гг. приложили немало усилий, чтобы создать базовые учебники по истории древнего мира — в первую очередь, по истории древних Греции и Рима. Писались таковые как для студентов или слушателей курсов, так и — правда, в меньшем количестве, поскольку это было сложнее — для школьников.

Вообще, создать учебник, по которому будут учиться многие поколения уже даже не твоих учеников — вполне достойная мечта не только для преподавателя, но и для солидного учёного, ведь учебник задаёт рамки поиска, формирует общее мыслительное поле, за пределы которого потом удаётся выйти на самом деле очень немногим, и далеко не у всех, кто вышел за эти пределы, получается действительно интересный научный результат. Это, так сказать, общие соображения, которые должны быть усилены, если мы обратимся именно к советскому марксизму: как монистическая методология, марксизм внутренне предполагает, что возможен единственный правильный учебник по тому или иному предмету. Советский марксизм при этом являлся фактически единственной методологией на научном пространстве огромной державы, а значит, написание советским учёным любого из учебников автоматически означало для него претензию стать классиком.

При этом сами эти претензии за весь советский период реализовывались не так часто и не в полном объёме. В первые два десятилетия советской власти мечтам об удачном авторском учебнике суждено было всё время оказываться разбитыми. Учебные курсы тех лет, которые издавали А. И. Тюменев, С. И. Ковалёв и В. С. Сергеев, первый школьный учебник Н. М. Никольского — не пережили своего времени. «Классические» учебники по древней

истории — то есть, те, которые были признаны подходящими для преподавания и долгое время продержались в среде, на которую были рассчитаны (несмотря на иной раз очень жёсткую критику) — появились лишь в 40–50-е гг.: это учебник В. В. Струве по истории древнего Востока (1941) и сменивший его учебник В. И. Авдиева (1948, с рядом переизданий), учебник по римской истории С. И. Ковалёва (1948, переиздания) и частично потеснивший его учебник Н. А. Машкина (1949, переиздания)¹³⁹; несколько сложнее дело обстояло разве что с греческой историей.

Почему не могли устояться учебники 20–30-х гг., ответить легко — потому что не была ещё сформирована сама теория, а учебники, созданные до 1934 г. — ещё и потому, что в СССР до этого времени не было системы исторического образования и, соответственно, целевой аудитории для такого рода литературной продукции. При этом они, бесспорно, внесли свой вклад в создание как этой системы, так и общей теории.

Можно отметить два пика на этом пути: условно середина 20-х гг., прошедшая под знаком социологизации истории (естественно, на марксистский лад)¹⁴⁰ и приблизительно середина 30-х гг., прошедшая под знаком возрождения событийной истории¹⁴¹ —

¹³⁹ Струве В. В. История древнего Востока. Л., 1941; Авдиев В. И. История древнего Востока. М., 1948; Ковалёв С. И. История Рима. Л., 1948; Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1949.

¹⁴⁰ В этот период были изданы: Тюменев А. И. Введение в экономическую историю Древней Греции. Пг.-М., 1923; Он же. Очерки экономической и социальной истории Древней Греции. Т. I–III. Пг., 1920–1922 (второе издание — 1924 г.); Ковалёв С. И. Курс всеобщей истории. Пг., 1923. Тт. I–II; Он же. Всеобщая история в популярном изложении. Для самообразования. Часть I. Древний мир. Л., 1925; Сергеев В. С. История древнего Рима. М.-Л., 1925.

¹⁴¹ В это время вышли следующие курсы: Никольский Н. М. История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир. Учебник для средней школы. 5-й год обучения. М., 1933; Сергеев В. С. История древней Греции. М., 1934; Струве В. В. История древнего Востока. Краткий курс. М., 1934; Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.-Л., 1935; Ковалёв С. И. История античного общества. Греция. Л., 1936 (2-е, исправленное издание — 1937); Он же. Исто-

само собой, при условии применения уже найденной единственно правильной теории. Эти процессы отражали внутренние устремления советской исторической науки и внешние на неё влияния со стороны властных структур: ползучая борьба за власть в партии большевиков в 20-е гг. и установление автократического режима в 30-е гг. бесспорно связаны с тем, как своеобразный марксистский плюрализм в истории сменился столь же своеобразной марксистско-ленинской ортодоксальностью. Но были ли в этом процессе и другие, на первый взгляд малозначащие аспекты, например, в виде незаметного влияния иностранной науки?

В этом отношении особый интерес для нашего исследования представляет университетский учебник по истории Рима (1938), созданный В. С. Сергеевым (1883–1941). В плане написания учебников у Сергеева был солидный опыт — как и С. И. Ковалёв, он активно публиковал работы ещё в первый подъём середины 20-х гг., как и Ковалёв, он был позднее за них опасно раскритикован — в первую очередь, за «модернизацию», т. е. за последовательное проведение аналогий с современностью, а соответственно и за систематическое использование таких понятий, как «капитал», «буржуазия» и т. п. применительно к древнему обществу¹⁴². В 30-е гг. Сергеев так же, как и Ковалёв, первоначально публикует учебник по греческой истории (1934). Учебник был, как обычно в те годы, воспринят с большой долей скепсиса¹⁴³, хотя автор постарался учесть все новые тенденции в создании исторической теории. Впрочем, после новых редакций 1939 г. и 1948 г. именно он стал основным

рия античного общества. Эллинизм. Рим. Л., 1936; История древнего мира / Под ред. С. И. Ковалёва. Т. I–III. М., 1936–1937.

¹⁴² См.: *Пригожин А. Г.* Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций. Л., 1933. То же, но уже в более спокойной тональности: *Мишулин А.* Советская историография и задачи древней истории // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 7.

¹⁴³ *Бергер А.* Рец.: В. С. Сергеев. История древней Греции. М. и Л. Соцэкгиз. 1934. 353 стр. // *Борьба классов.* 1935. № 4. С. 123–126.

для преподавания в высших учебных заведениях¹⁴⁴, а после переработки коллегами в 1963 г.¹⁴⁵ оставался таковым вплоть до выхода в 1986 г. греческой истории¹⁴⁶ под редакцией В. И. Кузищина. В общей сложности при всех своих модификациях учебник по Греции продержался в советской высшей школе более полувека, хотя в полном смысле слова назвать его сергеевским сложно.

Причины первоначальных провалов, лишь в итоге увенчавшихся промежуточными успехами, не стоит искать в твёрдости научных воззрений В. С. Сергеева — как и С. И. Ковалёв, это был принципиальный приспособленец, поворачивающий вслед за линией партии, иногда угадывающий эту линию лучше или хуже. Понятно, что в годы, когда ещё не всё было понятно с новыми требованиями к исторической науке, предвидеть витки этой якобы прямой линии было не так просто. В конце 30-х гг. ситуация становится намного яснее, и поэтому именно последнее крупное произведение Сергеева — учебник по римской истории — оказалось принято наилучшим образом. Сергеев наконец займёт надёжные позиции в вузовской науке и его положение стабилизируется даже немного раньше, чем у С. И. Ковалёва. Правда, опять же, в отличие от Ковалёва, Сергеев слишком рано умрёт, чтобы перейти в разряд признанных классиков советского антиковедения. Достаточно быстро окажется в забвении и его последний учебник.

О Сергееве сохранилось не так много воспоминаний, самые яркие и, пожалуй, подробные (в общей сложности едва четыре

¹⁴⁴ Часть текста дописали А. В. Мишулин и Н. А. Машкин. Учебник по истории Греции С. Я. Лурье был оценён коллегами ещё более неоднозначно, к тому же из печати в 1940 г. вышла лишь первая (меньшая по объёму) часть, судьбу второй части решила начавшаяся после войны кампания против космополитизма. См. *Фролов Э. Д.* Тернистый путь учёного: С. Я. Лурье и его «История Греции» // *Лурье С. Я.* История Греции. Курс лекций / Под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1993. С. 3–24.

¹⁴⁵ См. От редакции // *Сергеев В. С.* Издание третье (посмертное). Переработанное и дополненное / Под ред. В. В. Струве, Д. П. Каллистова. М., 1963. С. 3.

¹⁴⁶ История Древней Греции / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1986.

страницы) из которых принадлежат медиевисту С. М. Стаму (1913–2010) и относятся к раннему периоду учёбы последнего в МИФЛИ, конкретно к 1931–1933 гг. Согласно Стаму, первоначально, пока лекции читал П. Ф. Преображенский (1894–1941) (на этот период придётся и первый арест этого учёного), В. С. Сергеев вёл семинарские занятия по римской истории и не проявлял к преподаванию особого интереса. «Он не был ни зол, ни придирчив, но снисходительное пренебрежение и глубокое равнодушие сквозило во всей его манере руководства семинаром, в его поведении, в его лексиконе»¹⁴⁷. Как только Сергеев стал лектором, то преобразился — сыпал терминами, стремился проявить учёность. Стам завершает свой пассаж рассказом о тех самых очерках, которых мы уже коснулись (правда, совершая типичную ошибку мемуариста, путает название книги): «Впоследствии Сергеев выпустил двухтомную «Историю древнего мира» (его главным коньком была Римская империя). Но серьёзным научно-аналитическим подходом этот учебник не отличался. Автора больше привлекает внешний блеск»¹⁴⁸.

Конечно, каждый имеет право на собственное отношение к тому человеку, с которым был знаком, и нет оснований не доверять тем историям из своей студенческой жизни, которые приводит Стам. Но вот по учебнику, который издал Сергеев, Стам уже учиться не мог — высшее образование он к тому времени давно получил, и, как медиевист, вряд ли действительно интересовался новой книгой по другой эпохе, так что вполне мог перенести на учебник своё неоднозначное отношение к его автору.

Между тем, в некоторых отношениях именно сергеевские «Очерки по истории древнего Рима» являются уникальными. Они небездарно написаны, и хотя положительное впечатление создаётся в основном за счёт умелого использования отрывков из классических авторов, но всё же стиль Сергеева, уступая по ясности изло-

¹⁴⁷ Стам С. М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов, 2009. С. 58.

¹⁴⁸ Там же. С. 59.

жения Ковалёву, вполне сопоставим с Машкиным. Они солидны по объёму и подробны в фактическом изложении, наконец, что особенно бросается в глаза на фоне довоенных советских учебников (да во многом и научной литературы), они плотно насыщены ссылками на иностранную науку, обильны цитатами из источников (с заметными вкраплениями латыни) и богато иллюстрированы. Качество иллюстраций не идеальное, но по меркам тех лет вполне приличное, что же касается количества, то на 762 страницы чистого текста (всего в учебнике 830 страниц, со сквозной нумерацией по томам) приходится 144 иллюстрации, не считая 59 оригинально выполненных заставок и концовок, которые также являются небольшими изображениями конкретных материальных памятников (монет, реконструкций архитектурных элементов и т. п.).

Можно сказать, что перед нами учебник, написанный совершенно в западном духе тех лет — книга, очень близкая по степени проработки к самостоятельному исследованию, выражающая личные позиции автора, но гарантирующая полноценный охват материала; это учебник, который ещё может быть назван отчасти и монографией¹⁴⁹, в то время как последующий учебник Н. А. Машкина — это почти исключительно учебник, а поздний советский (и современный российский) учебник под редакцией В. И. Кузицина — учебник, и только. Если же мы возьмём для сравнения незадолго до того опубликованные курсы по античной истории, созданные неоднократно уже упоминавшимся С. И. Ковалёвым и вскоре после того ушедшим от античной истории к изучению Шумера А. И. Тюменевым, который, в общем, был родоначальником написания учебников по древней истории в советской исто-

¹⁴⁹ В европейских и американских университетах того времени в качестве учебников часто использовались такого рода фундаментальные работы как «Экономическое обозрение Древнего Рима» под редакцией Т. Франка (1876–1939), «Кембриджская история древнего мира» или «Всемирная история» под редакцией Г. Глотца (1862–1935).

риографии, то очень хорошо увидим те различия, о которых писали выше.

Было это заметно и читателям того времени. В своей рецензии на учебник А. Б. Ранович отдельно отмечал «обилие незатасканных рисунков»¹⁵⁰. Хвалил «внимательный подбор иллюстраций» и другой рецензент, и уточнял: «Последние взяты из новейших международных изданий, нетрафаретны и снабжены хорошо продуманными аннотациями»¹⁵¹. Если говорить о «незатасканности» и «нетрафаретности» в советской историографии, то это, конечно, так — поскольку иллюстрации вообще были большой проблемой в научных трудах того времени. Но если мы начнём листать книгу Сергеева, обращаясь к более широкому контексту, то сможем заметить одну занимательную тенденцию: многие из этих иллюстраций (десятки), посвящённых республиканскому и особенно имперскому периоду, окажутся нам знакомыми. Они, правда, разбавлены в книге и другими изображениями, но всё же эти мозаики из африканских поместий, рельефы груженных вином галльских телег приведены почти в той же последовательности, что и на вкладках в самой известной из иллюстрированных обобщающих работ первой трети XX в. — книге М. И. Ростовцева «Социально-экономическая история Римской империи» (1926).

Между тем, ни одна из этих иллюстраций у Сергеева не отсылает нас к книге Ростовцева. Забегая вперёд, сразу скажем, что Рос-

¹⁵⁰ *Ранович А.* Рец.: В. С. Сергеев. Очерки по истории древнего Рима. Части 1 и 2. Социально-экономическое издательство, М., 1938 // ВДИ. 1938. № 4. С. 213. На последней странице рецензируемой книги, правда, указано: «Справочный материал (указатели, таблицы, библиография), иллюстрации и карты составлены и подготовлены к печати Т. М. Шепуновой». Но речь явно идёт о технической работе: трудно представить, чтобы та же библиография составлялась без участия автора. Т. М. Шепунова (1901–1978) была основательницей и заведующей кабинетом древней истории исторического факультета МГУ. См.: К 70-летию Т. М. Шепуновой // ВДИ. 1972. № 1. С. 234.

¹⁵¹ *Бокщанин А.* Рец.: В. С. Сергеев «Очерки по истории древнего Рима». Соцэргиз. 1938. Ч. 1-я и 2-я. 829 стр. // Исторический журнал. 1938. № 11. С. 126–127.

товцева в сергеевском учебнике нет вообще, ни в каком качестве. В разделе «Библиография» собраны наиболее значительные книги и статьи по римской истории на то время: упомянуто (исключая классиков марксизма) в общей сложности 186 наименований, в том числе, в рубрике по социально-экономической истории, даже сравнительно частные для этой темы труды вроде книги Г. А. Ормерода (1886–1964) о пиратстве в древности¹⁵², но нет намёка ни на одну из работ Ростовцева. Наконец, в тексте самого учебника Сергеев периодически ссылается на труды, которые не были включены им в библиографию, но и там мы не увидим ссылок на Ростовцева.

Конечно, пока сам по себе этот факт может быть объяснён вкусовыми пристрастиями автора учебника или даже его элементарным недосмотром — то и другое легко понять как с психологической, так и с технической точек зрения. В конце концов, у Сергеева стоят ссылки на те издания, откуда были взяты его иллюстрации, и заметное совпадение с Ростовцевым в самом подборе может означать лишь то, что тому и другому казалось вполне очевидным проиллюстрировать схожие повороты сюжета сходным образом.

Все эти соображения могли быть вполне убедительными, если бы Сергеев не снабдил значительную часть иллюстраций более или менее подробными комментариями. Возьмём для примера первый же из них. Вот его текст: «Этрусский крестьянин за пахотой. Музей виллы Юлия. Этрусская бронзовая статуэтка VI в. до н. э., найденная в Этрурии, близ Ареццо. Плуг состоит из деревянной дуги, изготовленной из одного куска (*buris*), металлического лемеха (*vomer*) и деревянной ручки (*stiva*). Изображение стоящей позади крестьянина Минервы — позднейшее добавление»¹⁵³.

¹⁵² *Ormerod H. A. Piracy in the Ancient World. An Essay in Mediterranean History.* Liverpool — London, 1924. Собственно римскому периоду посвящена примерно четверть книги, и для социально-экономического очерка она может представлять лишь относительный интерес.

¹⁵³ *Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима.* М., 1938. Ч. II. С. 769.

А вот текст из книги Ростовцева (цитата по русскому переводу): «Группа этрусских вотивных фигурок, бронза. Найдена близ Ареццо в Этрурии. Раньше находилась в музее Чирчерано, теперь выставлена в музее виллы Джулия. [...] Группа (за исключением фигуры Минервы, представляющей собой современное добавление, не имеющее отношения к оригиналу) изображает этрусского крестьянина, пахущего своё поле или поле своего господина. Он одет в шляпу, хитон и шкуру; возможно, обут в башмаки. Плуг состоит из деревянной дуги с подошвой (*buris*), сделанных из одного куска, металлического лемеха (*vomer*) и деревянной рукоятки (*stiva*). Похожий на этот плуг (IV–III вв. до Р. Х.) найден также в окрестностях Теламона [...]. несмотря на этрусское происхождение и архаичный характер, эта группа может служить вполне достоверной иллюстрацией крестьянского быта Лация в период республики. Большинство этрусских крестьян были по своему происхождению не этрусками, а италиками. Во многих глухих уголках Италии таким же плугом пользуются и в наши дни»¹⁵⁴.

В обоих случаях стоит одна и та же — с точностью до страницы — ссылка на работу В. Хельбига и В. Амелунга.

Как нетрудно заметить, пояснения Сергеева являют собой сокращённый вариант описания, сделанного Ростовцевым — вплоть до любви к латинским терминам, которые уже раздражали слух советского студента С. М. Стама, но были вполне органичны в устах дореволюционного профессора Ростовцева. Расхождение только в датировке памятника: VI в. до н. э. вместо IV в. до н. э., но тут, возможно, речь идёт об опечатке. Такого рода подозрительное родство отрывков, мягко говоря, не единичное, что подтверждается при сопоставлении других комментариев к иллюстрациям: совпадают ссылки на литературу (у Ростовцева библиография более полная, Сергеев обычно ограничивается одним наименованием) и описа-

¹⁵⁴ Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2000. Т. I. С. 230.

ние: у Ростовцева подробное, у Сергеева — краткое, но тем не менее обнаруживающее характерные признаки повторения. Один из этих случаев даже несколько комичный: фотография с изображением 9 сельскохозяйственных орудий, найденных на вилле близ Боскореале, дана в книге Сергеева в перевёрнутом виде¹⁵⁵, а поскольку орудия не пронумерованы, то предложенная в пояснениях нумерация¹⁵⁶ теряет всякий смысл — тем более, что на иллюстрации в книге Ростовцева номера шли не в прямой последовательности¹⁵⁷.

Язык цифр, пожалуй, будет более убедительным. Как мы говорили ранее, в двухтомнике Сергеева 144 полноценных иллюстрации и 59 информативных заставок и концовок к главам. Из 144 иллюстраций 70 даны с развёрнутыми пояснениями (мы считали таковыми выходящие за пределы простого сообщения о характере изображаемого памятника, его датировке и локации). Из этих 70 иллюстраций с подробными пояснениями 39 (равно как и пояснения к ним) совпадают с теми, что приведены в книге Ростовцева¹⁵⁸. Помимо этого, есть ещё ряд совпадений в иллюстрациях с минимумом пояснений и несколько совпадений в заставках и кон-

¹⁵⁵ Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. С. 141.

¹⁵⁶ Там же. С. 769.

¹⁵⁷ Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2000. Т. I. С. 237; см. тж. Табл. 10. Кстати говоря, «Field Museum of Natural History at Chicago» Сергеев (или Т. М. Шепунова?!) перевёл как «Чикаго. Полевой музей естественной истории», в то время как Field в данном случае не «поле», а фамилия предпринимателя М. Филда (1834–1906), пожертвовавшего в 1894 г. музею миллион долларов.

¹⁵⁸ Для удобства читателя мы предпочли давать ссылки на русское издание книги Ростовцева, но, поскольку русский перевод делался с немецкого издания 1931 г., то подбор иллюстраций несколько отличается от английских изданий 1926 и 1957 гг. В нашем случае это важно, поскольку одной иллюстрации, которая есть у Сергеева и описание которой совпадает с ростовцевским, в русском издании нет. См.: Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. С. 254; *Rostovtzeff M. I. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1957. Vol. I. P. 62. Pl. IX. 1.* Схожий пример: прорисовка рельефа с изображением торгового судна из Сидона, которой тоже нет в русском издании: *Op. cit.* P. 265; Сергеев В. С. Указ. соч. С. 480, 774.

цовках к главам — но в общем, на порядок чисел они влияют незначительно.

Может ли при такой статистике сохраниться ещё некоторая вероятность того, что эти совпадения объясняются как-то иначе, чем тем непривлекательным обстоятельством, что Сергеев беззастенчиво пользовался результатами огромной работы, проведённой Ростовцевым? Потому что, хотя может показаться, что речь идёт всего-то лишь об иллюстрациях, следует помнить, что сам их подбор и подробные к ним пояснения не случайно произвели фурор в исторической науке и в историческом образовании межвоенных лет¹⁵⁹: от автора же — само собой, сейчас речь идёт исключительно о Ростовцеве — требовались немалые усилия, чтобы вообще спланировать эту рубрику «незатасканных» иллюстраций, а потом ещё и осуществить её технически: получить качественные снимки от впервые исследовавших памятники историков, из музеев, издать неопубликованные находки и т. п. Очевидно, что теперь рассматривать версию, будто Сергеев не был знаком с книгой Ростовцева, а совпадения объясняются исключительно обращением к одним и тем же работам других авторов, невозможно в принципе. Но ведь можно представить, что чтение Ростовцева вдохновило Сергеева на повторение (в расширенном варианте) в своей книге подобной же подборки иллюстраций, и он честно обратился к первоисточникам — взял если не сами иллюстрации, то хотя бы пояснения к ним из тех же журналов и изданий, что и Ростовцев. Тем самым отпадала необходимость каждый раз навязчиво ссылаться на Ростовцева.

И эта (совсем уже шаткая) версия не может быть нами принята. Обратимся снова к анализу текста. Поймать Сергеева за руку, оказывается, не так просто: обычно он не копирует из книги Ростовцева те иллюстрации, что были приведены в ней впервые. Впро-

¹⁵⁹ *Момильяно А. Д.* М. И. Ростовцев // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 1. Омск, 2005. С. 436.

чем, есть небольшие исключения: приведённая с кратким описанием фотография головы бронзовой статуи императора Септимия Севера из музея Никосии¹⁶⁰: В книге Сергеева к ней не дано никакой ссылки¹⁶¹, и это не удивительно — Ростовцев опубликовал её впервые, «с любезного разрешения властей»¹⁶². Точно так же впервые Ростовцев опубликовал ауреус (тип золотой монеты) императора Проба¹⁶³ — и у Сергеева в концовке XXIII главы изображение приведено безо всяких ссылок, хотя в пояснениях к предыдущим изображениям ссылки были¹⁶⁴. В общем, ни о каком бесконечном стечении случайностей не может идти и речи.

И всё-таки, настоящая возможность сделать проверку убедительной и оценить истинный масштаб и характер неоговорённых заимствований — обратиться к тем статьям и книгам, на которые ссылаются и Ростовцев, и Сергеев. Нет необходимости отслеживать все моменты совпадений, достаточно остановиться лишь на нескольких характерных примерах.

Пожалуй, одно из самых больших пояснений к иллюстрации в книге Ростовцева¹⁶⁵, равно как и в книге Сергеева¹⁶⁶ — к публикации африканской мозаики из имения Юлия. И Ростовцев, и Сергеев одинаково ссылаются на статью из французского археологического журнала за 1921 г.¹⁶⁷, написанную А. Мерленом (1876–1965) — первым исследователем мозаики, который прислал Ростовцеву материалы по ней и который упомянут также в разделе благодарно-

¹⁶⁰ Сергеев В. С. Указ. соч. С. 608.

¹⁶¹ Там же. С. 781.

¹⁶² Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. СПб., 2001. Т. II. С. 270.

¹⁶³ Там же. С. 273.

¹⁶⁴ Сергеев В. С. Указ. соч. С. 646.

¹⁶⁵ Таблица 62. Ростовцев М. И. Указ. соч. Т. II. С. 274.

¹⁶⁶ Сергеев В. С. Указ. соч. С. 780–781.

¹⁶⁷ Merlin A. La Mosaique du Seigneur Julius à Carthage // Bulletin Archéologique du Comité des Travaux Historiques et Scientifiques. 1921. P. 95–114.

стей в предисловии к «Социально-экономической истории Римской империи»¹⁶⁸. Действительно, при сопоставлении статьи А. Мерлена и соответствующего примечания в книге Ростовцева становится видно, насколько Ростовцев зависит от Мерлена (вплоть до библиографии): поскольку тот дал исчерпывающее описание изображений мозаики, то Ростовцев представил в основном краткий их пересказ.

Но заметны и несколько характерных отличий. Прежде всего, в статье Мерлена кроме подробного описания изображённого на мозаике даны также её художественная оценка, выводы о том, какую информацию мозаика даёт о жизни в больших африканских поместьях и сравнение её с аналогичными по сюжету африканскими мозаиками от II в. до византийского периода. Ростовцев всю эту информацию прекрасно усвоил и даже частично использовал в других местах своей капитальной работы (обстоятельно отметив всё это перекрёстными ссылками). Но в примечании к иллюстрации он, помимо описания изображений, сосредоточился только на одной — центральной — идее о том, что мозаика даёт прекрасное представление о роли колонов в хозяйстве этих имений. Ради акцентирования этой мысли он даже разошёлся с Мерленом в интерпретации одной из фигур: женщина в верхнем регистре справа от хозяйки, которая приносит ей ягнёнка (*un jeune agneau*), у Мерлена определена как служанка или даже «своего рода экономка, женщина, облечённая доверием»¹⁶⁹. Ростовцев же (пожалуй, с меньшим основанием) считает её женой или дочерью пастуха, который изображён далее, в правом верхнем углу мозаики, а принесённый ей *козлёнок* (*kid*) выступает, тем самым, символом арендной платы.

¹⁶⁸ Ростовцев М. И. Указ. соч. Т. I. С. 18. Ростовцев вообще не стеснялся указывать источники своих заимствований, и чаще всего из примечаний к его трудам кристально ясно, откуда он получил ту или иную информацию — ознакомился с работой другого исследователя, пообщался с ним лично или по переписке, либо сам впервые обработал тот или иной источник.

¹⁶⁹ Merlin A. La Mosaïque du Seigneur Julius à Carthage. P. 102, n. 3.

Обратимся теперь к комментарию иллюстрации, который дал В. С. Сергеев (или Т. М. Шепунова — вернёмся к вопросу чуть позже). Прежде всего, в советском учебнике мы встретим только те же мысли, которые есть в пояснениях Ростовцева, но ничего из того, что можно было бы взять напрямую у Мерлена — повторимся, в статье Мерлена достаточно подробностей, самостоятельное сокращение которых дало бы иной вариант пересказа. Сергеев, правда, не воспроизводит точь-в-точь и Ростовцева: так, он уже в самом начале комментария приводит мысль о том, что именно мозаика призвана проиллюстрировать: «значение колонов, на труде и повинностях которых покоилось всё производство поместья»¹⁷⁰. Но кроме этой перестановки и небольших сокращений, изменений мы не заметим. В частности, сообщено и о «жене или дочери колона», несущей козлёнка¹⁷¹. Если полное совпадение мыслей ещё не в состоянии кого-то убедить, то невинный козлёнок выдаёт заимствующих с головой.

То же самое, но с ещё большей степенью уверенности, может быть показано на примере серебряной чаши с эмблемой Александрии — иллюстрации, заимствуя которую, Сергеев ссылается на книгу О. Зеека (1850–1921) «Кайзер Август» (1902)¹⁷²; Ростовцев же — на ряд других авторов, в основном французов. Между тем, у Зеека Сергеев мог заимствовать исключительно саму «картинку» (судя по сноскам в его учебнике, он взял ряд изображений именно из «Кайзера Августа»), но он не мог взять оттуда подробных пояснений — у Зеека дана лишь очень малая часть той информации, которая приведена у Ростовцева и в два раза сократившего это примечание Сергеева¹⁷³.

¹⁷⁰ Сергеев В. С. Указ. соч. С. 780. Сама фраза при этом является почти дословным, но слегка марксистованным переводом из Ростовцева: «the whole life of the villa is based on their toil and their contributions».

¹⁷¹ Сергеев В. С. Указ. соч. С. 781.

¹⁷² Ростовцев М. И. Указ. соч. Т. II. С. 251 (Табл. 41.1); Сергеев В. С. Указ. соч. С. 774.

¹⁷³ Seeck O. Kaizer Augustus (Monographien zur Weltgeschichte. XVII). Bielefeld — Leipzig, 1902. S. 38 Abb. 30; 134.

Итак, могут ли теперь оставаться сомнения в том, что столь точный перевод без ссылок — плагиат?! Вот уж в самом деле — «хорошо продуманные аннотации»! Мы должны учитывать, конечно, то, что текст приложений — не основной текст, и авторских прав советские издательства за пояснениями к иллюстрациям не признавали. Как мы знаем, приложения составляла Т. М. Шепунова, а Сергеев формально виноват лишь тем, что не проследил за этой работой. Но можно усомниться в том, чтобы такая деятельность могла вообще остаться тайной для автора: уместность расположения иллюстраций в книге, сам смысл пояснений к ним напрямую связаны с общим замыслом и не могут пройти мимо даже самого неряшливого писателя. К тому же Сергеев был хорошо знаком с томом Ростовцева и не мог не заметить таких откровенных «параллелей». Так что в «некорректном заимствовании» Сергеев и Шепунова участвовали совместно, и не так важно, чья это была идея.

Но ведь у неоговоренных заимствований могут быть разные причины. Обычно подразумевается, что главная из них коренится в самолюбии плагиатора: он крадёт то, чего не может сделать сам, выдаёт чужие достижения за свои собственные. Однако в таком случае Сергееву (руками Шепуновой) следовало бы вообще не приводить никаких ссылок на литературу в своих пояснениях к иллюстрациям: тогда создавалось бы куда более сильное впечатление, что иллюстрации подобраны исключительно благодаря его собственным усилиям, а формат учебника вполне мог служить оправданием отсутствия таких ссылок. Напротив, ссылок в учебнике Сергеева значительно больше, чем в учебниках принято.

Можно предположить, что Сергеев шёл более хитрым путём и предпочитал не ссылаться именно на тех авторов, которых чаще всего использовал. Но мы, опять же, увидим, что это не вполне так: иногда обильно цитируются одни и те же труды. Часто

Сергеев цитирует вполне корректно, даже в случае с иллюстрациями¹⁷⁴.

Коль скоро в нашей книге речь идёт о взаимодействии с зарубежной наукой, то легче всего сказать, что Ростовцев не цитируется именно потому, что он — буржуазный учёный, причём, сразу по двум характеристикам: буржуазный дореволюционный и буржуазный современный. Тем не менее, и это неправда: в библиографии, которую приводит Сергеев к своему учебнику, соотношение русских и зарубежных книг и статей («классиков» марксистской теории, опять же, в расчёт не берём): 53 и 133 (28,5 %:71,5 %), а если учитывать, что часть книг на русском языке переводные (21), то соотношение отечественных и зарубежных работ ещё более впечатляющее: 32 и 154 (17,2 %:82,8 %) — о низкопоклонстве перед буржуазной наукой во весь голос заговорили только после войны, и «Очерки» ещё не отражают эту тенденцию.

Вообще, «советских» работ по теме в библиографии крайне немного: всего 18 (с небольшим колебанием относим к ним учебники 20-х гг. С. А. Жебелёва, который в 30-е гг. уже считался «своим» в марксистской науке, но исключаем Д. М. Петрушевского и Б. А. Тураева), что почти равно 14 работам дореволюционных историков. Кстати говоря, обычай принижать дореволюционную науку к тому времени уже был отвергнут и, хотя с обязательными оговорками, всё чаще говорилось о продолжении и развитии традиций прежней науки: дело тут было не в том, что русская дореволюционная наука была менее буржуазной, чем зарубежная, а в том, что она была русская — ориентация на чувство национальной гордости уже

¹⁷⁴ Так, судя по всему, иллюстрация святилища Митры действительно взята из «Американского археологического журнала» за 1935 г., а описание сделано на основе сопроводительной к ней заметки (автор не указан). См.: Там же. С. 553, 779; *The New Mithraeum at Dura* // *American Journal of Archaeology*. 1935. Vol. XXXIX. № 1. Plates IV–V. P. 4–5. Если читателю угодно почувствовать иронию историографии, то в редакционный совет этого журнала входил в то время и М. И. Ростовцев.

была ясно выражена на самом высоком уровне политической иерархии 30-х гг.¹⁷⁵.

Так или иначе, мы можем обоснованно говорить: Сергеев не стеснялся цитировать дореволюционных русских авторов и уж тем более не смущался цитированием зарубежных работ. Он не цитировал именно Ростовцева. Основная причина этого лежит на поверхности (мы уже писали об этом в другом очерке): Ростовцев был не просто и дореволюционным, и современным зарубежным учёным, он был — эмигрантом, никогда не скрывавшим своего глубоко отрицательного отношения к советской власти.

Отношение к Ростовцеву как учёному всегда находилось в зависимости от политических нужд момента. Хотя он и уехал из революционной России и публично выступал против «Советов», в середине 20-х гг., вероятно, под воздействием стремления вернуть на родину как можно больше эмигрантов, и в особенности значимые фигуры, отношение к нему было достаточно сдержанным — вышла, хотя и не вполне по воле властей, набранная ещё до революции книга «Скифия и Боспор»¹⁷⁶.

Выход «Социально-экономической истории Римской империи» (1926), книги, которая сделала Ростовцева одной из ведущих фигур в мировом антиковедении, казалось бы, должен был поставить крест на сравнительно благодушном отношении к нему в СССР, ведь в тексте содержались прямые указания на тоталитарный и примитивный характер советской социально-экономической систе-

¹⁷⁵ Разнос, устроенный Сталиным Демьяну Бедному, должен был охладить слишком горячие «интернациональные» головы. См.: *Сталин И. В.* Тов. Демьяну Бедному (Выдержки из письма) // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. Июль 1930 – январь 1934. М., 1951. С. 23–27. Подробнее об этой ситуации: *Дубровский А. М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 61–66, тж. С. 155–169.

¹⁷⁶ *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. Книга вышла в дореволюционной орфографии.

мы¹⁷⁷. Но главное, что даже если бы во всём солидном томе не нашлось ни единого намёка на большевистский режим, антисоветский характер труда был виден невооружённым глазом, причём любому, как западному, так и советскому читателю: цветущая Римская империя была ввергнута в пучину бедствий вследствие «крестьянского восстания» (peasant revolt), выразившегося в том, что служившие в армии жители сельской округи, ненавидевшие эксплуатировавшую их городскую буржуазию, ограбили города, подорвав тем самым основу процветания государства. Новый строй, созданный на обломках прежнего императорами Диоклетианом и Константином, закрепил это положение вещей, но не дал ничего ни городским, ни деревенским слоям, утвердив главенство государства над обществом и обеспечив общее падение экономической инициативы¹⁷⁸. В разреженной атмосфере межвоенного времени можно было бы сказать и меньше, чтобы заслужить обвинение в написании политического памфлета.

И тем не менее, советская рецензия на книгу была если не положительной, то по крайней мере достаточно уравновешенной; в части упреков рецензент ограничился лишь ироническим замечанием, что в марксизме Ростовцев не разбирается¹⁷⁹.

Но после скандала с советской делегацией, учинённого Ростовцевым в Осло на VI Международном историческом конгрессе в августе 1928 г., скандала, заставившего поскрежетать зубами не только советских историков, но и советских дипломатов, примирение уже было невозможным. За свою дружбу с Ростовцевым по-

¹⁷⁷ См., например: *Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P. 484.* В последующих изданиях упоминание большевистской революции снято: *Idem. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1957. Vol. I. P. 538.*

¹⁷⁸ См. *Ростовцев М. И. Общество и хозяйство в Римской империи. Т II. СПб., 2001. С. 177–245.*

¹⁷⁹ *Алексеев Ф. Рец.: М. Ростовцев. «Социально-экономическая история Римской империи» // Историк-марксист. 1927. № 10. С. 240–242.*

страдал С. А. Жебелёв, а Ростовцев был исключён из Академии Наук. Теперь в Союзе он был записан в число самых неприятных персонажей русской эмиграции¹⁸⁰.

Конечно, Сергеев это прекрасно знал. Но ведь в таком случае Ростовцева следовало бы не замалчивать, а ругать. И другие его ругали, вплоть до того, что его имя вообще стало нарицательным для обозначения предельно негативного образа зарубежного учёного тех лет: махрового фашиста-модернизатора.

Однако у этой ругани довольно скоро проявились неприятные последствия. Постоянное упоминание имени Ростовцева по десяткам поводов, начиная от конкретных вопросов эллинистической или римской истории¹⁸¹, продолжая рассмотрением проблем экономического устройства древних обществ и наконец, заканчивая достаточно абстрактными аспектами теории исторического процесса¹⁸², само по себе служило неопровержимым признанием его научной значимости. Кроме того, ростовцевская «крестьянская революция» оказалась неожиданным образом актуализирована... Сталиным, как только тот изволил сказать о «революции рабов»: теперь исследователям следовало рассказывать о поздней античности как о революции, но тщательно избегать сходства с Ростовцевым. Задача эта для многих оказалась не по силам.

Иногда это выглядело настолько откровенно, что становилось неудобно читателям. Так, в книге В. И. Недельского (1903–1958) «Революция рабов и происхождение христианства» (1936) автор, не

¹⁸⁰ Подробнее об этом: *Тункина И. В.* М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Под общей редакцией ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 99–101.

¹⁸¹ Например, см.: *Крюгер О. О.* Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры // ИГАИМК. Вып. 108. М.–Л., 1935. С. 10.

¹⁸² См.: *Пригожин А. Г.* Гибель античного мира и проблема социальной революции в античности // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 76. Л., 1934. С. 11–12; *Ковалёв С. И.* Проблема социальной революции в античном обществе // Там же. С. 60.

слишком стесняясь, заявляет, что так часто пользуется книгой Ростовцева лишь из-за собранного в ней «колоссального материала»¹⁸³. И не случайно в экземпляре, хранящемся в Государственной Публичной Исторической Библиотеке, на полях возле этой фразы ещё перьевой ручкой какой-то читатель возмущённо написал: «Где он!», потому что и это ложь. Недельский вчистую использует уже готовые выводы учёного-эмигранта, к которым добавляется марксистское обрамление. Например, он говорит о том, что принципат стирал грань между положением италийцев и провинциалов, а затем продолжает в том духе, что это сделало уровень развития рабовладения по всей империи одинаковым, следовательно, экстенсивный рост экономики стал невозможен, что и провоцировало кризис¹⁸⁴. Материал, собранный Ростовцевым, при этом как раз начисто игнорируется: буквально тут же автор говорит о техническом застое, превращении значительной части свободного населения в паразитов и истощении почвы в крупных поместьях¹⁸⁵ — то есть, всё то, чего не писал (и не мог написать) о Ранней империи Ростовцев, но что было вызвано чтением либо А. Валлона (уже тогда давно устаревшего) и его пересказов у Маркса и Энгельса, либо просто чтением двух последних.

Конечно, книга Недельского — это пример не самый благородный, поскольку она ставила больше пропагандистские, чем научные цели. Но ведь к тому времени за подражание Ростовцеву уже досталось и В. С. Сергееву, и С. И. Ковалёву. Причём, следует сказать, что не во всём мы сейчас можем признать эти упрёки заслуженными. Например, некоторые идеи первых очерков по истории Рима, которые Сергеев выпустил в 1925 г., сходны с идеями Ростовцева, но ведь «Социально-экономическая история Римской им-

¹⁸³ *Недельский В. И.* Революция рабов и происхождение христианства. М. — Л., 1936. С. 10.

¹⁸⁴ Там же. С. 10 и сл.

¹⁸⁵ Там же. С. 11.

перии» в 1925 г. была только написана а не опубликована; трудно представить, чтобы Сергеев копировал Ростовцева по малоизвестному изданию ростовцевского учебника по древней истории на русском языке, вышедшем в Берлине в 1924 г.¹⁸⁶ Речь тут должна идти, видимо, не о рабском подражании вообще, а о следовании в русле общего восприятия древности, о влиянии спора Мейера-Бюхера и т. п.¹⁸⁷

Но так или иначе, следует признать: общая атмосфера в науке о древности тех лет могла привести к мысли о том, что лучше использовать Ростовцева «молча», чем упоминать о нём. Не случайно создаётся ощущение, будто Сергеев чувствовал себя вправе поступать подобным образом и не очень боялся, что его перепроверят¹⁸⁸. Вот он, при пересказе Ростовцева, свободно снимает указание на дискуссионность датировки артефакта и приводит ростовцевскую точку зрения как нечто вполне устоявшееся¹⁸⁹. Ведь вполне очевид-

¹⁸⁶ *Ростовцев М. И.* Очерк истории древнего мира. Восток. Греция. Рим. Берлин, 1924.

¹⁸⁷ А. М. Скворцов объясняет раннее модернизаторство Сергеева и Ковалёва стремлением вписать античность в контекст современности. Эта причина представляется нам допустимой, но как минимум недостаточной и при этом всё-таки не главной. См.: *Скворцов А. М.* Антиковедение в первое десятилетие советской власти: время эксперимента // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). С. 117.

¹⁸⁸ Этого не смог сделать даже такой внимательный рецензент, как А. Б. Ранович, которого вообще-то обилие ссылок на иноязычную литературу, иногда неоправданных (судя по всему, Сергеев некритически заимствовал из разных источников и часть ссылок в основном тексте своего учебника), справедливо смутило. См.: *Ранович А.* Рец.: В. С. Сергеев. Очерки по истории древнего Рима. С. 217–218.

¹⁸⁹ *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи. Т. II. С. 244 (Таблица 17. 1); *Сергеев В. С.* Указ. соч. С. 774 (иллюстрация на С. 479). Ссылка же у Сергеева стоит на работу Г. Гревена, точку зрения которого Ростовцев как раз отвергает. Собственно, как и в приведённых выше примерах, в описании Гревена просто не содержится всей той информации, которая есть в описании Ростовцева и с незамысловатым перефразированием повторена у Сергеева. См.: *Graeven H.* Die Darstellungen der Inder in Antiken Kunstwerken // Jahrbuch des Kaiserlich deutschen Archäologischen Instituts. Bd. XV. 1900. S. 203–205.

но, что такого рода операцию уже нельзя скрыть ссылкой на ту же статью, с которой спорит Ростовцев, и весь обман Сергеева, тем самым, шит белыми нитками. Классическому плагиатору следовало бы вообще исключить это предложение из перевода либо найти более обтекаемые формулировки. Но Сергеев даже не думает так поступать. В таких случаях дело может быть либо в самоуверенности, либо — в спешке.

Мы знаем, что в сталинское время книги иногда приходилось править очень быстро, и это заставляет нас вспомнить достаточно распространённую сейчас версию о поспешном редактировании: в изначальном варианте книги ссылки на Ростовцева стояли («по мнению Ростовцева»), но когда автор понял, после консультаций с «нужными людьми», что лучше ему вообще данного учёного не упоминать, то наскоро вычеркнул из книги неудобную фамилию. Поскольку выбросить половину иллюстраций было невозможно, то автор решился на столь неприглядный шаг. Похожие примеры известны: ещё Момильяно обращал внимание на то, что в библиографическом указателе по историкам СССР за 1941 г. Ростовцев (формально он числился в Академии Наук до 1928 г.) не упомянут в основном тексте, хотя фигурирует в индексе — явный след срочной правки¹⁹⁰.

И всё-таки, на наш взгляд, версию эту следовало упомянуть лишь для того, чтобы её отвергнуть. Возможно, в каких-то случаях она вполне справедлива — хотя в целом это очень простой ход для того, чтобы оправдать любую книгу за любые недостатки. В итоге такие рассуждения вносят свой вклад в создание утрированного образа советского общества: в котором все действовали по указке и было запрещено всё подряд. Так можно дойти и до такого предположения, что в вопрос об упоминании Ростовцева вмешалось партийное руководство на высшем уровне. Но даже те общества, в ко-

¹⁹⁰ Шведова О. И. Историки СССР. М., 1941. С. 147. См. тж. Момильяно А. Д. М. И. Ростовцев. С. 440.

торых контроль государства за гражданами предельно велик, достигают этого более сложными методами.

И, главное, Ростовцева упоминали — иногда даже вовсе без «обязательной» ругани, ограничиваясь полемикой по существу вопроса: в том же 1938 г. при переиздании своей статьи, «открывшей» рабский характер восстания Савмака на Боспоре, это сделал С. А. Жебелёв¹⁹¹, а уже в послевоенном 1947 г., в выпуске, посвящённом тридцатилетию советской науки, это сделал М. И. Артамонов (1898–1972). Последний, рассказывая о достижениях советской науки в вопросе изучения скифов, прямо начинает с Ростовцева как вершины дореволюционной историографии по указанной проблеме; не смущаясь, Артамонов ссылается не только на дореволюционного Ростовцева, но и на его «Социально-экономическую историю эллинистического мира» (1941), которую оценивает исключительно высоко, да и на другие работы «эмигрантского периода»¹⁹².

Можно, конечно, сказать, что Жебелёв, когда-то порицаемый за сам факт публикации в одном сборнике с Ростовцевым¹⁹³, теперь, после работы о восстании Савмака, чувствовал себя более или менее неуязвимо, и мог себе позволить некоторые «вольности». Мож-

¹⁹¹ Жебелёв С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // ВДИ. 1938. № 3 (4). С. 49–71. Сюжет о том, как восстание было открыто и как после шла борьба за пересмотр этого открытия, слишком подробно исследован, чтобы здесь на нём останавливаться. См. Крих С. Б. Образ древности в советской историографии. М., 2013. С. 120–121; Зайцев Д. В. Долгая жизнь скифов-рабов Савмака (к вопросу об устойчивости историографических мифов) // История мировых цивилизаций: мифы в общественном сознании. Всероссийская научная конференция с международным участием. Красноярск, 27 апреля 2013 г.: сб. статей. Красноярск, 2014. С. 105–115. Сетевой вариант последней публикации: [URL] <http://polyclub.info/konfa/zajcev-d-v-krasnoyarskij-gosudarstvennyj-pedagogicheskij-universitet-im-v-p-astafeva/> (дата обращения: 31.07.2013).

¹⁹² Артамонов М. И. Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. 1947. № 3. С. 68–69, 73, 81.

¹⁹³ События эти относились к 1928–1929 гг. См.: Тункина И. В. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук. С. 102–109.

но также предположить, что М. И. Артамонов, который касался относительно периферийной темы истории скифов, мог позволить себе сослаться на Ростовцева исключительно как на специалиста по узкому вопросу и, как выходец из бедной крестьянской семьи, меньше боялся немилости. Но все эти (лично для нас неубедительные) домыслы делают лишь более шаткой версию о существовании действительно реального запрета на цитирование и упоминание историка-эмигранта: запрет не бывает таким вариативным и тонким, он либо есть, либо его нет. Корректнее говорить о том, что Ростовцева становилось *не принято* цитировать — конечно же, в первую очередь для похвалы, но теперь уже и для порицания. Каждый сам определял для себя пределы этого «запрета»: в советском скифоведении ссылки на Ростовцева так и остались легитимными; кто знает, было бы это так, если бы М. И. Артамонов предпочёл не рисковать в 1947 г. и обойти Ростовцева молчанием¹⁹⁴. Точно так же, хотя бы кратко, в послевоенный период, отзывались о Ростовцеве и А. Б. Ранович, и Н. А. Машкин (в том числе в своём учебнике по римской истории), и Е. М. Штаерман¹⁹⁵ — в фундаментальных трудах по соответствующей тематике они не чувствовали себя вправе вообще промолчать об учёном такой величины¹⁹⁶.

¹⁹⁴ Хотя и кратко, но уважительно упоминает о роли Ростовцева в изучении Северного Причерноморья даже А. В. Мишулин, который уж точно мог обойтись без этих слов: *Мишулин А. С. А. Жебелёв в русской науке по древней истории // Исторический журнал. 1944. № 1. С. 75.*

¹⁹⁵ Если признанные Ранович и Машкин в своих поздних книгах хоть и лапидарно, но обращаются к Ростовцеву несколько раз, то Штаерман, возможно, ощущая свою уязвимость как учёный, едва защитивший докторскую диссертацию, скороговоркой упоминает о «Социально-экономической истории Римской империи» в начале книги, а потом, на протяжении огромного текста, лишь однажды ссылается на второстепенную статью Ростовцева. См.: *Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 3–4, С. 327, прим. 22.*

¹⁹⁶ Доказательства того, что, несмотря на обильные упоминания, А. Б. Ранович тем не менее в своей последней книге «Эллинизм и его историческая роль» (1950) занижал реальное влияние на него Ростовцева, см.: *Крих С. Б. Образ древности в*

«Очерки» Сергеева в этом отношении уникальны. Конечно, их автора ранее уже критиковали за рабское следование Ростовцеву, но речь шла не о цитировании или ссылках, а о методологической зависимости. Так что существованием непроговоренного и притом очень строгого запрета отсутствие упоминаний Ростовцева в учебнике Сергеева объяснить нельзя. В советское время не так много запрещали непосредственно «сверху», как иногда принято думать: гораздо чаще человек сам запрещал себе то, что, по его мнению, могло ему навредить.

Но всё-таки главный аргумент в нашем рассуждении — характер «Очерков». Ростовцев ведь не упоминается и в тех частях из книги, которые в виде статей публиковал Сергеев¹⁹⁷. Наконец, если бы Сергеев писал о Ростовцеве или ссылался на него в некоем предположительном «начальном» варианте книги, ему бы пришлось вести полемику с ним — по частным и общим вопросам. Но книга Сергеева со всем очевидностью написана без внимания к историческим дискуссиям и без анализа историографии — таковы её стилистика, общая структура и манера изложения. Спешные операции оставляют плохо заживающие шрамы, а спешные вычёркивания оставляют видные следы на теле книги (вспомним указатель по историкам СССР). В книге Сергеева не заметны следы удалённой полемики или изгнанных историографических очерков. Его игнорирование Ростовцева, следовательно, было изначально задуманным, вписанным в общий план создаваемого произведения. Сергеев уже нащупал путь создания идеального советского учебника истории: в нём вообще не должно было быть места различным объяснениям и взаимоисключающим концепциям.

советской историографии. С. 141–166. Но занижать или замалчивать и полностью игнорировать — не одно и то же.

¹⁹⁷ Сергеев В. С. Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи // ВДИ. 1938. № 3 (4). С. 117–132.

Тем самым, мы приходим к внешне парадоксальному выводу: Сергеев писал учебник с расширенным научным аппаратом, следовательно, создавал работу, которая должна была утвердить его как серьёзного учёного — и при этом считал вполне легитимной практикой использование отдельных приёмов плагиата. Конечно, он копировал не основной текст (по крайней мере, в случае с Ростовцевым), а только пояснения к «картинкам», и это могло казаться чисто техническим заимствованием. Конечно, опыт подсказывал, что на Ростовцева лучше лишний раз не ссылаться.

В любом случае, как бы сказал любой прямолинейный исследователь советской науки, это не так важно. Ведь «римский» учебник Сергеева, как мы и говорили, очень быстро сошёл со сцены. И тут самое время задать вопрос, почему.

Получивший одобрительные рецензии, учитывающий изменения в исторической идеологии тех лет, он мог бы продержаться дольше — как это произошло с сергеевским же учебником по истории Греции. «Антропологический» фактор — уход учёного из жизни — мог иметь здесь определённое значение, но отнюдь не решающее — как мы видели, советские учёные могли переработать удачный, по их мнению, учебник, даже спустя два десятилетия после смерти автора. Убрать те же самые упоминания о «революции рабов» было совсем несложно. Выше мы писали о том, что исторические труды 30-х гг. рождались под знаменем возврата к событийной истории, освобождения от социологизированного подхода, вульгаризации исторического материализма¹⁹⁸. Но ведь это совсем не означало отказа от марксистской социологии истории, которая всегда была претензией на понимание сути событий, а не на пересказ фактов. Следовательно, предполагался некий баланс, который по определению редко бывает идеальным, чаще всего происходит перевес либо в сторону фактов, либо в сторону теории. Пафос ста-

¹⁹⁸ Это прямо пропагандировалось: *Мишулин А.* Советская историография и задачи древней истории. С. 6, 7, 11.

линского призыва 30-х гг. заключался в типичном для «вождя» прагматическом диалектизме¹⁹⁹, стремлении избежать крайностей при манифестации ортодоксальной теории. Главное, чтобы перевес в одну сторону не был чрезмерным, а вот как в действительности сложится баланс, зависело уже не от воли конкретного человека, а от общих культурных условий советской действительности.

И здесь, как нам кажется, проявляется ещё одна существенная черта советского историописания. В нём не было интереса к историческому факту, подлинного вкуса к детали. Оно было настолько идейным, что факты должны были играть чисто утилитарную роль: доказывать или опровергать концепции. Любовь к фактам как таковой не отрицалась, но представлялась чем-то вроде начального, детского уровня исторического сознания.

Если вспомнить знаменитые (хотя часто читаемые вне контекста) строки Вергилия о том, что как бы ни были совершенны другие народы в различных искусствах, искусство римлянина — править всеми этими народами, то советские историки были тем самым вергилиевским римлянином: могут другие искусней изучить исторические памятники и лучше систематизировать данные источников, дело же советского историка — править этими фактами, давать им общее объяснение и подчинять их идеям своего единственно правильного учения. Да, здесь проскальзывает потребительское отношение к истории, но ведь в советское время и слова Базарова о природе как мастерской оценивались как проявление прогрессивного сознания. Поэтому-то в советское время появилось так мало удачных научно-популярных книг по истории древнего мира (да в общем, и по истории вообще) — они расценивались как баловство, слишком далёкое от подлинной науки.

Между тем, в этом положении были и другие опасности, куда более существенные для советского исторического сознания. Дело ведь, конечно, не в Сергееве, заимствовавшем у Ростовцева, дело в

¹⁹⁹ О мироощущении Сталина см.: *Вайскопф М.* Писатель Сталин. М., 2001.

самой допустимости, моральной и технической неизбежности такого рода заимствований: другие могли это делать аккуратнее или наглее, суть от этого не менялась. Получалось, что советская наука была построена на другой, спрятанной где-то в её основании — на фактах, добытых обычным тяжёлым трудом позитивиста прошлого (девятнадцатого) столетия или на фактах, добытых трудом зарубежных учёных, которые, как мы помним, считались совершенно неспособными к настоящим обобщениям. Это совсем не означает, что советские учёные вообще сами не открывали исторических фактов и не работали с первоисточниками — это значит, что делали они это как раз не по-марксистски, а по старинке, и в этом плане ничем не отличались от любого другого историка — дореволюционного или зарубежного. Но эту часть работы следовало скрывать, потому что она приходила в противоречие с общей методологией. Тем самым, используя марксистскую фразеологию, можно сказать, что сам базис исторического исследования, проводимого каждым советским историком, был внутренне расколот.

Чтобы создать популярную работу (в том числе популярный учебник) в этих условиях, историку нужно было найти верный баланс между конкретными фактами и умеренной социологизацией — причём, как мы только что убедились, социологизации должно было всё-таки быть заметно больше. Сергеев, потративший всю жизнь на создание учебников, перепробовавший разные варианты смешения двух основных ингредиентов, смог найти относительный баланс только в случае с греческой историей. Его учебник по Риму, последний и главный труд, так и не стал идеальным ни для одной из кратких эпох развития советского исторического образования.

Но бывают книги, которые написаны не для своего времени, они читаются по-настоящему только спустя десятилетия после их создания. Увы, и здесь учебнику Сергеева не повезло. Почему?

Вернёмся ещё раз к тому, что А. Д. Момильяно вспоминал о своих первых (студенческих) впечатлениях от книги Ростовцева: «Всё казалось экстраординарным в этой книге, да и было таковым.

Даже оформление было необычным. Мы привыкли к книгам по античной истории, где археологические свидетельства, если они вообще использовались, никогда не были представлены и объяснены читателю. Здесь же богатый подбор вставных иллюстраций выводил нас прямо к археологическому источнику, и пояснение под каждой действительно помогало нам понять, что мы можем узнать из, казалось бы, непримечательной находки. И примечания тоже были чем-то необычным. Нам было известно, что такое знание, но здесь было подавляющее знание предмета во всех его аспектах. И конечно, наиболее новаторским был сам текст»²⁰⁰.

Впечатляющая характеристика. И вот вопрос: даже если бы мы не знали о чужих пояснениях к иллюстрациям у В. С. Сергеева, могли бы мы хотя бы примерно то же самое сказать о его книге? Думается, нет. Учёность Сергеева почему-то не вызывает восхищения, она даже не вызывает доверия — вспомним, как не подкупила она С. М. Стама (пусть он и относился к Сергееву негативно, но всё-таки как учёный мог бы оценить проделанную работу), который и знать не знал о заимствованиях из Ростовцева. В конце концов, подавляющая часть книги Сергеева — оригинальный текст. Но он не пробуждает оригинальных мыслей.

Авторская точка зрения в книге отсутствует или остаётся невнятной не только по дискуссионным проблемам историографии, но и по сложным проблемам римской истории — таким, как восстание Катилины. Или, например, когда Сергеев освещает кризис III в., который, бесспорно, является кульминацией книги Ростовцева, он вообще ничего не заимствует у Ростовцева (при желании, можно найти отдельные элементы, но это нельзя считать убедительным доказательством) — ни базовых идей, ни структуры повествования. Но при этом Сергеев по сути дела дробит рассказ на отдельные разделы — политической, экономической, социальной истории — которые оказываются лишь формально взаимосвязаны,

²⁰⁰ *Момильяно А. Д.* Указ. соч. С. 436.

но не всегда убедительно выстроены даже как отдельные единицы. Так, хотя Сергеев и признаёт, что основной литературный источник по периоду — «Жизнеописания августов» (*Scriptores Historiae Augustae*) — крайне ненадёжен²⁰¹, тем не менее, он и до, и после этого своего признания обильно переводит из него целые куски — отрывки подложных писем, не существовавших постановлений сената и т. п. Тем самым, повествование Сергеева оказывается внутренне нецелостным, оставаясь на уровне расширенной сводки материала, не достигая глубины истинного исторического исследования.

Необъяснимый и притом легко различимый дух вторичности, заёмной учёности веет даже над лучшим произведением В. С. Сергеева. Это его расплата за принятые решения, и это — весомое свидетельство в пользу того, что личная ответственность учёного существует, и существует она в любые времена и при любых режимах.

Что же касается научной системы, в которой подмена такого масштаба осталась незамеченной, то она заслуживает как минимум того, чтобы быть названной своеобразной. Но нам важно увидеть, как эта система вела себя на втором, позднем этапе своего существования.

²⁰¹ Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. С. 632, прим. 1.

ОЧЕРК 5

ЭФФЕКТЫ ИСКАЖЕНИЯ

ОЧЕРК 1

Введение. Язык советской историографии

ОЧЕРК 2

Магия предисловий

ОЧЕРК 3

Техника рецензирования

ОЧЕРК 4

Спрятанная наука

ОЧЕРК 5

Эффекты искажения

ОЧЕРК 6

Пути историка

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раннее христианство, христианство первых веков, зародившееся и достигшее своих первых побед ещё в недрах поздней античности — особая тема для исследований во всех европейских научных традициях, связанных с ним слишком тесными узами, чтобы легко превратить его в объект «беспристрастного» исследовательского интереса²⁰². Но если для большинства европейских стран период «битвы за историю» христианской Церкви завершился к началу XX в., то отечественные исследователи вступили на «поле брани» гораздо позднее, в советский период, и вели борьбу совершенно особыми методами. Так, если в странах католических речь шла о монополии науки на истинное знание о прошлом Церкви, то в СССР результаты научного исследования были важны не только (и не столько) сами по себе, сколько должны были выступать в качестве эффективного оружия в борьбе за царство *рационального* рая на Земле²⁰³. Примечательно, что первоначально роль «разрушителей христианских легенд» досталась

²⁰² В данном очерке речь пойдет не о раннем христианстве в целом, но о первоначальном периоде его истории, обозначаемом в советской историографии, вслед за Ф. Энгельсом, термином «первоначальное христианство», а в историографии западной — «происхождение христианства».

²⁰³ Схожее положение дел наблюдалось во Франции в период ранней Третьей республики, правительство которой придерживалось курса на секуляризацию общественной жизни. Но в отличие от СССР, там борьба носила относительно мирный характер. См. об этом, напр.: *Histoire de la France religieuse / Sous la dir. de J. Le Goff et R. Rémond. P., 1991. T. 3: Du roi très chrétien à la laïcité républicaine (XVIIIe — XIXe siècle). P. 21; Kiyonobu D.-T. L'histoire religieuse au miroir de la morale laïque au XIXe siècle en France: Thèse de doctorat [Электронный ресурс] // URL: http://tel.archives-ouvertes.fr/docs/00/31/09/53/PDF/Kiyonobu_Date.pdf (дата обращения: 03.02.2013).*

пропагандистам, но они не смогли в должной мере с ней справиться, предлагая массовому читателю (и слушателю) лишь вульгарные рассказы о «поповском обмане», заимствованные из «боевой атеистической литературы XVIII в.». Поэтому, после десятилетия атеистической работы, неременным условием успеха в деле «преодоления религиозных пережитков» стало вмешательство в него советских историков. Они должны были решить ту же проблему: разрушить ортодоксальную догму и выбить из рук церковников важнейшее орудие их проповеди²⁰⁴, но использовать для достижения этой цели им предстояло материалистический анализ исторического процесса. К началу 1930-х гг. поставленная задача становилась тем более актуальной, что диктовалась и потребностями собственно научного развития. История раннего христианства ставила перед советскими историками особенные вопросы, касавшиеся его роли в процессе общественной эволюции: то ли оно победило рабство, то ли оно примирилось с ним, то ли было религией смирения, то ли религией покорности перед волей высших классов, — и от ответа на них зависела картина эволюции античного мира в целом.

Оставалось лишь одно «но». Без обращения к выводам предшественников в короткие сроки создать марксистскую версию происхождения христианства было решительно невозможно: западными исследователями был накоплен большой и полезный материал, отказаться от которого, как это получилось с выводами дореволюционных авторов²⁰⁵, было бы весьма опрометчиво и недальновидно, в силу хотя бы того, что и сами критические воззрения на религию

²⁰⁴ *Ленцман Я. А.* Происхождение христианства. М.: АН СССР, 1958. С. 4.

²⁰⁵ Красноречиво свидетельствует об этом Я. А. Ленцман, полагавший, что «вплоть до Октябрьской революции и даже до конца гражданской войны проблемы раннего христианства в России фактически научно не разрабатывались». См.: *Ленцман Я. А.* Изучение советскими учеными раннего христианства // Вопросы научного атеизма. М.: Наука, 1967. Вып. 4. С. 267–286.

пришли в Россию с Запада²⁰⁶. В то же время, нельзя было и безоговорочно признать выводы «лакеев поповщины» и «пособников буржуазии». Следовательно, от советских ученых требовалась тонкая и аккуратная работа с западной традицией, выводы которой должны были получить в советской историографии соответствующую «инструкцию по применению». Роль такой инструкции взяли на себя историографические обзоры, ставшие непременным атрибутом советских монографических исследований.

В рамках настоящего очерка, на примере анализа советских историографических обзоров западной традиции изучения первоначального христианства, мы постараемся рассмотреть вопрос о том, как советские авторы представляли сами для себя и для своих читателей эту огромную историческую традицию, почему выдвигали на первый план одни работы и забывали другие; наконец, коснёмся мы и вопроса о том, как этот отбор литературы повлиял на развитие самой советской историографии раннего христианства.

Начать наш рассказ, пожалуй, стоит с указания на «родовую черту» всех советских исследований западной традиции изучения первоначального христианства, а именно стремления их авторов смоделировать целостный образ эволюции зарубежной науки, не рассматривая детально судьбы и достижения её отдельных представителей²⁰⁷. Фактически, в советской историографии было создано несколько схем развития западной исследовательской мысли в отношении проблемы происхождения христианской религии.

²⁰⁶ Необходимость использования в научной работе в качестве «строительного материала» завоеваний буржуазных «приказчиков» не отрицал и сам В. И. Ленин. См.: *Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Ленин В. И. Полное собрание сочинений*. Т. 45. М., 1970. С. 28; Он же. *Материализм и эмпириокритицизм // Там же*. Т. 18. М., 1968. С. 363.

²⁰⁷ Сказанное, однако, отнюдь не означает, что подобных работ в советской историографии не было вовсе. Безусловно, появлялись отдельные статьи, посвященные тем или иным мыслителям, но их количество никогда не было значительным. См., напр.: *Петрова А. Г. Б. Бауэр — историк раннего христианства // Вопросы научно-го атеизма*. М.: Мысль, 1966. Вып. 2. С. 282–311.

В одной из них фиксировалось современное состояние исследований по данной теме, предполагавшее, что на Западе идет борьба между богословской, буржуазной мифологической и социологической школами (В. И. Недельский)²⁰⁸. В другой схеме был взят за основу политический фактор и выделены два периода эволюции «буржуазной» мысли: период формирования буржуазной историографии, продолжавшийся до середины XIX в., и период господства историографии периода империализма, завершившийся началом XX в. (А. Г. Петрова)²⁰⁹. Наконец, в третьей, вся западная история осмысления первохристианской проблематики представляла в виде линейного процесса, движущегося по пути критики догмы через некоторые «узловые точки»: рационалистическая критика Библии (XVII–XVIII вв.) — Тюбингенская школа и близкие к ней мыслители (XIX в.) — мифологическая и историческая школа, вступившие в «противоборство» на рубеже XIX–XX вв.²¹⁰. Наибольшее распространение в советской историографии получила именно последняя схема, ставшая для нее, несмотря на наличие в

²⁰⁸ Недельский В. К вопросу о характере возникновения христианства // Воинствующий атеизм. 1931. № 2–3. С. 159–188.

²⁰⁹ Петрова А. Г. Борьба марксистской историографии против буржуазной по основным проблемам первоначального христианства: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1954.

²¹⁰ Урсынович С. Л. Происхождение христианства. М., 1930. С. 59–62; Румянцев Н. Предисловие // Дреус А. Отрицание историчности Иисуса Христа в прошлом и настоящем / Под ред. Н. Румянцева. М., 1930. С. 3–8; Ленцман Я. А. Происхождение христианства. М., 1958; Ковалёв С. И. Античное христианство // Ковалёв С. И. Основные вопросы происхождения христианства. М.; Л., 1964; Кубланов М. М. Новый завет: поиски и находки. М., 1968; Его же. Возникновение христианства. Эпоха. Идеи. Искания. М., 1974; Лившиц Г. М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970.

²¹⁰ Ленцман Я. А. Происхождение христианства; Ковалёв С. И. Античное христианство // Ковалёв С. И. Основные вопросы происхождения христианства; Кубланов М. М. Новый завет: поиски и находки; Его же. Возникновение христианства. Эпоха. Идеи. Искания. М.: Мысль, 1974; Лившиц Г. М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск: Вышэйшая школа, 1970.

работах историков некоторых различий в трактовках тех или иных сюжетов, фактически базовой. Присмотримся к ней более внимательно.

Начало критической работы над первохристианской историей, по словам советских ученых, уходит своими корнями еще в период античности, когда такие авторы, как Цельс и Порфирий выразили сомнение в правдивости библейских историй. Однако подлинный взлет библейской критики оказался возможен только в XVII–XVIII вв., когда за дело взялись представители так называемой «рационалистической критики» (Дж. Локк, Г. С. Реймарус, Г. Болинброк, Д. Дидро, Вольтер и другие философы эпохи Просвещения)²¹¹. Особое место среди них заняли К. Ф. Вольней и Ш. Ф. Дюпюи, опубликовавшие накануне и в первый период Французской революции весьма оригинальные сочинения, в которых ими был поставлен под сомнение сам факт исторического существования Иисуса Христа. Эти работы положили начало целому течению в западной историографии — так называемой «мифологической школе», чьи сторонники различными путями доказывали мифический характер основателя христианства. В начале XIX в., под влиянием общего прогресса, достигнутого в методике научного анализа исторических источников²¹², на смену рационалистической критике пришла критика историческая, представленная преимущественно именами сторонников Тюбингенской школы: Ф. Х. Баура, Д. Ф. Штрауса и Б. Бауэра. Испытав на себе влияние философии Г. Гегеля, названные авторы попытались представить исторические реконструкции первых шагов христианской религии, которые бы

²¹¹ Г. М. Лившиц добавляет к данному перечню значительное число мало известных в советской науке имен из истории библейской критики: Ф. Скорина, С. Будный (1530–1593), Ф. Косой, К. Лыщинский (1634–1689) для критики Нового Завета; Р. Симон, И. де ла Пейрер, Л. Каппель (Л. Капелла), Ж. ле Клерк, Ж. Астрик и некоторые другие имена для критики Ветхого Завета. См.: *Лившиц Г. М. Очерки историографии...* С. 21–24, 112–116.

²¹² *Ленцман Я. А. Происхождение христианства...* С. 5.

могли заменить концепцию «поповского обмана»²¹³. Успехи их на данном пути были различны. Ф. Х. Баур пошел «настолько далеко, насколько это возможно для *теологической школы*», показав борьбу течений в первоначальном христианстве и вскрыв многочисленные расхождения в канонических текстах²¹⁴; Д. Ф. Штраус, хотя и проделавший огромную работу по выяснению мифического характера евангельских сюжетов, «остановился на полдороге, допуская историчность Иисуса Христа»²¹⁵; зато Б. Бауэр сделал «больше их (официальных теологов — *О. М.*) ... в вопросе об историческом происхождении христианства»²¹⁶, показав корни христианства в античном мире и внося значительный вклад в разработку проблемы «двух враждебных тенденций в формирующемся христианстве»²¹⁷. Критическая работа Б. Бауэра над новозаветной литературой была продолжена в XIX в. голландской радикальной школой²¹⁸, но следующим общепризнанным шагом в разработке проблемы христианства стали выводы мифологической школы начала XX в., продолжившей труд К. Ф. Вольнея, Ш. Ф. Дюпюи и, по некоторым оценкам, Б. Бауэра. Именно в это время целая плеяда исследователей, таких как Д. Робертсон, П. Л. Кушу, А. Древис и др., испытав на себе влияние идей Д. Фрезера, обратилась к поискам корней мифа о Христе. С противоположной точкой зрения в это же время выступили сто-

²¹³ Влияние Г. Гегеля подробно анализировал М. М. Кубланов. См.: *Кубланов М. М. Возникновение христианства...* С. 146–161.

²¹⁴ Здесь и далее советскими историками даются оценки Ф. Энгельса. См., напр.: *Ковалёв С. И. Указ. соч. С. 96; Леницман Я. А. Происхождение христианства...* С. 6; *Лившиц Г. М. Очерки историографии...* С. 127.

²¹⁵ *Ковалёв С. И. Указ. соч. С. 97.*

²¹⁶ Симптоматично, что в представленных обзорах авторы задушевывают критические оценки Ф. Энгельса, утверждавшего, между тем, что Б. Бауэр в вопросах возникновения христианства «хватил через край». См.: *Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 22. С. 474.*

²¹⁷ *Кубланов М. М. Новый завет...* С. 181.

²¹⁸ *Ковалёв С. И. Указ. соч. С. 98.*

ронники так называемой исторической школы (А. Гарнак, У. Вреде, А. Луази, И. Клаузнер). Их не устраивали слишком легковесные выводы Э. Ренана, поэтому они стремились доказать историчность Христа, опираясь на детальный анализ новозаветных текстов. Однако все названные авторы смогли добиться успеха лишь в решении частных вопросов: решить отдельные источниковедческие проблемы (к примеру, синоптическую), сформулировать доказательства, подтверждающие или опровергающие историчность Иисуса, развенчать представления о первоначальном единстве христианской Церкви²¹⁹. Подлинной вершиной эволюции западной историографической мысли стал марксизм, сумевший объяснить все проблемы происхождения христианства, перед которыми пасовали буржуазные специалисты.

Таков «портрет» западной исследовательской традиции, написанный кистью советского мастера и прочно закрепившийся в советской историографии. Преследуя иные цели, мы вполне могли бы поставить здесь точку и на этом закончить свое повествование, возможно, дополнив его рядом второстепенных деталей или подробнее обратившись к внешнему антуражу («решениям партии и правительства»). Однако, как уже мог заметить читатель этой книги, реконструкции построенной советских историков только кажутся лежащими на поверхности. В данном случае открытым остаётся вопрос о том, какую информацию доносят до нас авторы представленного конструкта? Действительно ли они демонстрируют пути эволюции западной традиции или же создают образ, лишь частично фиксирующий или вовсе не имеющий ничего общего с реальным положением дел в исторической науке за пределами СССР? И понять это можно только ответив на вопрос о том, каким образом советские ученые работали с материалом историографических источников и каким образом транслировали полученные выводы.

²¹⁹ *Ленцман Я. А.* Происхождение христианства... С. 21–22.

В данной связи сразу обращает на себя внимание значительная фрагментарность историографических обзоров советских историков. Причем, эта фрагментарность заметна как на уровне хронологии, так и в отношении территориальных границ. Наиболее освещённым оказывался период с начала XIX в. до начала XX в. преимущественно в границах немецкой мысли, которая, без сомнений, была в то время лидером в области изучения раннего христианства. В отношении исследовательского пространства XX в., особенно его второй половины, советские авторы демонстрируют гораздо меньшую осведомленность, предлагая своим читателям сведения о некоторых отдельных авторах (Р. Бультман, А. Робертсон, А. Донини²²⁰) и констатируя дальнейшее противостояние «историков» и «мифологов». Несколько расширяет набор имен и концепций применительно к одному сюжету — изучению историчности Иисуса — И. А. Кривелев. В своей монографии «Христос: миф или действительность?» (1987) он стремится провести своего рода «инвентаризацию» материала, накопленного мыслителями последних столетий относительно характера личности Иисуса Христа, обращаясь в том числе и к выводам своих современников: Д. Кармайкла²²¹, Р. Бультмана, Л. Бека, Г. Кюнга и некоторых других светских и религиозных мыслителей второй половины XX в.²²². Однако обращение к их

²²⁰ Причины выбора именно этих исследователей, думается, очевидны: А. Робертсон и А. Донини принадлежат к марксистскому крылу исторической науки, а Р. Бультман поставил под сомнение возможность написания биографии Иисуса Христа.

²²¹ Перевод одной из его книг на русский стал доступен очень поздно. См.: *Кармайкл Дж.* Разгадка происхождения христианства. Светская версия. М., 2002.

²²² *Кривелев И. А.* Иисус Христос: миф или действительность? М., 1987. Стоит обратить внимание на одну любопытную деталь: уже в самом названии советский религиовед делает заявку на решение интересующего его вопроса о характере личности основателя христианства. Ведь традиционно, говоря о еврейском пророке, используется имя собственное — Иисус, а при характеристике его «сверхчеловеческого» статуса — мессианский титул «Христос».

выводам требуется И. А. Кривелеву для того, чтобы подтвердить вывод советских марксистов о мифичности Иисуса.

Столь же отрывочны сведения о представителях целого ряда национальных историографических традиций. К примеру, среди представителей французской науки о первохристианстве удостоиваются специальных очерков Э. Ренан и А. Луази — думается, не в последнюю очередь из-за их сложных взаимоотношений с католической Церковью (оба лишились сана, не видя для себя возможности совместить веру и научные изыскания), вскользь упоминаются Ж. Ревиль²²³ и М. Гогель, и, наконец, подробно рассматриваются отдельные монографии мифологов (П.-Л. Кушу, Э. Мутье-Руссе, Э. Дюжарден и др.).

Даже если оставить без внимания диспропорцию в освещении, с одной стороны, солидных и оказавших глубокое воздействие на западную исследовательскую мысль работ Э. Ренана и А. Луази, а с другой, монографий представителей «мифологической школы», спровоцировавших лишь временную полемику среди исследователей в 1910–1930-х гг., нельзя не отметить, что целый ряд значимых мыслителей оказался вне границ советского исследовательского пространства. Так, мы ничего не узнаем о представителях «страсбургской школы» и французской протестантской мысли в целом, без которых, однако, мы не сможем понять пути эволюции французской историографии первохристианства²²⁴. Правда, частично

²²³ Упоминание имени Ж. Ревилья, а не его отца А. Ревилья вызывает серьезные сомнения в качестве знакомства с научной литературой. Даже если предположить, что такой выбор обусловлен спецификой изучаемого предмета — историей изучения текстов Нового Завета — абстрагироваться от работ А. Ревилья, оказавшего значительное воздействие на французскую мысль и внесшего огромный вклад в институционализацию религиоведческих исследований во Франции, не представляется возможным.

²²⁴ См. об этом: *Метель О. В.* Формирование научного подхода к истории первоначального христианства во французской интеллектуальной традиции // *Метаморфозы истории.* Научный альманах. Псков: Псковский государственный университет, 2013. Вып. 4. С. 30–58.

«спасти положение» мы всё-таки сможем, но если только заранее будем знать, что «немецкий библеист, работавший в области ветхозаветной критики», Э. Рейсс — это и французский библеист, работавший в Страсбургском университете, и осуществивший не только значительную работу в области изучения Нового завета, но и выполнивший перевод Библии на французский язык²²⁵. А вот о ком, мы точно не сможем ничего узнать от советских авторов, так это о первом подлинно светском (!) французском исследователе проблемы происхождения христианства Ш. Гиньебере (1867–1939)²²⁶, а также о плеяде французских историков второй половины XX в. (к примеру, о М. Симоне).

Рассказ о немецкой традиции XIX в. также лишён значительного числа имён исследователей, в частности, тех, кто не был напрямую связан с Новотюбингенской школой²²⁷. К примеру, не упоминается в советских обзорах «апологет индивидуализирующего метода в истории раннего христианства» О. Неандер, нередко называемый отцом современного исторического исследования в области церковной истории²²⁸. Имена американских исследователей не встречаются в советских обзорах вовсе.

Можно, конечно, предположить, что советские авторы сознательно исключили из обзоров всё, что не имело отношения к критическому подходу. Правда, тогда придётся допустить, что, во-

²²⁵ См. об этом: *Gerold T. La faculté de théologie et le séminaire protestant de Strasbourg (1803–1872). Une page de l'Histoire de l'Alsace. P., 1923. С. 144–171.*

²²⁶ Справедливости ради надо сказать, что его имя единственный раз фигурирует в цитате из работы А. Робертсона, а ещё встречается в переводных трудах. См.: *Ленцман Я. А. Происхождение христианства... С. 14.*

²²⁷ Достаточно сравнить работы советских историков с «классическими» сочинениями А. Швейцера и О. Пфлейдерепа. См.: *Schweitzer A. The Quest of the Historical Jesus: A Critical Study of Its Progress from Reimarus to Wrede. London, 1910; Pfeleiderer O. The Development of Theology in Germany since Kant, and its Progress in Great Britain since 1825. L., 1890.*

²²⁸ *Лебедев А. П. Церковная историография в ее главных представителях с IV-го века XX-го. 2-е изд. СПб., 1903. С. 339.*

первых, история раннего христианства — сюжет крайне неизученный, если не сказать маргинальный, для мировой исследовательской мысли, раз уж его анализом на протяжении трех столетий занималось не более двух-трёх десятков специалистов; во-вторых, что после Второй мировой войны на Западе все результаты критической работы предшествующих поколений канули в Лету, а им на смену пришла апологетика. Однако оба предположения выглядят совсем уж фантастически даже для человека абсолютно незнакомого с исследуемым предметом.

Между тем, отмеченная фрагментарность приобретает особый характер в связи с ещё одной немаловажной особенностью советской историографии — слабым знакомством с исследовательской литературой на иностранных языках. Симптоматично, что для характеристики взглядов буржуазных исследователей советские историографы использовали одну–две работы, которые далеко не всегда в полной мере отражали целостную концепцию автора. К примеру, из всех созданных трудолюбивым А. Луази монографий и статей Г. М. Лившицем использовались всего две, а М. М. Кубланов, хотя и перечислил практически все знаковые работы французского автора, фактически не использовал ни одной²²⁹. То же можно сказать и об Э. Ренане, из многочисленных работ которого, в том числе, переведенных на русский язык и опубликованных в двенадцатитомном собрании сочинений²³⁰, за редким исключением, использовалась в основном семитомная «История происхождения христианства» (главным образом, скандально известная «Жизнь Иисуса»)²³¹. В то же время, советские ученые демонстрировали относительно слабое знакомство с собственно историографическими трудами по

²²⁹ *Лившиц Г. М.* Очерки историографии... С. 181, 370; *Кубланов М. М.* Новый завет... С. 214.

²³⁰ Собрание сочинений Э. Ренана: в 12 т. / под ред. В. Н. Михайлова. Киев, 1902–1904. Т. I–XII.

²³¹ *Ковалёв С. И.* Античное христианство... С. 100; *Лившиц Г. М.* Очерки историографии... С. 173–174, 369; *Кубланов М. М.* Новый завет... С. 186–193.

указанной проблеме. Тот же Г. М. Лившиц привёл в своем списке литературы и неоднократно ссылаясь (преимущественно в разделах, посвященных рационалистической библейской критике) лишь одну на работу немецкого исследователя Г. Крауса²³².

Делая подобные замечания, мы, безусловно, понимаем, что в СССР историки оказывались заложниками политики «железного занавеса», резко ограничивавшей возможность знакомства с новейшей иностранной литературой (в том числе и через практику создания «спецхранов» в библиотеках)²³³. Однако подобную ограниченность не стоит абсолютизировать. Если мы обратимся, например, к трудам, авторы которых преследовали цель донести до советского читателя информацию об открытиях папирусов в районе Мертвого моря (рукописи Кумрана), то увидим совершенно иную картину. Особенно показательно в данном отношении сравнение двух монографий Г. М. Лившица: «Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря» (1967)²³⁴ и уже упоминавшихся «Очерков историографии библии и раннего христианства» (1970). Логичным выглядит предположение, что специализированное справочное издание, автор которого «стремится познакомить читателей с основными результатами научного исследования ветхозаветных и новозаветных произведений» (пусть и не в полном объеме, что специально оговаривается во введении), должно включать наибольшее число ссылок на исследовательскую, в том числе иностранную, литературу²³⁵. Однако даже беглый анализ библиографи-

²³² Лившиц Г. М. Очерки историографии... С. 350–352.

²³³ См. об этом, напр.: Лютова К. В. Спецхран Библиотеки Академии наук: Из истории секретных фондов. СПб., 1999.

²³⁴ Лившиц Г. М. Происхождение христианства в свете рукописей Мертвого моря. Минск, 1967.

²³⁵ В данном случае автор вообще попытался отвести от себя всякую критику, подчёркивая, что не ставил «перед собой каких-либо специальных исследовательских целей», не считал возможным «дать полный и всесторонний анализ литературы, посвящённой изучению библейских книг», да и, наконец, анализировал

ческих списков двух трудов Г. М. Лившица убеждает нас в обратном: «Происхождение христианства...» насчитывает пятьсот восемьдесят одну работу на языке оригинала и около двадцати переводных сочинений²³⁶, а «Очерки историографии...» — двадцать четыре работы на иностранных языках (две из них — на французском, остальные — на немецком, причем, семь из них принадлежат Б. Бауэру) и сто тридцать пять переводных трудов (из которых половина принадлежит «мифологистам»). Следовательно, «фактор незнания» как основная причина фрагментарного изложения исследовательской традиции должен быть как минимум поставлен под сомнение.

Косвенным подтверждением правоты сделанного вывода становятся сочинения, созданные в СССР, но, в силу особенностей конъюнктурного воздействия на науку, опубликованные уже в современной России. В частности, речь идет о «Библиологическом словаре» о. А. Меня. Работа над изданием, задумывавшемся «не только как средство прояснить «кто есть кто» и «что есть что» (в библейской критике — *О. М.*), но также как методическое инструментальное пособие»²³⁷, велась как раз в 1970–1980-е гг. Между тем, материал, собранный о. А. Менем в 1790 статьях, не потерял своей актуальности и сегодня, представляя в руки современного отечественного исследователя первичную информацию о важней-

«преимущественно литературу на русском языке». См.: *Лившиц Г. М. Очерки историографии...* С. 5. Но тогда совершенно непонятно, каким образом осуществлялся отбор материала, и почему одни авторы оказались достойными попадания в «список избранных», а другие нет? Читателя же не оставляет ощущение, что декларируемые принципы приходят в противоречие с реализуемым замыслом: автор всё равно выстраивает единую линию эволюции западной традиции происхождения христианства.

²³⁶ Здесь упоминаются обобщающие работы по истории первоначального христианства, которых нет в монографии 1970 г., в том числе, вышедшие в 1960-е гг. как в Западной Европе, так и в Америке.

²³⁷ Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Вступительное слово // *Мень А. Библиологический словарь*: в 3 т. М., 2002. Т. 1. С. 6.

ших специалистах в области христианской истории. То же можно сказать и о работах С. В. Лёзова, посвященных немецкой традиции изучения новозаветных текстов²³⁸. И хотя автор не выходит далеко за те хронологические рамки, в которых работали указанные нами ранее исследователи, но он стремится представить целую палитру мнений. В частности, он говорит об интерпретациях Нового завета с точки зрения отношения к мифу (Р. Бультман, П. Тиллих), рассматривает взгляды на эсхатологическую составляющую библейских текстов, говорит, наконец, о различных подходах к личности Христа, которые не укладываются в простую оппозицию «миф или действительность». Можно, конечно, привести контраргументы, ссылаясь на то, что о. А. Мень и С. В. Лёзов получали информацию о состоянии дел в западной науке благодаря не столько научным, сколько «религиозным» связям, о чем неоднократно упоминал, к примеру, С. В. Лёзов. Но вопрос можно ведь поставить и по-другому: если в 1980-е гг. оказывались возможны сношения через посредничество религиозных организаций, то что же тогда могло помешать научному обмену?

Оставим пока эту реплику без ответа и обратим внимание на другой аспект. Если выйти за пределы собственно историографических обзоров и попытаться проанализировать справочно-библиографический аппарат ключевых советских монографий по истории раннего христианства, то мы получим еще более любопытную картину. В частности, мы вынуждены будем признать, что внимание советских авторов к разработкам иностранных ученых ослабевает *именно* в 1960–1980-е гг., когда, во-первых, резко сокращается число ссылок на работы западных коллег и, во-вторых, они начинают изменять свое функциональное назначение, появляясь преимущественно в историографических и источниковедческих

²³⁸ Лёзов С. В. История и герменевтика в изучении Нового Завета. М., 1996; Его же. Канонические евангелия (введение) // Канонические Евангелия / Пер. с греч. В. Н. Кузнецовой, под ред. С. В. Лёзова и С. В. Тищенко. М., 1992. С. 5–78.

разделах монографий, тогда как ранее (к примеру, в работах А. Б. Рановича) они использовались и для подтверждения того или иного концептуального положения (Приложение 4). Сказанное, конечно, не должно трактоваться так, что советские авторы вовсе не интересовались тем, что происходит на Западе, но что этот интерес не был пристальным и, главное, необходимым или обязательным — бесспорно²³⁹.

Но если работа с историографическим материалом носит столь специфический характер, то как мы должны оценивать созданный советскими исследователями конструкт? И в первую очередь, под подозрение подпадает базовая схема развития западной исследовательской традиции, эволюционирующей через отдельные «школы» к марксизму. Даже если «списать» на «соответствие духу времени» позиционирование марксизма в качестве и вершины идейной эволюции западной традиции и её «точки бифуркации», предопределившей успех советских и, напротив, кризис «буржуазных историков», открытым остаётся вопрос о реальном наполнении представленных историографических конструкций. И здесь перед нами возникают две группы проблем.

Первая группа сложностей связана с содержанием тех терминов, которые являются специфически советскими, а в работах зарубежных специалистов практически не используются. К таковым, в частности, относится бинарная оппозиция «историческая школа — мифологическая школа», ставшая, как мы помним, для советских историков базовой при характеристике западной историографии периода второй половины XIX – первой половины XX вв. Под по-

²³⁹ В качестве объяснительной гипотезы можно предложить следующую: в 1930-е гг. советские марксисты нуждались в «строительном материале» для своей концепции первохристианской истории и не пренебрегали выводами западных коллег, но в 1960–1980-е гг., когда целостная концепция была создана, идеи западных коллег, если они не касались вновь открытых источников, оказывались фактически избыточными.

дозрение она подпадает по двум причинам²⁴⁰. Во-первых, в состав «исторической школы» включены исследователи, придерживающиеся слишком разных методологических позиций. Э. Ренана, А. Гарнака, Ю. Вельгаузена, Ф. Шпитта, В. Вреде, П. В. Шмиделя, Ф. К. Конибера, И. Эйслера, Э. Мейера, А. Луази, И. Клаузнера, М. Гогеля и А. Робертсона тяжело поместить в границы одной школы, не боясь потерять при этом значительную часть идейного наследия каждого из них. Но именно это в советской науке и происходит. Воспользуемся только одним примером. К «исторической школе» в советском нарративе одновременно отнесены и немецкий либеральный протестантский теолог А. Гарнак, и французский католический теолог, обвиненный в модернистской ереси и отлученный от Церкви А. Луази — и только в соответствии с одним признаком признания историчности Иисуса. Тот прекрасно известный советским исследователям факт²⁴¹, что они полемизировали друг с другом по целому ряду существенных вопросов, во внимание почему-то не принимался. Как не принималась во внимание и эволюция взглядов мыслителей, того же А. Луази, испытавшего на себе

²⁴⁰ Здесь мы оставим без внимания вопрос методологического характера, связанный с правомерностью использования для характеристики взглядов исследователей, разделенных в пространстве и времени, но объединенных отдельными общими идеями, термина «школа». Современные отечественные исследователи (Г. П. Мягков, А. В. Свешников), занимающиеся схолярными исследованиями, полагают, что термин «школа» должен применяться лишь для характеристики таких исследовательских коллективов, которые тесно связаны между собой практикой личного общения. Однако в данном случае, думается, речь идет о некоторых «языковых штампах», ставших привычными и потому сохраняющихся в исследованиях.

²⁴¹ Об этом говорит, в частности, М. М. Кубланов, который, как мы помним, пытался отойти от жесткой заданной схемы, хотя и не смог её полностью преодолеть. Он указывал, что если для Гарнака христианство — целостный и изначальный феномен, «комплекс непреходящих этико-религиозных истин», то для А. Луази «христианские истины — не результат откровения и не сосредоточены в синоптических евангелиях», т. е. «последние полны противоречий, наслоений и сами являются продуктом эволюционировавшего религиозного движения». См.: *Кубланов М. М. Новый завет... С. 211–212.*

после отлучения от Церкви в 1908 г. значительное влияние выводов «мифологистов»²⁴². В свете сказанного мы предлагаем читателю взглянуть на «историческую школу» с совершенно другого ракурса, рассматривая её не как аморфное течение западной историографии, но как советский конструкт, возникший в пространстве советской мысли в качестве маркера для фиксации выводов, оппозиционных идеям «мифологистов».

Во-вторых, сомнения в эвристическом потенциале предложенной советскими авторами конструкции возникают в связи с тем, что она не учитывает особенности «мифологической школы», которая не может быть безоговорочно признана сугубо научным течением. Её сторонники — непрофессиональные историки, взявшиеся за перо в начале XX в. потому, что историки-профессионалы оказались бессильны разрешить «загадку Иисуса»²⁴³, а компаративизм, казалось, был готов предложить ответы на все «острые» вопросы. Выдвигаемые ими идеи действительно вызвали значительный резонанс в научных и даже общественных кругах в первой трети прошлого столетия, но в дальнейшем накал полемики существенно снизился, а к середине века и вовсе сошёл на нет²⁴⁴. Говоря о «мифологической школе», нельзя не отметить, что, будучи одним из

²⁴² См. об этом, напр.: *Jones A. H. Independence and Exegesis. The Study of Early Christianity in the Work of Alfred Loisy (1857–1940), Charles Guignebert (1857–1939) and Maurice Goguel (1880–1955). Tübingen, 1983. P. 126.*

²⁴³ См., напр.: *Schweitzer A. Op. cit. и др.*

²⁴⁴ См. полемику с представителями «мифологической школы»: *Goguel M. The Problem of Jesus // Harvard Theological Review. 1930. Vol. 23. № 2. April; Idem. Jesus the Nazarene. Myth or History? N.Y., 1926.* Любопытно, что «искус компаративизма» в 1900–1910-е гг. заявил о себе и в России, в частности, ему поддался Р. Ю. Виппер, полагавший, что открытия на Востоке заставляют нас существенно пересмотреть все наши исторические схемы, с учётом того, что все наши достижения — родом из Вавилона. «В старинной вавилонской религии, — утверждал историк, — вы найдете все представления, составляющие основу иудейской и христианской психологии искупления». См.: *Bunper P. Ю. С востока свет: публичная лекция, прочитанная в Москве 2 ноября 1906 г. М., 1907. С. 13.*

наиболее освещаемых явлений в советской исследовательской литературе о раннем христианстве, она все-таки была представлена именами отнюдь не всех своих сторонников. В частности, при перечислении имен французских «мифологистов» упоминаются П. Л. Кушу, врач и близкий друг А. Франса, в 1920-е гг. руководивший сериями «Христианство» и «Иудаизм» в издательстве «Ридер», Э. Дюжарден, писатель и драматург, представивший серию эссе по истории христианства, но совершенно теряется из виду П. Альфарик, бывший священник, ставший историком религии и много лет занимавший профильную кафедру в Страсбургском университете.

Вторая группа проблем, связанных с изучением западной историографии первоначального христианства в СССР, напротив, возникает в отношении практики использования и «наполнения содержанием» тех терминов, которые широко применялись на Западе для фиксации отдельных историографических течений. К числу таковых, в частности, надо отнести так называемую Тюбингенскую школу, под которой принято понимать группу немецких протестантских теологов, стремившихся реконструировать картину возникновения христианства, используя методы исторической науки. Не касаясь сейчас вопроса оценок достижений представителей названной школы, хотя он сам по себе весьма интересен²⁴⁵, присмотримся к содержательной стороне советской схемы. Как мы помним, в советской науке в центре Тюбингенской школы стояла фигура Ф. Х. Баура, к которой примыкали Д. Ф. Штраус и Б. Бауэр (если он

²⁴⁵ В частности, мы должны отметить полярность оценок выводов тюбингенцев со стороны советских марксистов, которым, как мы помним, сделанного немцами было мало, и дореволюционных исследователей, близких к Православной Церкви, которым, напротив, полученных результатов казалось «много». Ф. Виноградов, к примеру, приводил любопытную оценку творчества мыслителей, близких Ф. Х. Бауру: «Безмерная смелость этого изобретения равняется только безмерному произволу, на котором одном здесь всё и строится». См.: *Виноградов Ф. Новотюбингенская школа* // Труды Киевской Духовной Академии. 1863. Т. III. С. 128.

не попадал по воле исследователя в число представителей «мифологической школы»). Названные теологи смогли частично развенчать христианские легенды и предложить схему развития христианства в I в. н. э. как борьбу двух течений: иудео-христианства и языко-христианства. Сразу бросается в глаза терминологическая путаница: если фиксировать внимание читателя на достижениях Ф. Х. Баура, то надо говорить о Новой Тюбингенской школе, противоположной по своим выводам группе ортодоксальных протестантов начала XIX в. во главе с Мёлером, квалифицируемой в качестве Старой Тюбингенской школы. Одновременно кажется как минимум спорным предложенный советскими авторами «кадровый состав» рассматриваемой школы, насчитывающей два–три исследователя, которые различаются методами работы и, как следствие, полученными выводами. Конечно, и Д. Ф. Штраус, и Б. Бауэр — фигуры яркие, значимые и *хрестоматийные*²⁴⁶. Но Новотюбингенская школа была известна не только этими теологами. В её состав входили и гораздо менее «популярные» авторы (Э. Целлер, А. Швеглер, К. Планк и другие²⁴⁷), выводы которых, хотя и были впоследствии связаны преимущественно с историей философии, достойны хотя бы упоминания.

В свете обозначенных проблем, напрашивается вполне закономерный вывод о том, что созданный советскими исследователями образ западной традиции изучения первоначального христианства отличается целым рядом заметных искажений, вызванных, главным образом, фрагментацией традиции и, как следствие, её упрощением²⁴⁸. Во второй половине XX в. советские авторы демонстрируют

²⁴⁶ Schweitzer A. Op. cit. P. 68–136.

²⁴⁷ Так, английский исследователь, автор специализированного труда, посвященного Новотюбингенской школе, фиксирует имена ещё как минимум семи сторонников Ф. Х. Баура. См.: Harris H. The Tübingen School. Oxford, 1975.

²⁴⁸ Опираясь на свои субъективные впечатления от знакомства с историографическими фрагментами советских сочинений, автор настоящего очерка склоняется к мысли, что с ними хорошо работать уже *после* самостоятельного анализа западной

гораздо большую осведомленность относительно достижений науки XIX в., нежели выводов своих современников. Идеи последних не то, чтобы совсем неизвестны советским специалистам, коль скоро работы «буржуазных» ученых присутствуют в справочно-библиографическом аппарате монографических изданий, однако их выводы слабо транслируются посредством историографических обзоров²⁴⁹. Вместе с тем, результаты работы учёных XIX – начала XX вв. также представлены в советской историографии отнюдь не исчерпывающим образом, оставляя вне поля зрения читателя целые блоки исследовательской традиции. Но и это еще не всё. «Родовой чертой» всех историографических обзоров стал их статический характер применительно к изложению выводов отдельных мыслителей, когда вместо последовательной эволюции воззрений на историю первых веков христианства мы получаем «застывшую констатацию», созданную на основе анализа отобранных работ.

Чем объясняются указанные особенности? Только лишь причинами «технического характера», связанными с недоступностью источников и традиционной сложностью обобщений недавних достижений зарубежных коллег в силу отсутствия необходимой временной дистанции²⁵⁰? Думается, причины подобных «деформаций»

традиции, когда отрывочные сведения о ней, разбросанные по различным работам и зачастую помещённые в весьма своеобразный контекст, способный изменить смысл, начинают складываться в более-менее целостную картину.

²⁴⁹ Мы уже говорили, что читатель анализируемых нами монографий имеет шанс познакомиться с кратким изложением работ А. Робертсона и Р. Бульмана. Причём, творчество последнего будет связано с периодом после Второй мировой войны, тогда как в действительности первые значимые работы Р. Бульмана, поставившие под сомнение традицию «либеральных поисков исторического Иисуса» появились двумя десятилетиями раньше.

²⁵⁰ Конечно, стоит принять в расчёт и то обстоятельство, что применительно к западной традиции изучения первоначального христианства XIX – начала XX вв. у советских авторов были и своего рода «подсказки» — работы дореволюционных учёных и переводные издания западных специалистов. В частности, историографический обзор С. И. Ковалёва оказывается очень близким по содержанию к монографии А. Дрекса «Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем»,

стоит связывать преимущественно с конъюнктурными элементами. Не будем забывать, что советские марксистские нуждались в постоянном подтверждении превосходства своих выводов над результатами работы «буржуазных» исследователей, а историографические обзоры не могли не стать основным инструментом решения подобной задачи. Раз «буржуазные» историки находятся на протяжении длительного времени в состоянии кризиса, значит, они априори не могут добиться больших результатов, чем их советские коллеги, следовательно им могут «достаться» успехи в решении частных проблем преимущественно источниковедческого характера, тогда как заслуга концептуального осмысления источникового материала и создания целостной картины возникновения христианства целиком принадлежит марксистам. Однако, чтобы добиться такого эффекта, необходимо было правильно расставить акценты, не столько фиксируя реальное положение дел в западной науке, сколько моделируя желаемый её образ. Кстати говоря, если в 1930-е гг. — начале 1950-х гг. эта задача формулировалась государством и на него же возлагался контроль за её исполнением, то в условиях позднесоветского общества вступали в силу механизмы внутринаучной цензуры и самоцензуры, препятствующие проникновению в научный дискурс новых элементов.

К чему привели подобные процедуры, догадаться несложно. Формируя собственную идентичность, отталкиваясь от уже «мёртвой» и, как следствие, устаревшей или постепенно устаревающей традиции, советские учёные искусственно консервировали свой собственный подход, увеличивая реальную временную дистанцию, отделяющую их от выводов действительно современной им «буржуазной» науки.

переведённой на русский язык в 1930 г. и снабжённой предисловием Н. Румянцева, в котором советский историк повторил выводы своего немецкого коллеги. Ср.: Ковалёв С. И. Античное христианство... С. 89–123; Дреес А. Отрицание историчности Иисуса Христа в прошлом и настоящем / Под ред. Н. Румянцева. М., 1930.

Наглядным подтверждением справедливости сделанного нами вывода служит работа И. С. Свенцицкой «Раннее христианство: страницы истории» (1987), приобретающая для советской историографии раннего христианства итоговый характер²⁵¹. Общая концепция московской исследовательницы распадается на несколько основных «единиц»: социально-экономический и духовный кризис как предпосылка формирования христианства; проповедническая деятельность Иисуса (по новозаветным источникам); развитие христианских общин в I в., т. е. до образования епископальной Церкви (формирование унифицированной организационной структуры и вероучения); эволюция епископальной Церкви во II–V вв. и ее положение в Римской империи. Учитывая, что в сферу нашего внимания попадает именно первоначальное христианство, то нас будут интересовать первые три элемента указанной концепции. Даже в столь кратком изложении они представляются нам вполне традиционными и известными в «буржуазной» науке²⁵². Так, вопрос о предпосылках христианства в античном мире является активно обсуждаемым в мировой науке с начала XIX в. и общепризнано влияние на зарождающуюся религию как иудейских, так и греко-римских (эллинистических) элементов²⁵³. В качестве «новшества» здесь предстает реконструкция духовного кризиса рабовладельческого общества, порождённого социально-экономическими причинами, но эта новация советских историков всегда выглядела натянутой из-за тенденциозной трактовки фактов. Анализ новозаветной истории, проведенный И. С. Свенцицкой, также представляется вполне традиционным. Ставший итогом яростных споров об историчности Иисуса, развернувшихся в советской историографии в 1950–

²⁵¹ *Свенцицкая И. С. От общины к Церкви // Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. С. 9–182.*

²⁵² К этому выводу можно прийти даже оставаясь в рамках советских историографических обзоров западной историографии первоначального христианства.

²⁵³ Тот же А. Б. Ранович ссылался в данном вопросе на Ф. Кюмона.

1970-е гг., вывод московской исследовательницы обозначил некий «максимум» уступок, на который были готовы пойти советские марксисты в борьбе со своим первоначальным «мифологическим» наследием²⁵⁴. «В первой половине I в., — писала И. С. Свенцицкая, — странствующий проповедник из галилейского Назарета выступил с призывами к духовному очищению и раскаянию перед скорым наступлением божьего суда. Он обращался к самым широким слоям населения (этнически и социально). В отличие от ессеев, с которыми он имел много общего, он не стремился к созданию строгой организации. Его ученики почитали его как мессию, что, по-видимому, и явилось главным основанием для его осуждения как синедрионом, так и римлянами»²⁵⁵. Но не об этом ли писал столетием ранее столь критикуемый в советской науке «популяризатор» Э. Ренан?!

Особое звучание подобный вывод приобретает в сочетании с теми источниковедческими приёмами, при помощи которых он был достигнут. И. С. Свенцицкой были использованы вполне традиционные группы источников: канонические и апокрифические Евангелия, другие новозаветные и раннехристианские тексты, свидетельства антихристианской традиции. Практика их анализа представляется нам близкой к приёмам позитивистской критики источников, а результаты сходными с теми, что были сформулированы сторонниками так называемой «исторической школы» (в советской марксистской терминологии) в конце XIX – начале XX вв. Причем, подобный вывод напрашивается даже если исходить только из материала советских историографических обзоров. В частности, московская исследовательница отмечала, что написанию христианских сочинений предшествовала длительная устная традиция; наиболее ранними новозаветными текстами должны быть признаны пос-

²⁵⁴ См. об этом: *Метель О. В.* Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.). Омск, 2012.

²⁵⁵ *Свенцицкая И. С.* Указ. соч. С. 73.

лания Павла; решение синоптической проблемы связано с признанием наиболее ранним Евангелием текста Марка, а также существовали «запись поучений Иисуса и какой-то ещё источник, написанный возможно на арамейском языке»²⁵⁶; анализ нехристианских источников (фрагменты из сочинений Тацита, Иосифа Флавия, Плиния Младшего, Светония, данные Талмуда) убеждает в отрывочных и искажённых, но всё же свидетельствах историчности Иисуса Христа. Единственным указанием на факт знакомства с новейшими достижениями зарубежных коллег является использование выводов Ш. Пинеса, обнаружившего славянскую версию «Иудейских древностей» Иосифа Флавия и использовавшего ее для реконструкции первоначального текста еврейского историка²⁵⁷.

В заключение хотелось бы предостеречь читателя от превратных оценок. Цель данного очерка состояла не в том, чтобы показать «некомпетентность» наших советских предшественников. Эта задача, если её действительно формулировать, легко решается и не требует вмешательства профессионального исторического сообщества. Мы же преследовали совершенно иные цели, а именно стремились показать всю сложность доставшегося нам от советских ученых «исследовательского багажа», который, в отношении проблемы происхождения христианства, остаётся всё ещё актуальным, точно также как всё ещё недостаточно востребованы выводы зарубежных исследователей данной проблемы. Но наука интернациональна. И если мы хотим не на словах, а на деле стать частью мировой научной мысли, то нужно отказаться от заведомо проигрышных моделей поведения, связанных как с недооценкой наследия западных коллег, так и с его переоценкой. И взвешенные историографические работы станут главным инструментом для решения данной задачи.

²⁵⁶ Там же. С. 58.

²⁵⁷ Там же. С. 63–64.

ОЧЕРК 6

ПУТИ ИСТОРИКА

ОЧЕРК 1

Введение. Язык советской историографии

ОЧЕРК 2

Магия предисловий

ОЧЕРК 3

Техника рецензирования

ОЧЕРК 4

Спрятанная наука

ОЧЕРК 5

Эффекты искажения

ОЧЕРК 6

Пути историка

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когда историк, добившийся научного признания, на склоне лет оглядывается на своё прошлое, вольно или невольно оценивая собственную жизнь теми же методами, которыми он измерял жизнь своих персонажей, ему вполне может казаться, что его путь был прямым — подобно Невскому проспекту, как отмечал один из крупнейших советских и российских медиевистов второй половины прошлого века²⁵⁸. Историк, оценивающему собственное прошлое, понятно, как он нашёл свою «магистральную» тему, почему он отвлеклся от неё на другие сюжеты, и как через них приходил к лучшему видению основной проблемы. Он может признавать колебания и сомнения как часть сложного процесса познания истории человеком, но ему обычно представляется — кто же может знать человека лучше его самого! — что эти моменты неуверенности в себе и своём знании всегда приводили к более или менее благополучному исходу.

Таково свойство человеческой личности: мы стремимся мыслить целостно, а для этого прежде всего должны воспринимать как целостность себя самих. Поэтому часто на исходе дней люди, даже склонные к критическому самоосмыслению, приходят к выводу, что если и не всегда выбор, который им приходилось делать, был правильным, то уж во всяком случае он почти всегда был неизбежным. Нереализованные альтернативы утрачивают привлекательность, именно поэтому на вопрос «что бы вы изменили в своей

²⁵⁸ Гуревич А. Я. «Путь прямой, как Невский проспект», или Исповедь историка // Гуревич А. Я. История — нескончаемый спор. Медиевистика и скандинавистика: статьи разных лет. М., 2005. С. 456–494.

жизни, если бы могли вернуться назад» большинство совершенно искренне отвечает: «ничего».

И это как раз тот пункт, в котором историк исторической науки не может напрямую верить словам историка, творчество которого изучает. Тем более это касается советского периода, когда политическое руководство могло прямо влиять на форму и содержание научного дискурса. Но, как мы и стремились показать, в общем и целом это влияние было всегда важной, нередко определяющей, но никогда — единственной чертой исторической науки советского времени. Многое зависело от личного восприятия и выбора, потому-то в советский период из одних одарённых учёных не получилось ничего, кроме «локальных феноменов», другие оказались сломленными обстоятельствами, третьи — сформировались и расцвели как фигуры мирового масштаба.

В этом отношении для исследователя особенный интерес представляет научный путь (и отдельно — проблема альтернативности научного пути) Игоря Михайловича Дьяконова (1915²⁵⁹–1999) — ассириолога, лингвиста, одного из самых значимых востоковедов XX в.; сказанное остаётся правильным как для отечественной, так и для мировой исторической науки.

В контекст мировой историографии древности Дьяконов погружился ещё до того, как оказался в контексте советской историографии, собственно, ещё до того, как стал заниматься наукой. Выбор профессии произошёл в детстве, по наитию. Дьяконов был из особой категории советских детей — по роду деятельности отца (торговое представительство СССР в Норвегии), он не только прожил несколько лет в другой стране, но получил хорошую языковую подготовку и практику — как в норвежском, так и в английском. Это открывало иные возможности. Озарение пришло в 1926 г., в 11-летнем возрасте. Вот как об этом вспоминал сам историк:

²⁵⁹ И. М. Дьяконов родился по старому стилю 30 декабря 1914 г., по новому — 12 января 1915 г.

«Месяца за полтора до отъезда из Норвегии мы были с папой в книжном магазине Каммермейера на Карл-Юхане, около Университета. Роясь в книгах, я увидел здесь на полке великолепные тома «Кембриджской истории древнего мира». Вот то, что мне было нужно! Это было нечто посолиднее, чем давно изученный от корки до корки (которых, впрочем, уже не было — отлетели) истрепанный путеводитель Британского музея. Я стал просить, чтобы мне её купили, а стоила она не дёшево. Родители, конечно, решили, что это блажь. Однако я не отвязывался и, наконец, мне она была обещана — но под условием, что я в течение месяца отучу себя «косоплать» — забраться на ходу левой ногой. Условие показалось мне крайне обидным для моего самолюбия: вообще подарок под условием, да ещё таким, — в этом было что-то унижительное! Это было хуже, чем «полезные рождественские подарки» норвежцев. Я был обижен на родителей — я тогда глубоко осуждал людей, которые не уважают детского самолюбия. ... Но мне «Кембриджская история» была очень нужна, и я — пожалуй, впервые в жизни — поборол свою гордыню и в течение месяца приучил себя к «правильной» походке. Папа сдержал своё слово и действительно принёс мне три тома «Истории древнего мира» — те, которые были посвящены Древнему Востоку. Теперь это было главное сокровище моей библиотеки. Я его читал, изучал и постепенно стал знать чуть ли не наизусть. Я даже делал пометки, высказывая свои соображения по поводу того, что писали авторы»²⁶⁰.

Помимо того, что перед нами вполне очевидный рассказ об откровении о будущей профессии²⁶¹, он интересен ещё и тем, что это откровение приходит в одеждах зарубежной историографии.

²⁶⁰ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 75–76.

²⁶¹ Его очень интересно сравнить с рассказом о подобном же озарении, изложенном в воспоминаниях современника (и сокурсника) И. М. Дьяконова — Т. А. Шумовского (1913–2012). См.: *Шумовский Т. А. Свет с Востока*. СПб., 2006. С. 20–22.

Причём, Дьяконову удастся застать практически в самом начале этап обобщения достижений классического периода историографии Древнего Востока и, говоря шире, время появления первых академических коллективных трудов по всемирной истории. Лишь заметно позже, в 1929 г., перед самым отъездом из Норвегии, подросток Дьяконов прочтёт советский учебник по политэкономии Л. А. Леонтьева²⁶², после чего будет считать себя марксистом²⁶³.

Те тома «Кембриджской истории древнего мира», которые читал Дьяконов, были, судя по всему, уже вторым изданием после первых томов начала 20-х гг. — материал по древнему Ближнему Востоку быстро устаревал, потому что множилось находки, и поэтому цельность повествования в переработанном издании конца 20-х гг. была относительной, но в любом случае можно понять, что вдохновляло юного читателя в этом коллективном труде — обилие фактов, тщательное исследование, подробный рассказ о малоизвестных эпохах человеческой истории. Дьяконов действительно хорошо знал эту работу, и она осталась в его памяти даже спустя годы. Так, он помнил о ней тогда, когда студентом слушал лекции В. В. Струве (1933–1935 гг.): «Всё это было мне малоинтересно; несложную концепцию Струве я уже хорошо усвоил, а излагавшиеся им факты я знал даже гораздо лучше и подробнее, чем давал он, а именно из «Кэмбриджской [так в тексте — *С. К.*] истории древнего мира», давно заученной мною почти наизусть. ... Однако я слушал очень внимательно — и с огорчением замечал его неточности»²⁶⁴. Некоторые, правда, незначительные следы знакомства со старой книгой можно заметить и в стилистике созданной спустя

²⁶² Например, это вполне могло быть следующее, уже восьмое издание (тираж — 70 000 экз.): *Леонтьев Л. А.* Начальный курс политэкономии: Учебное пособие для совпартшкол, предметных кружков и самообразования. М. — Л., 1929.

²⁶³ *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. С. 170.

²⁶⁴ Там же. С. 314.

полвека стараниями Дьяконова другой коллективной обобщающей работы — «Истории древнего мира» (1983).

Но не случайно в воспоминаниях Дьяконов, рассказывая о своём научном взрослении, говорит и о второй его составляющей — теоретической. И в этом плане его путь не менее интересен: ведь Игорь Михайлович относится к первому поколению отечественных учёных, которые получили образование в рамках становящейся советской концепции исторического процесса — постепенно формирующейся «пятичленки» (схемы смены пяти общественно-экономических формаций). Собственно, Дьяконов буквально присутствовал при рождении неотъемлемой составной части этой теории — концепции рабовладельческого способа производства на Востоке. В июне 1933 г. в Ленинграде он посетил то самое заседание Государственной Академии Истории Материальной Культуры, на котором был сделан и подвергнут обсуждению доклад В. В. Струве «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока»²⁶⁵, ставший точкой отсчёта для нового видения древневосточной истории советскими учёными.

Важно при этом отметить, что Дьяконов как учёный строил своё мировоззрение в русле изначального критического отношения к обеим традициям; знай он хорошо только одну из них, такое вряд ли было возможно. В западной (преимущественно, в англо-американском варианте) традиции ему импонировало скрупулёзное исследование фактов, но советская интеллектуальная традиция (в основе своей — ещё русская интеллектуальная традиция поиска конечной истины) с её пафосом ответа на итоговые вопросы бытия, заставляла его задавать вопрос: а где же истинный смысл, скрытый за всеми этими многочисленными фактами? С другой стороны, бодрая и прямолинейная советская теория истории не могла не вы-

²⁶⁵ Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия ГАИМК. Вып. 77. Л., 1934. С. 32–111.

зывать недоверия и даже оторопи от того, как легко формулировались самые серьёзные обобщения, и поэтому такие «ответы» вызывали лишь ещё больше вопросов. И здесь знакомство с кембриджскими томами давало Дьяконову надёжную опору в его сомнениях: если другие студенты, слушая Струве, могли колебаться в отдельных положениях чисто абстрактно, то Дьяконов основывался на гораздо более надёжном источнике, который позволял ему видеть пределы знаний собственного учителя. Собственно, отношения со Струве и не строились по принципу «учитель-ученик», Дьяконов считал своим учителем ассириолога А. П. Рифтина²⁶⁶ (1900–1945), хотя в итоге по уровню претензий на место в науке он должен сопоставляться именно с В. В. Струве.

Это сочетание увлечённости двумя типами исторического видения и одновременно обоснованного критицизма по отношению к обоим, достаточно логично формирует те характеристики Дьяконова как историка, которые уже вполне гармонично проявились в его работах 50-х гг., в первую очередь в значимой монографии об общественном строе Древнего Шумера (1959): это стремление к построению внятной теории исторического процесса при понимании и возможно более полном учёте разнообразия фактов.

В указанной книге это наилучшим образом проявилось как в подробном рассмотрении реального значения основных титулов правителей («эн», «энси», «лугаль»), их функций и функций органов общинного самоуправления (народного собрания, совета старейшин), так и в превосходном завершающем рассуждении о сущ-

²⁶⁶ Наиболее известная его работа, посвящённая публикации и комментированию старовавилонских юридических документов, столь же качественная, сколь и исключительно позитивистская — прежде всего в том смысле, что в ней нет почти никаких «примет времени» (минимум марксистской терминологии, отсутствие широких обобщений и педалирования темы рабовладения). См.: *Рифтин А. П.* Старо-вавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.-Л., 1937.

ности государственного строя раннединастического Шумера²⁶⁷. Подчёркивая, что юридически перед нами «не деспотия и вообще не монархия, а республика»²⁶⁸, Дьяконов призывает смотреть на процесс исторически, отмечая последовательные перемены в утра- те шумерскими областями черт первобытнообщинного самоуправ- ления в пользу деспотической власти, и указывает на причину того, почему становление раннего государства в Месопотамии прошло иначе, чем в Древней Греции: фактор храмового хозяйства (ассо- циированный с необходимостью ирригации) определил другое те- чение истории.

Следует отметить, что сам порядок повествования, принцип подхода к постановке и решению проблемы уже выводят эту книгу Дьяконова в классику мировой шумерологии²⁶⁹. Для того, чтобы ощутить контраст с «чисто» советскими работами, достаточно об- ратиться к также по своему классической (но исключительно во внутрисоветском смысле) статье (1970) В. И. Авдиева, посвящён- ной также вопросам формирования ранних государств. В ней Авди-

²⁶⁷ Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 120–150.

²⁶⁸ Там же. С. 145.

²⁶⁹ Эта книга доходила до зарубежного читателя с некоторым трудом — в отрыв- ках и пересказах. Например, рецензия М. Ламбера (1914–1979) написана четыре года спустя после выхода книги и, кажется, исключительно на основании резюме на английском, которое помещено в книге. См.: Lambert M. Rev.: I. M. Diakonoff: Organisation de la Société et de l'Etat dans l'ancienne Mésopotamie. Sumer (en russe avec résumé en anglais), Moscow, 1959, 299 pages et une carte in-8° // Revue d'Assiriologie et d'archéologie orientale. Vol. 57. № 2 (1963). P. 100–102. Впрочем, запоздание с рецензированием было вполне типичным — даже если автор рецен- зии читал на русском, например: Foster B. R. Rev.: Masson V. M., Ekonomika i social'nyj stroj drevnih obščestv v svete dannyh arheologii, Leningrad, Akademiya Nauk SSSR, Ordena Trudovogo Krasnogo Znameni Institut Arheologii, 1976 // Bibliotheca Orientalis. Vol. 46 (1979). P. 229–230. Что касается самого Б. Р. Фостера (род. 1945), то он в этом плане — заметное исключение среди «западных» востоковедов: Дья- конов написал ему однажды, что тот, вероятно, единственный учёный за рубежом, кто прочитал всего его работы (автор благодарит Б. Р. Фостера за данную ин- формацию).

ев, учебник под редакцией которого, кстати говоря, был основным вузовским учебником в те годы, идёт по распространённой тогда (а иной раз и сейчас) схеме: критика «буржуазной» историографии сменяется некоторым количеством тенденциозно подобранных фактов, иллюстрирующих правоту заявленной в развязке марксистско-ленинской истины²⁷⁰. А вот дьяконовское исследование прямо вдохновило великого американского шумеролога С. Н. Крамера (1897–1990), который ссылается на него, делая краткий очерк шумерского общественного устройства²⁷¹.

Дьяконов, тем самым, гораздо более конкретен, чем Авдиев — конкретен не только в смысле количества фактов, «погружения» в них, но и том, что его теоретические выводы со всей очевидностью рождаются из рассмотрения фактов, и эта связь гораздо более естественна, чем то условное сопряжение фактов и теории, которое было свойственно многим советским историческим работам раннего (довоенного) периода. В то же время Дьяконов более теоретичен, чем, к примеру, авторы «Кембриджской истории древнего мира», и это касается не только изданий 20-х гг., но и совершенно новых томов английской серии, начавших выходить в 70-е гг. XX в. Тем самым, уже в этот период творчества героя нашего очерка им ставятся те проблемы, которые являются значимыми не только для отечественной, но и для мировой ассириологии, а шире, и для науки о древности вообще.

²⁷⁰ Авдиев В. И. Военная демократия и классовый характер древнейшего государства // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 89–102.

²⁷¹ Kramer S. N. The Sumerians: Their History, Culture, and Character. Chicago, 1963. P. 75, п. 2. Крамер специально уточняет, что в книге Дьяконова есть резюме на английском языке, добавим, очень подробное. См. также перевод: Крамер С. Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М., 2002. С. 92. Как бывает с современными российскими изданиями, эта книга немного пострадала от переводчиков (например, во введении вполне определённые слова об относительной нехватке (dearth) и невразумительности ранних источников превратились в «относительную дороговизну и невнятность»).

К счастью, по отношению к научной деятельности Дьяконова нельзя отнести те слова, которые, подобно проклятию, на разные лады повторяются в биографиях многих отечественных гуманитариев: «он разрабатывал те же проблемы, что и мировая наука, но его труды не были известны за рубежом»²⁷². Мы уже могли убедиться, что языковой барьер с ранних лет не был для него существенным препятствием, а некоторое открытие СССР для мировой общественной и научной жизни в 50–60-е гг. дало Дьяконову возможность не только общаться (в том числе лично) с зарубежными коллегами (тот же С. Н. Крамер приезжал в СССР для работы с клинописными документами), но и быстро ввести в оборот зарубежной науки ряд важнейших своих работ (или хотя бы выдержек из них).

Первоначально (с 1954 г.) публикации на английском языке выходили в самой Москве, то есть, это было частью целенаправленных усилий по популяризации достижений советской науки; таким образом, что естественно, издавались тексты докладов на международных конференциях. В некотором смысле лучшим проявлением этой же тенденции была публикация на английском языке специального сборника избранных работ советских историков о Древней Месопотамии, подготовленная во многом усилиями Дьяконова²⁷³. Сборник давал общее представление о воззрениях советских историков по ряду существенных вопросов месопотамской истории, причём «из первых уст», а не в виде кратких обзоров в зарубежных журналах.

²⁷² Одна из лучших статей по этому вопросу: *Брагинская Н. В.* Профессия — русский, или *Entdeckung des Geistes* постсоветского интеллектуала // Новое литературное обозрение. № 50. 2001. С. 70–88.

²⁷³ *Ancient Mesopotamia: Socio-Economic History: A Collection of Studies by Soviet Scholars.* Moscow, 1969. В книге был, в частности, опубликован сокращённый (без отрывков про Египет) перевод эпохального доклада В. В. Струве (1933), кстати, к тому времени уже подзабытого в СССР. Сборник был переиздан в Висбадене в 1973 г.

Сам же Дьяконов тогда уже стабильно публиковался в тех самых зарубежных исторических журналах. Этому обстоятельству способствовала, помимо знания европейских языков, и широта его исследовательских интересов: кроме исследований, связанных с историей Месопотамии (прежде всего, вопросы общины и храма в Древнем Шумере, история Ассирии), Дьяконов был специалистом в тех темах, которыми занимались вообще немногие — в области лингвистики он, помимо прочего, обращался к сопоставлению хурритского и урартского языков, также его всегда интересовала ранняя история Ирана (малоизученные Мидия и Парфия). Не случайно для очередного издания «Энциклопедии Британники» (1964) ряд статей по мидийской истории (о Киаксаре, Астиаге, Фраорте, статью об Экбатанах) было предложено написать ему.

В наиболее важных своих зарубежных публикациях Дьяконов выступает прежде всего как советский учёный — если мы будем подразумевать под этим ту вторую составляющую его творчества, о которой говорили ранее. Ему лично важно подчеркнуть необходимость теоретической составляющей в науке о древности, и он полагает, что именно в разработке проблем социально-экономической истории лежит ключ к решению теоретических вопросов.

С этой точки зрения становится понятным, почему именно Дьяконов был первым (и единственным!²⁷⁴) из историков, кто откликнулся на статью «Ассириология: почему и как?» (1960) А. Л. Оппенгейма (1904–1974) в новом тогда журнале «Современная антропология»²⁷⁵. По мнению советского исследователя, статья Оппенгейма наилучшим способом иллюстрирует то, что ассирио-

²⁷⁴ Если не считать кратких замечаний к статье Оппенгейма, высказанных Дж. Б. Притчардом (1909–1997) и Р. М. Адамсом (род. 1926): *Pritchard J. B., Adams R. M.* [Comment on A. L. Oppenheim «Assyriology — Why and How?»] // *Current Anthropology*. 1960. № 5–6. P. 422–423.

²⁷⁵ Статья Оппенгейма позднее вошла в качестве первой главы в его книгу. См.: Оппенгейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М., 1980.

логия оказалась в тупике: имея дело с древнейшими стадиями истории цивилизации, она не в состоянии решать важные проблемы теории истории. Погружаясь в описание фактов, в археологический или филологический анализ источников, ассириологи не видят перед собой целостного исторического процесса: «В настоящее время на Западе почти нет ассириологов, которых можно было бы определить как историков — если мы используем этот термин чтобы обрисовать того учёного, который изучает объективные исторические законы человека и общества, и лишь во вторую очередь собирает разрозненные факты военной и царской истории или хронологии...»²⁷⁶.

Иллюстрацией собственного вклада в формирование обобщающей истории может служить доклад Дьяконова, представленный им в августе 1974 г. на XVI Международном конгрессе по экономической истории (кроме того, он вёл дискуссию на секции по аграрной истории древнего мира) — в нём были кратко высказаны те положения, которые учёный уже несколько лет разрабатывал в своих статьях на русском языке. Отталкиваясь от характеристики сельской общины на древнем Ближнем Востоке, Дьяконов разворачивает перед слушателями целую теорию нового принципа периодизации истории древности и средневековья. Он признаёт значительную роль рабовладения, но при определении граней периодов акцент переносит на изменение роли сельской общины в социальной структуре: по его мнению, для древности (причём, безотносительно, восточной или греко-римской) была характерна община свободных производителей, платящая государству налоги, а для

²⁷⁶ *Diakonoff I. M. More on Assyriology // Current Anthropology. 1961. № 4. P. 390.* Дьяконов фактически выступает с точкой зрения на ассириологию, прямо противоположной высказанной Адамсом в комментарии к статье Оппенгейма. Упоминание об этой «короткой дискуссии»: *Hallote R. S. Bible, Map and Spade. The American Palestine Exploration Society, Frederick Jones Bliss, and the Forgotten Story of Early American Biblical Archaeology. New Jersey, 2006. P. 73, n. 8.*

средневековья — община крепостных, связанных личными обязательствами по отношению к феодалу²⁷⁷.

Перед нами работа, написанная, пожалуй, с вдохновением, открытая к обсуждению, но при этом, глубинно, специфически — советская. В статье заранее задана рамка тех понятий, в которых будет вестись обсуждение и в которые идеально укладывается предложенная теория — конечно, ещё одна интерпретация Маркса. Это интересная интерпретация — но оценить тонкую грань между советско-марксистской теоретической ортодоксальностью и неожиданной свежестью трактовки, по которой прошёл Дьяконов, могли лишь те, кто сам был погружён в марксистскую терминологию, и для кого сам этот тип заигрывания с официальной идеологией имел ценность, поскольку представлялся своеобразным аналогом свободы мнений. В целом же специфические обороты советского научного языка, изложенные на английском, должны были звучать, вероятно, чудно для представителей другой научной традиции²⁷⁸.

Но, так или иначе, работы ряда советских авторов оказались включены в контекст мировой историографии своего времени. В случае с Дьяконовым итоговыми точками его пути в мировую науку оказывается публикация (уже в постсоветское время) на английском двух его работ, имевших для него особенное значение: частично им написанной и отредактированной «Ранней древности» (первой части курса лекций «История древнего мира», впервые изданного в СССР в 1983 г., ставшего наиболее концентрированным выражением воззрений Дьяконова и его школы на древнюю исто-

²⁷⁷ *Diakonoff I. M. The Rural Community in the Ancient Near East // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. XVIII. 1975. P. 121–133.*

²⁷⁸ Собственно, и звучали. Позднее, когда на английском вышла первая часть редактируемой Дьяконовым «Истории древнего мира», во многих рецензиях на неё отмечалось, что для читателя чтение будет представлять известную трудность. *Foster B. R. Rev.: Early Antiquity, edited by I. M. Diakonoff, and translated by Alexander Kirjanov. Pp. XXIII + 461. University of Chicago Press, Chicago 1991. \$ 49. 95 ISBN 0–226–14465–8 // American Journal of Archaeology. Vol. 99. № 2 (Apr., 1995). P. 360.*

рию) и его итоговой историософской книги «Пути истории» (на русском — 1994 г.), декларировавшей разрыв с марксизмом и предлагавшей собственную схему всемирно-исторического процесса²⁷⁹.

Тем самым, если бы мы мыслили исключительно в рамках антропологической парадигмы²⁸⁰, то нам достаточно было бы зафиксировать безусловно впечатляющую академическую карьеру И. М. Дьяконова²⁸¹ и ещё раз отметить те факторы, которые сделали возможной её удачную реализацию²⁸² (свободное владение английским языком и публикация работ на ряде других европейских языков²⁸³, разнообразие научных интересов, сочетание двух умений —

²⁷⁹ Early Antiquity / *Diakonoff I. M.*, volume editor. Chicago, 1991; *Diakonoff I. M. Paths of History*. Cambridge, 1999.

²⁸⁰ Об этом см.: *Крих С. Б., Метель О. В.* Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

²⁸¹ Яркое выражение признания в научном мире — сборники работ, посвящённых учёному. См.: *Societies and Languages of the Ancient Near East: Studies in Honour of I. M. Diakonoff*. Warminster, 1982.

²⁸² Б. Р. Фостер отмечает, что вклад Дьяконова в исследование социальной истории Месопотамии недостаточно оценён на Западе, и видит тому три причины: нераспространённость русского языка в западном научном дискурсе — а ранние работы Дьяконова преимущественно не переведены (впрочем, и тут есть исключение: *Diakonoff I. M. From a Collective Gentilic Dwelling to an Imperial City // Oikumene*. 1986. № 5. P. 55–62); недоступность и малотиражность русской ориенталистской литературы; «советская» терминология Дьяконова, непонятная читателям другого мира. *Foster B. R. Shuruppak and the Sumerian State // Babel und Bibel. Memoriae Igor M. Diakonoff (Papers of the Institute of Oriental and Classical Studies. Vol. VIII) / Ed. by Kogan L., Koslova N., Loesov S., Tishchenko S.* Winona Lake, 2005. P. 71. Всё это так. Но что в таком случае следует сказать о степени известности работ того же В. В. Струве на Западе? По сравнению с многими нашими великими соотечественниками Дьяконову ещё повезло.

²⁸³ Дьяконов явно предпочитал английский — это лучше всего иллюстрируется тем, что полемику он вёл именно на этом языке, даже если публиковался не в англо-американской печати. См., например: *Diakonoff I. M. Some Remarks on the “Reforms” of Urukagina // Revue d’Assiriologie et d’archéologie orientale*. Vol. 52. № 1 (1958). P. 1–15 (полемика с М. Ламбером). В общем количестве его публикаций, конечно, доминируют работы на русском (около 300 работ, включая переводы, переиздания и словарные статьи), на втором месте идут публикации на английском (более 100 работ, вместе с соавторами, общим объёмом более 3000 страниц), на

добиваться уникальных результатов при скрупулёзной работе с первоисточниками и мыслить абстракциями высшего порядка, умение максимально использовать благоприятную внешнюю конъюнктуру и т. п.). Но действительно великие учёные требуют, чтобы при оценке их творчества к ним подходили с другой меркой. Собственно говоря, умозаключения, касающиеся их карьеры или количества значимых научных публикаций, не имеют практически никакого смысла при оценке их творчества. По отношению к таким учёным мера может быть только одна: судьба их научного наследия, ценность и влияние их теорий или самого типа поиска истины, который они исповедовали.

Если говорить в таких понятиях, то у Дьяконова по большому счёту был только один сопоставимый соперник — В. В. Струве, поскольку именно идеи последнего предопределили развитие советской мысли о специфике древневосточных обществ как минимум на тридцать лет, начиная с 1933 г. Противостояние Дьяконова и Струве — важный сюжет истории советского востоковедения, который можно разделить на два этапа. Первый — это время, когда была возможна реальная дискуссия; по сути, это лишь чуть более десятилетия, с середины 50-х гг. (Дьяконов уже выступает как крупный специалист) по середину 60-х гг. (Струве умер в 1965 г.), он характеризовался большей конкретностью, детальной разработкой внешне частных вопросов, и, нужно сказать, не был избавлен от элемента личной антипатии²⁸⁴. Причём, в основном Струве защи-

третьем же месте — публикации на немецком, которых едва наберётся десяток (объёмом около 300 страниц). Переводы на другие языки (украинский, венгерский, персидский, арабский) и вовсе единичны. Конечно, подсчёты по количеству страниц очень грубый инструмент анализа, но примерное представление они дают.

²⁸⁴ Самые примечательные образцы: *Струве В. В.* Категория времени и замена идеограмм в шумерском языке и письме // Вестник Ленинградского университета. 1957. № 8. С. 85–95; Он же. Предварительный ответ на статью И. М. Дьяконова // ВДИ. 1958. № 2. С. 252–253; Он же. Община, храм, дворец // Вестник древней истории. 1963. № 3. С. 11–34; *Дьяконов И. М.* Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине // ВДИ. 1955. № 4. С. 10–40; Он же. О ра-

щался, частично признавал правоту другой стороны, иногда делал ответные выпады, но Дьяконов — преимущественно атаковал. На втором этапе наступает тогда, когда дискуссия стала носить заочный характер, соответственно, Дьяконов уже преимущественно фиксировал расхождение точек зрения со Струве по важнейшим вопросам и признавал общий вклад в науку покойного учёного²⁸⁵.

Конечно, Дьяконов был далеко не единственным из советских исследователей, кто в том или ином аспекте критиковал «струвианство». Напомним, что основные положения концепции Струве сводились к признанию древневосточных обществ рабовладельчески-ми со специальным начальным этапом общинного рабовладения — первоначально частных рабов не было, захваченную в плен или купленную рабочую силу эксплуатировала община в целом под эгидой храма; при этом основная занятость рабов предполагалась на ирригационных работах и допускалась расширительная трактовкой самого понятия «раб» (важна не юридическая, а социальная характеристика положения эксплуатируемых слоёв); эти общие положения, в свою очередь, базировались на ряде более частных, включавших в себя, например, доказательство рабского состояния основного трудящегося населения (гурушей и нгеме) царских хозяйств в эпоху III династии Ура (XXI–XX вв. до н. э.) или положение о наличии единого фонда храмовой земли, охватывающей всю землю, орошаемую естественным путём; соответственно, частное

боте с шумерскими историческими источниками // ВДИ. 1958. № 2. С. 48–69; Он же. Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // Вестник древней истории. 1963. № 1. С. 16–34. См. также: *Литин Л. А.* Академик В. В. Струве как шумеролог // Страны и народы Востока. Вып. VIII. М., 1969. С. 16–24.

²⁸⁵ В своих воспоминаниях Дьяконов вновь проявляет личную неприязнь к Струве, давая тому не самые лестные характеристики как учёному, как преподавателю и как человеку — хотя можно почувствовать, что он всё же пытался себя сдерживать. Но это может быть оправдано мемуарным жанром; в научных трудах после 1965 г. Дьяконов вполне корректен.

землевладение в раннединастическом Шумере появляется на «высоких полях», орошаемых с помощью ручного полива²⁸⁶.

Строго говоря, более или менее однозначно теория Струве победила только после 1938 г.²⁸⁷, когда основные идеи строго последовательной смены общественно-экономических формаций были зафиксированы в сталинском учебнике по истории ВКП (б)²⁸⁸ — до этого она подвергалась сильной критике²⁸⁹. Победа была «закреплена» Струве в новом издании учебника по истории Древнего Востока²⁹⁰. Тем не менее, критика постепенно начала возрождаться уже в первые послевоенные годы²⁹¹ — иными словами, в чистом виде

²⁸⁶ Струве В. В. Термин *gāna-ga* и проблема зарождения частного землевладения в Шумере // ВДИ. 1959. № 2. С. 3–20; № 3. С. 53–74; Он же. К проблеме частного землевладения в Шумере // ВДИ. 1959. № 4. С. 12–23.

²⁸⁷ В это же время Струве делает доклад, дающий, наконец, теоретическое обоснование его концепции: Струве В. В. Марксово определение раннеклассового общества // Советская этнография. Сборник статей. Вып. III. М.-Л., 1940. С. 5–22. См. об этом также: Крих С. Б. Теоретическое обоснование В. В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность. Материалы XII межвузовской региональной научной конференции. Омск, 2012. С. 153–170.

²⁸⁸ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1938.

²⁸⁹ См.: Авдиев В. Рец.: «История древнего мира». Т. I. «Древний Восток». ГАИМК. Соцэргиз. М. 1936. 443 стр. 5 руб. 25 к. // Историк-марксист. 1938. № 1. С. 120–126; Зельин К. К. Рец.: «История древнего мира». Т. I. Древний Восток. Под ред. Академика В. В. Струве. Соцэргиз. 444 стр. 5 р. 25 к. // Исторический журнал. 1938. № 12. С. 120–125.

²⁹⁰ Струве В. В. История древнего Востока. Л., 1941. Общее отношение к этому учебнику — критика частных при согласии с базовыми положениями, проявилось в следующей рецензии: Ранович А. Рец.: Акад. В. В. Струве. История древнего Востока. М., 1941 // ВДИ. 1946. № 1. С. 178–182.

²⁹¹ Конечно, вначале она проявлялась в ограниченном объеме и не касалась базовых положений. См.: Никольский Н. М. Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье: (К истории вавилоно-ассирийского общества в III–I тыс. до н. э.). Минск, 1948. Ранний вариант: Он же. Частное землевладение и землепользование в Древнем Двуречье // Исторический журнал. 1945. № 1–2. С. 36–48. См. также Приложение 3.

«струвианство» фактически никогда не было разделяемо всеми советскими историками²⁹².

Но здесь и проявилась сила трактовок, предложенных Струве. Оказалось, что из той общей рамки понимания сущности восточной истории, которую он задал, можно изымать достаточно много изначально заложенных в неё элементов и более или менее удачно замещать их другими, при этом не повреждая сами общие границы — кстати говоря, этот приём вполне последовательно применял сам автор²⁹³. Поэтому, несмотря на то, что в узком смысле слова струвианские объяснения были быстро отвергнуты, сама тенденция оказалась победоносной — а называть ли её созданной Струве, восходящей к Струве или всего лишь лучшим образом выраженной Струве, это уже вопрос частный.

Что касается Дьяконова, то его позиция в отношении построений Струве, как он утверждает в мемуарах (и у нас нет оснований ему не верить) изначально, ещё на стадии собственного вступления в науку, была скептической. Тем не менее, вопрос был не в степени скепсиса по отношению к чужой позиции, а в возможности построения и высказывания собственной. Судя по всему, первоначально претензии Дьяконова к Струве не выходили за пределы отдельных, хотя и весьма существенных, уточнений. В издании «Всемирной истории» (первый том — 1955 г.), которая должна была представить сбалансированную точку зрения советских истори-

²⁹² Дьяконов в начале 90-х гг. вообще резюмировал, что советская наука в деле исследования социально-экономической истории работала вне этих догматических трактовок. Само собой, в этом замечании преувеличена независимость советских исследователей, но оно показывает прежде всего общее отношение к «обязательным» трактовкам — стремление их по возможности обходить или игнорировать. Дьяконов И. М. Рец.: *Неронова В. Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии.* Пермь, 1992 // ВДИ. 1993. № 3. С. 209.

²⁹³ Вплоть до того, что в конце жизни допустил возможность нового обсуждения вопроса о специфике «азиатских» обществ. И хотя многими это было принято как отказ от прежних взглядов, это было не так. *Струве В. В. Понятие «азиатский способ производства» // Народы Азии и Африки. 1965. № 1. С. 104–109.*

ков на основные стороны и основную совокупность фактов исторического процесса, Дьяконов присоединился к общераспространённому тогда пониманию специфики развития древних обществ.

Позднее, в 60-е и в начале 70-х гг., натиск на рабовладельческую теорию со стороны целого ряда советских историков резко вырос в связи с возродившейся дискуссией об азиатском способе производства и на фоне общего желания сделать классический советский истмат более гибким в трактовке фактов и менее прямолинейным в их теоретической обработке²⁹⁴. Дьяконов участвовал в общей дискуссии, но отстаивал как раз вариацию рабовладельческой теории: совместно с С. Л. Утченко он поддреживал идею о наличии трёх классов (не трудящиеся и эксплуатирующие труд других, трудящиеся и эксплуатирующие труд других, трудящиеся) в древних обществах²⁹⁵; на Ближнем Востоке он выделял, кроме того, три сословных группы (полноправные граждане; лица под патриархальной властью царя (храма); лица вне социальной структуры — рабы). Указание на несовпадение классового и сословного делений в этом типе сообществ помогало решить некоторые противоречия, которые возникали при прямолинейном проведении классового анализа: например, такие случаи, когда раб сам является рабовладельцем или представитель низшего сословия получает власть над представителями высших²⁹⁶. Наконец, Дьяконов подчёркивал, что строй древневосточных обществ следует считать рабовладельческим не из-за численного преобладания рабов в структуре экономи-

²⁹⁴ Обсуждение новых аргументов и защиту «классической» точки зрения см.: Качановский Ю. Н. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975.

²⁹⁵ Для античного — с добавлением четвертого класса не трудящихся и не имеющих собственности на средства производства (античный люмпен-пролетариат в крупных городах).

²⁹⁶ Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества // Доклады конгресса (XIII международный конгресс исторических наук. Москва, 16–23 августа 1970 года). Том I. Часть третья. М., 1973. С. 129–149.

ки (что вообще не является правдой), а из-за того, что отношение даже к свободным (обедневшим и т. п.) строилось по подобию отношений господина и раба. Он чаще называл всю совокупность эксплуатируемых таким образом людей «илотами»²⁹⁷ (скорее образно, абстрагируясь от своеобразия положения реальных илотов в Спарте) или же — «подневольными работниками рабского типа».

Та же тенденция проявляется и в 70–80-е гг. В крупных обобщающих работах, предварённых на более раннем этапе большими теоретическими статьями²⁹⁸, Дьяконов (один или с единомышленниками) проводит идею о наличии в истории Древнего Востока нескольких типов государств, нескольких путей развития, подчёркивает особенные черты общественного устройства, что в совокупности с оценками частных исторических сюжетов, чаще всего уточняющих или отвергающих те, которые в своё время давал Струве, создаёт впечатление планомерного пересмотра основных достижений советской историографии как минимум со времени выхода первых двух томов «Всемирной истории». И это, действительно, так, но пересмотр имеет свои пределы — положение о рабовладельческом характере древневосточных обществ, несмотря на все оговорки, признаётся справедливым.

²⁹⁷ Дьяконов неоднократно уточнял, что саму идею применения этого термина высказал однажды в устном выступлении В. В. Струве.

²⁹⁸ Дьяконов И. М. Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии // Народы Азии и Африки. 1966. № 1. С. 44–58; Он же. Проблемы собственности. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1967. № 4. С. 13–35; Он же. Проблемы экономики. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1968. № 3. С. 3–27; № 4. С. 3–40; Он же. Основные черты древнего общества (Реферат на материале Западной Азии) // Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971. С. 127–146; Он же. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 4. С. 3–29. В том или ином виде эти работы были продублированы на английском. Пожалуй, своеобразным эпилогом этой серии служит ещё одна статья 80-ых гг.: Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 3–16.

Перелом происходит лишь в 90-е гг., и выражен он прежде всего в книге «Пути истории», в которой Дьяконов отказывается и от прежней периодизации, и от рабовладельческого характера древних обществ, и от многих положений марксизма, а тем более советской науки. И хотя в этом споре есть преемственность — в конце концов, с некоторыми стереотипами Дьяконов боролся изначально, хотя и не всегда имел возможность высказываться столь беспепелляционно — но теперь свершившийся разрыв действительно значим и очевиден. Конечно, «Пути истории» — это книга, которая всё равно написана марксистом, но марксистом, который глубоко усомнился в действенности марксистских методов познания.

Таким образом, путь Дьяконова в советской науке (если его понимать с идейной точки зрения) выглядел почти точным перевёрнутым отражением научного пути В. В. Струве. Последний пришёл от сомнений и многочисленных корректировок своей теории в начале пути к многолетнему и последовательному её отстаиванию с небольшими вариациями, закончив это лёгкой тенью сомнения в теории в конце жизни. Дьяконов же пришёл от лёгкого сомнения в теории в начале творческого пути и через десятилетия её общей поддержки с постепенными вариациями к многочисленным корректировкам во второй половине научной карьеры и декларированному разрыву с марксизмом в конце жизни. Две этих зеркальных линии, собственно, и есть схема теоретического развития советской науки о древности.

Следовательно, несмотря на очевидное противостояние Дьяконова со Струве, он оказывается не только тем, кто сменил Струве в роли неофициального лидера советской науки о Древнем Востоке, но и тем, кто оказался его преемником в деле отстаивания рабовладельческой концепции.

Рабовладение, даже если его приходилось теперь понимать очень условно, считалось точкой отсчёта для всей советской историографии древности, её лейтмотивом, основанием для рассмотрения истории древнего мира как целостного сюжета, где Запад и

Восток скорее похожи, чем различаются — а советская историография поначалу полагала, что она подобными методами сможет преодолеть европоцентризм. Казалось, бесконечные оговорки 60–70-х гг., допущение несовпадения между классами и сословиями в древних обществах, фактическое признание сложного спектра состояний между свободой и несвободой и другие подобные идеи должны были размыть рабовладельческую концепцию, но в специфических условиях СССР они скорее послужили её консервации: система образования, общее мышление были завязаны на этом. Достаточно было всерьёз (на уровне преподавания в школах) допустить, что на Востоке был не рабовладельческий (или не вполне рабовладельческий) строй, и это бы с логической необходимостью значило, что не было общего этапа рабовладельческой формации (как известно, в советских школах подчёркивалось, что рабовладения не было на Руси — но это было допустимое исключение, ибо давало повод для национальной гордости). Из этих, сравнительно частных, выводов неизбежно следовало бы умозаключение, что неточна или неверна сама схема смены пяти общественно-экономических формаций, а отсюда уже могли следовать какие угодно далеко идущие выводы, в конечном итоге наносящие удар теории исторического материализма как таковой.

Так что когда Ю. И. Семёнов (род. 1929) обвинил Дьяконова в смене позиций после краха СССР²⁹⁹, он был, конечно, прав в фактах, но не прав в оценках: при советском режиме на проявление собственных мыслей были наложены известные ограничения, кроме того, в 90-е гг. позиции поменялись у большинства историков, в том числе у Ю. И. Семёнова — другое дело, что он не отказался от марксизма, а Дьяконов — отказался. При этом постсоветский мар-

²⁹⁹ Семёнов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: URSS, 2014. С. 123, прим. 1; С. 296.

ксизм Семёнова больше отличается от официальной теории советского марксизма, чем постсоветский не-марксизм Дьяконова.

Самое интересное во всём этом, на наш взгляд, не то, насколько Дьяконов остался марксистом, а то, насколько он при этом остался целостной личностью: как можно было поддерживать рабовладение в советское время, параллельно вынимая из самой концепции кирпичик за кирпичиком, и как можно было вообще отказаться от рабовладельческого этапа развития общества во время постсоветское, а при этом сохранить преемственность своих позиций и взглядов? Ведь достаточно обратиться к кругу фактов, которые использует Дьяконов, излагая свою теорию этапов развития древнего общества в «Путях истории» (1994) — он точно такой же, как и в «Истории древнего мира» (1983), а все основные примеры восходят ещё к большим теоретическим статьям 60–70-х гг. Те же факты, та же борьба с заблуждениями и стереотипами, в целом тот же уровень и принцип аргументации (они вообще редко меняются у крупных учёных) — и принципиально другие выводы, по крайней мере, при первом рассмотрении!

Когда ставишь такие вопросы, то очень легко увидеть точки совпадения между жизненным путём Дьяконова и биографиями советских историков 20–30-х гг., которые также неоднократно меняли или корректировали свою точку зрения сообразно нуждам политического момента. Читая их работы, тоже иной раз испытываешь оторопь от того, как ровно одна и та же история (понимая её здесь как связный рассказ, располагающий в определённом порядке факты, аргументацию, причинно-следственные связи) служит для акцентуации разных и часто противоречащих друг другу выводов — при этом сохраняется, что говорится, невозмутимое выражение лица автора. Иногда советские историки ловили друг друга на смене точек зрения, но в целом, судя по всему, такое разоблачение не считалось вполне приличным: ведь то была общая «привинность».

Тема эта, к сожалению, исследована мало и односторонне. Психологический портрет советского историка пока находится лишь в стадии предварительных набросков: исследователи с наибольшим увлечением рассуждают о страхе, пронизывавшем жизнь учёных так же, как и всех граждан, и признают, тем самым, серьёзную и фактически общую психологическую травму, которую нанёс режим науке³⁰⁰. Но при этом пока мало кто занялся хотя бы на уровне начального исследования другой стороной общественной жизни того времени: того, как и почему историки при всём том действовали искренне, как они сами для себя объясняли необходимость смены, казалось, незыблемых принципиальных положений, и почему снова верили в незыблемость новых. Процесс этот не был, конечно, безболезненным для подавляющего большинства (кроме откровенных приспособленцев), но вряд ли можно говорить только о постоянном стрессовом состоянии — в таком случае наука вообще не смогла бы функционировать. Страх парализует, творит лишь надежда. Следовательно, существовали психологические механизмы минимизации негативного влияния.

Наша задача сейчас скромнее: нам нужно попробовать разобратся в смене позиций одного, хотя и очень значимого учёного. Решить этот вопрос можно только обратившись к работам самого Дьяконова, иллюстрирующим эволюцию его воззрений, чтобы зафиксировать в них как разрывы, так и преемственность. По нашему мнению, одной из определяющих тем в таком анализе будет история Шумера в широком смысле, а в узком — характеристика последнего периода шумерской истории — царства III династии Ура («царства Шумера и Аккада»). Мнение это не голословно: древняя история Месопотамии — место рождения «струвианства», потому

³⁰⁰ Дубровский А. М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005; Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины XX века: Синтез трёх поколений историков. М., 2008.

что до той поры, пока Струве, который изначально был египтологом, работал лишь с египетским материалом, он был вынужден выбирать либо азиатскую, либо феодальную формацию в качестве характеристики обществ Древнего Востока. И только когда (на рубеже 20–30-х гг.) им был привлечён в ту пору крайне слабо изученный месопотамский материал, то появилась возможность говорить о рабовладении и даже о рабовладельческом строе. Храмовая отчётность (а храмовые хозяйства при царстве Шумера и Аккада — лишь филиалы государственного), выдача пайков, фиксация различных категорий зависимого населения — всё это давало базу для построения новой теории. Что же касается торжества государственной бюрократической машины при III династии Ура, управлявшей сотнями тысяч зависимых работников и работниц (гурушей и нгеме), то именно её изучение давало возможность показать мощь рабовладения в древности. Более того, по мотивам анализа шумерской бюрократической деспотии теперь можно было трактовать и факты из истории Египта (Древнее царство), и даже — хеттской истории.

Ключевой характер социально-экономической истории Шумера при III династии Ура подчёркивал и сам Дьяконов³⁰¹. И как раз в этом пункте он был максимально близок позиции Струве. Конечно, можно заметить некоторые различия в терминологии и в аргументации, но все они в принципе укладываются в ту тактику обращения Дьяконова со струвианским наследием, которую мы уже характеризовали выше: сохранение базовых положений при уточнении и корректировке отдельных аспектов. В «Истории Древнего Востока» (1983), которая начала выходить параллельно с выходом (и переизданиями) «Истории древнего мира», представляя как бы «академический» её вариант с более подробным погружением в факты и в

³⁰¹ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия / Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1983. С. 276–277.

полемику, Дьяконов пояснял, что сами шумеры отличали гурушей от рабов (урду), поскольку, например, урду являлись товаром, а гуруши — нет. Историк подчёркивал, что правовой статус той или иной социальной категории нельзя просто игнорировать в пользу экономического, он полагал, что гуруши и урду должны быть относимы «к двум разным общественным *прослойкам* внутри одного и того же класса подневольных работников рабского типа»³⁰². По сравнению с «классической» трактовкой социальной принадлежности гурушей, которая давалась во «Всемирной истории» (раздел написан Струве)³⁰³, изменения, на самом деле, минимальные: поскольку Струве использует только термин «раб», то он не может считать гурушей кем-то иным, но в общем-то отличает гурушей и «рабов-пленных». Следовательно, все уточнения Дьяконова сводятся к терминологическим подвижкам: если ранее урду (рабы-пленники) и гуруши (видимо, рабы — бывшие общинники) равно воспринимались как представители класса рабов, то теперь предлагается считать урду («рабов») и гурушей («молодцов») представителями класса подневольных работников *рабского* типа!

Эта неожиданная ортодоксальность особенно интересна как в контексте нашего исследования того, какие пути выбирают историки, так и в изучении того, как отечественная наука о древности соотносилась с мировой. Потому что у Дьяконова была альтернатива, прекрасно ему известная и в общем жизнеспособная. Существовало иное понимание устройства экономики при III династии Ура, в рамках которого гуруши считались в первую очередь зависимыми людьми, скорее похожими на государственных крепостных, чем на государственных рабов — что означало, в первую очередь, что они имели собственные хозяйства, а на государственной земле несли

³⁰² История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия / Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1983. С. 277.

³⁰³ Всемирная история. Т. I. М., 1955. С. 217–218.

различного рода повинности. Эта точка зрения была известна в СССР ещё с момента триумфального восхождения теории Струве, когда по её шумерской составляющей пытался нанести смертельный удар известный историк Н. М. Никольский, и дискуссия развернулась вокруг документов, которые должны были доказывать (или опровергать) тот факт, что гуруши были заняты в государственном хозяйстве круглый год. Правда, ни подсчёты, ни аргументация Никольского не оказались более убедительными, чем у Струве³⁰⁴.

Но в 60–70-е гг. у идеи «крепостной» зависимости гурушей появился сильный сторонник в лице чикагского учёного (польского происхождения) И. Е. Гельба (1907–1985). Гельб, который прежде занимался филологическими вопросами клинописных текстов, сам признавался в одном из докладов, что до 1960 г. (а именно до конгресса историков в Москве) социальной историей не интересовался³⁰⁵. Гельб, как и Дьяконов, решительно выступил против представлений о том, что шумерская экономика была полностью храмовой (а после государственной), указав на наличие нескольких секторов экономики, соотношение между которыми менялось — при

³⁰⁴ Струве В. В. Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура (ок. XXIII в. до н. э.) // Сергею Фёдоровичу Ольденбургу. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Сборник статей. Л., 1934. С. 495–507; Никольский Н. М. К вопросу о рабстве на древнем Востоке (По поводу статьи В. В. Струве «Рабовладельческая латифундия в Сумире III династии Ура», С. Ф. Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности 1882–1932 гг., Сборник статей, Л., Изд. АН СССР, 1934 г.) // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 78. С. 207–210; Струве В. В. Ещё раз о рабовладельческой латифундии Сумира III династии Ура (Ответ Н. М. Никольскому) // Там же. С. 211–222.

³⁰⁵ Gelb I. J. Approaches to the Study of Ancient Society // Journal of the American Oriental Society. Vol. 87. № 1. 1967. P. 2. Что интересно, Дьяконов тоже первоначально пытался решить проблему гурушей с помощью филологического анализа: Дьяконов И. М. Ещё раз о термине GURUŠ (KAL) в шумерском языке // ВДИ. 1948. № 1. С. 31–33. Когда стало понятно, что это решение недостаточно, встала проблема рассматривания вопроса в исторической динамике.

этом он полагал, что замкнутое домохозяйство (по типу греческого ойкоса) было основной единицей экономики вплоть до III династии Ура³⁰⁶. Также Гельб предложил свой вариант классового деления шумерского общества: свободные, полусвободные (гуруши) и малочисленный класс рабов³⁰⁷.

Дьяконов отнёсся к изысканиям Гельба с уважением, но и с большим критицизмом. Завершающая серию «больших теоретических статей» работа «Рабы, илоты и крепостные в ранней древности» (1973)³⁰⁸ по сути является расширенным обсуждением статьи Гельба «От свободы к рабству» (1972)³⁰⁹ о социальной характеристике гурушей с очередным, более глубоко аргументированным, подтверждением собственной, дьяконовской, точки зрения по этому вопросу. Согласившись с выделением двух типов зависимых работников (гурушей и урду), Дьяконов, однако, не может принять отнесения гурушей к крепостным (*serfs*), поскольку крепостные, по его мнению, обладают выделенной собственностью в рамках хозяйства феодала. Что же касается гурушей (или зависимых категорий работников типа «ишшакку» в период Старовавилонского царства), то они если и имели собственность, то вне системы государственного земельного фонда, следовательно эта собственность непосредст-

³⁰⁶ Тем не менее, и во временном отношении, и по уровню аргументации первым автором теории трёх секторов месопотамской экономики были именно Дьяконов. Не случайно венгерский учёный Г. Комороци (род. 1937) назвал исследования своего русского коллеги «милевым камнем» в изучении месопотамского общества. *Komoróczy G. Landed Property in Ancient Mesopotamia and the Theory of the So-Called Asiatic Mode of Production // Oikumene. 1978. № 2. P. 13.* Толкование того, сколько секторов экономики и какие именно выделяли Дьяконов и Гельб, несколько отличается у разных исследователей. См., например: *Mieroop M. van de. The Ancient Mesopotamian City. Oxford, 1997. P. 15.*

³⁰⁷ *Gelb I. J. Approaches to the Study of Ancient Society. P. 6–7.*

³⁰⁸ Кстати, уже в 1974 г. она была издана на английском в «Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae».

³⁰⁹ *Gelb I. J. From Freedom to Slavery // Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten — XVIII. Rencontre assyriologique internationale, München, 29. Juni bis 3. Juli 1970. München, 1972. P. 81–92.*

венно не была связана с их обязанностями по работе на храм (или государство). Кроме того, у всех или у большинства гурушей при III династии Ура не было семьи. Тем самым, хотя Дьяконов и признал логику в выделении Гельбом 20 признаков для сравнения гурушей и урду, но дезавуировал значительную часть различий, сведя их к несущественным или отвергнув вовсе. Следовательно, обе социальных группы относятся к одному и тому же эксплуатируемому классу, который Дьяконов и предлагал, как мы уже знаем, называть классом «древних подневольных работников рабского типа»³¹⁰, а для характеристики гурушей и подобных категорий предлагал использовать термин илоты: «Илоты — это эквивалент патриархальных рабов в пределах государственной собственности»³¹¹.

Позиция Дьяконова была заявлена и услышана, но это вовсе не означало её победы ни в мировой науке, ни даже в советской — в 80-е гг. с близких Гельбу позиций выступают советские грузинские учёные — Г. А. Меликишвили (1918–2002) и его ученик Дж. М. Шарашенидзе. На наш взгляд, подход Меликишвили стилистически был во многом схож с подходами зрелого Дьяконова: это попытка построить свою теорию, сообразующуюся и с известными фактами, и с базовыми тезисами марксизма. Творчество же Шарашенидзе в 80-е гг. больше напоминает молодого Дьяконова: сравнительная осторожность в теоретической части, зато огромная увле-

³¹⁰ Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1968. № 4. С. 37. М. Финли когда-то писал о тавтологичности марксистских определений, но в этом словосочетании Дьяконов, кажется, превосходит самые смелые ожидания: если «работника рабского типа» можно ещё списать на безграничные возможности русского языка (хотя, скажем, и в древнегреческом «раб» и «работа» — понятия однокоренные), то «подневольный рабского типа» — это уже откровенное «масляное масло». Этот стилистический коллапс иллюстрирует, с каким скрипом подавалась хоть куда-то с места терминология, которую использовали советские учёные.

³¹¹ Он же. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. С. 20. В оригинале вместо курсива — разрядка. Фраза почти дословно повторена: Он же. Пути истории. С. 33.

чённость прояснением фактической стороны дела. Именно поэтому Шарашенидзе удалось, объективно говоря, усилить и конкретизировать ряд положений, которые Гельб смог только обозначить.

В ряде статей и особенно в своей книге (1986), фактически посвящённой зависимому населению в государственном хозяйстве при царстве Шумера и Аккада (III династия Ура), Шарашенидзе, внешне не претендуя на итоговые обобщения и справедливо указывая на то, что уровень исследованности документов пока не позволяет реализовать эту претензию с чьей-либо стороны, последовательно расшатывает позиции Струве и Дьяконова, обнажая их несоответствие как отдельным фактам, так и общей картине, которая строится при их непредвзятом рассмотрении. Так, он показывает, что часть работников в государственном хозяйстве (прежде всего энгары — «пахари») бесспорно имела собственное хозяйство, которое при этом было ассоциировано с государственным (выдача храмового скота в пользование)³¹² — это, конечно, отдаляет таких работников от рабской зависимости (неважно, насколько при этом смягчать саму формулировку) и приближает к крепостной (опять же, неважно, какие вариации определения можно подобрать и здесь). Далее, Шарашенидзе оспаривает тот факт, что все гуруши в государственном хозяйстве могут быть отнесены к одной и той же категории лиц, лишённых собственного хозяйства, семьи и живущих исключительно благодаря пайковым выдачам. В этом представлении его смущает как предельно скудный размер этого пайка, который неизбежно вёл бы к скорому истощению сил работников и высокой смертности (что не подтверждается документально)³¹³, так

³¹² См. Шарашенидзе Дж. М. Энгары Древней Месопотамии // ВДИ. 1984. № 4. С. 98–114.

³¹³ Шарашенидзе Дж. М. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера, II пол. III тыс. до н. э. Тбилиси, 1986. С. 120; 130, прим. 75. Дьяконов чувствовал эту проблему: поскольку выдачи гурушам были почти исключительно в зерне (примерно 1,5–2,5 литра ячменя в день), изредка с добавлением растительного масла и очень редко других продуктов, то это бы не покрыва-

и то, что выдачи часто происходили не ежедневно — нередко паёк выдавался сразу за несколько месяцев работы по её окончанию. Гуруш без другого источника пропитания не имел бы возможности дожить до этой выдачи³¹⁴. При этом Шарашенидзе не отрицает ни зависимого характера труда гурушей, ни фактического отсутствия у них свободы передвижения³¹⁵.

Дьяконов не только знал о работе Шарашенидзе, но даже советовал тому быть смелее в оспаривании авторитетов³¹⁶. Да он и вообще никогда не игнорировал другие точки зрения, увлечённо дискутируя с оппонентом из-за куда менее важных вопросов³¹⁷.

ло дневного расхода энергии. Коль скоро нет данных о том, что гуруши участвовали в мясных трапезах во время храмовых праздников (См.: Дьяконов И. М. Проблемы экономики. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1968. № 4. С. 7), отсюда следовал неизбежный вывод о высокой смертности среди низшей категории рабочих, «умиравших от непосильного труда, тяжёлого климата и недостаточного питания». История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия. С. 276.

³¹⁴ См. Шарашенидзе Дж. М. Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера, II пол. III тыс. до н. э. С. 82–132, особенно С. 120: «Вывод может быть единственный, причём сформулирован в следующем виде: ни полного, ни тем более неполного вознаграждения, полученного работниками государственного хозяйства за отработанные в течение месяца человекодни им не хватило бы для содержания не только членов семьи, но и самих себя». О том, что большая часть гурушей не работала на государственное хозяйство круглый год, см.: Uchitel A. Rev.: I. M. Diakonoff (ed.): Early Antiquity. Transl. by Alexander Kirjanov. Project editor Philip L. Kohl. XXIII, 461 pp. Chicago and London: Chicago University Press, 1991. £ 39.95, \$ 57.50 // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. Vol. 56. № 2 (1993). P. 352. Отсюда и вопрос, должны ли мы говорить о натуральных выдачах как о пайке или как о жаловании, поднятый ещё Гельбом: Gelb I. J. The Ancient Mesopotamian Ration System // Journal of Near Eastern Studies. 1965. Vol. 24. № 3. P. 230–243.

³¹⁵ Шарашенидзе Дж. М. Указ. соч. С. 125, прим. 20.

³¹⁶ Там же. С. 5.

³¹⁷ Например, он защищает свою точку зрения об уровне жизни в городе Уре: Diakonoff I. M. Old Babylonian Ur [A review article of Marc van de Mieroop, Society and Enterprise in Old Babylonian Ur, Berliner Beiträge zum Vorderen Orient. Bd. 12,

Логично было бы ожидать, что в итоговой своей работе, в «Пути истории», в которой, как уже неоднократно было сказано, Дьяконов вообще отказывается от понятия «рабовладельческий строй», он будет использовать именно выводы И. Е. Гельба или Дж. М. Шарашенидзе. Тем не менее, в последней книге историка характеристика социального положения работников государственного хозяйства при III династии Ура дана в мало изменившемся виде. Дьяконов предлагает использовать по отношению к ним термин «илоты» — конечно же, условно³¹⁸; это его старая идея, и потому наполнение термина, на самом деле, не отличается от «подневольных работников рабского типа», просто теперь уже неуместно говорить о «рабском типе». В целом картина эксплуатации смягчена, как бы с учётом мнения другой стороны: «Они не обязательно происходили из пленных, даже чаще это были местные жители. Им разрешалось иметь движимое имущество, а нередко свой дом и семью, и даже изредка скот — всё это, правда, не в собственности, а в условном владении³¹⁹. Так как им не разрешалось покидать имение, в котором они работали, то их нередко обозначают как крепостных. Но поскольку они не имели собственности на средства производства, они отличались от средневековых зависимых крестьян, так как находились всё-таки в зависимости, сходной с рабской. Поэтому во избежание путаницы мы и будем здесь и далее называть их тем термином, которым в Греции называли государственных рабов, посаженных на землю и имевших собственное хозяйство: илоты»³²⁰. Соответственно, теперь историк говорит о централизованном царском *илотском* хозяйстве.

Dietrich Reimer Verlag, Berlin, 1992, XVIII + 328 pp., DM 78.] // Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. 38. № 1 (1995). P. 94.

³¹⁸ Дьяконов И. М. Пути истории. М.: URSS, 2010. С. 28.

³¹⁹ Тут, вероятно, перед нами всё-таки стилистическая погрешность: вряд ли, говоря «всё это», Дьяконов подразумевал, что и семья зависимого работника тоже была у того в условном владении.

³²⁰ Там же. С. 33.

Итак, как мы можем заметить, во вполне конкретном вопросе перемены оказались не столь велики — Дьяконов учёл другую точку зрения, но остался при своём основном выводе тридцатилетней давности: это не крепостные, а работники, которые ближе всего к рабам, хотя рабами в полном смысле слова и не являются. Теперь централизованное хозяйство (речь в основном явно идёт о III династии Ура) характеризуется так: есть рабы (урду), есть работники (гуруши, они же илоты), и даже часть военнопленных становится не рабами, а илотами.

Следует ли признать, что Дьяконов продолжал держаться своей точки зрения потому, что она была безупречной и лучше аргументированной, чем у его противников в этом вопросе? Расхождения в трактовке фактов не были столь велики. Даже если мы признаем, что отчество гурушу при выдаче пайка приписывалось только для того, чтобы отличать его от тѣзки, а не потому, что за ним признавались некоторые права свободного, что нет большого различия между именованием человека по имени отца и по имени матери³²¹, и подобным образом изыдем несколько аргументов из системы доводов Шарашенидзе, то всё-таки останется ряд сильных тезисов, которых будет достаточно, чтобы окончательно дезавуировать концепцию Струве — Дьяконова. Дьяконов не мог этого не понимать: в лучшем случае, речь могла идти о лишь о том, что ни одна из точек зрения не обоснована лучше, чем другая.

Следовательно, всё решалось не с точки зрения лучшего наполнения фактами, а с точки зрения теоретической убедительности. Но ведь и здесь позицию Дьяконова нельзя считать хорошо защищённой. Он, в итоге, отказывается от того, чтобы признавать гуру-

³²¹ *Snell D. C. Rev.: Формы эксплуатации рабочей силы в государственном хозяйстве Шумера, II пол. III тыс. до н. э. (Forms of Labor Utilization in the State Economy of Sumer in the Second Half of the Third Millennium B. C.)* by Dzh. M. Sharashenidze. Tbilisi: Metsniereba, 1986. Pp. 173 // *Journal of the American Oriental Society*. 1991. Vol. 111. №. 4. P. 838.

шей рабами, но не согласен признать их вместо этого крепостными работниками, вводя *условный* термин «илоты»). Как будто бы Гельб, применяя термин *serf*, имел в виду именно буквальное его понимание и подразумевал полное тождество со средневековыми крепостными! «Крепостной» Гельба тут не меньшая условность, чем сначала «раб», а потом «илот» Дьяконова³²². Кроме того, нет однозначных данных, которые позволили бы утверждать, что у всех работников государственного хозяйства вообще не было собственности на средства производства, так что в этом смысле по крайней мере часть работников могла как раз быть похожа на крепостных.

Наконец, условный термин, предложенный Дьяконовым, ничуть не более удачен, и даже тянет за собой столь длинный шлейф ассоциаций, что рождает только новые проблемы: правовой статус илотов как государственных рабов далеко не так очевиден (на что указывал ещё М. Финли, критикуя теорию Утченко и Дьяконова³²³), и поэтому намерение Дьяконова избежать путаницы благодаря применению именно этого термина выглядит, как минимум, странно.

На наш взгляд, для Дьяконова были более или менее очевидны все эти минусы собственной позиции. Если он всё равно в итоге предпочёл её, следовательно, у него должны были быть и другие основания, причём веские. И здесь уместно вернуться к тому, что мы говорили о проблеме искренности среди советских историков. Вполне вероятно, что Дьяконов верил в убедительность своей позиции, ибо опирался на более широкое видение исторического процесса, которое подсказывало ему, какие варианты выбирать в случае сомнений.

³²² О том, что Гельб ни в коем случае не говорит тут о феодализме: *Maisels C. K. The Emergence of Civilization. From hunting and gathering to agriculture, cities, and the state in the Near East. L., 1999. P. 149 ff.*

³²³ *Finley M. I. Ancient Slavery and Modern Ideology / Ed. by B. D. Shaw. New York, 1998. P. 138–140.*

Сначала нам могло показаться, что Дьяконов «до последнего патрона» защищал рабовладельческий характер древних обществ, что он был для него той чертой, за которую нельзя заходить, и делая уступку за уступкой как собственному знанию фактов, так и собственному пониманию общественной структуры стран Древнего Востока, он старался удержать то, что уже само падало и рассыпалось. Но в «Пути истории» Дьяконов расстаётся с рабовладением без особенных сожалений, если даже не с радостью. Это и неудивительно, потому что защищал он совсем не идею рабовладельческой формации, и когда стало нужно (и можно), пожертвовал ей.

Чтобы понять, что же на самом деле было важно для великого учёного, нужно внимательнее обратиться к центральному, срединному периоду его творчества: тем самым, как мы их назвали, «большим теоретическим статьям» 60–70-х гг.³²⁴ Нужно подчеркнуть, что это теоретические работы, написанные историком — они в корне отличаются от теоретических работ по истории, которые пишут социологи или культурологи, или от тех, которые в Советском Союзе писали философы — знатоки исторического материализма. Это заметно уже и по тому, что статьи Дьяконова перенасыщены ссылками на первичный материал — издания источников, часто переведённых самим автором³²⁵. Кроме того, эти статьи во-

³²⁴ Опубликованные на английском, они не прошли незамеченными — один из рецензентов позже оценивал эту работу по особенностям месопотамского общества как впечатляющую: *Jacobson D. M. Early Antiquity*. Edited by I. M. Diakonoff; foreword by Philip L. Kohl; translated by Alexander Kirjanov. Chicago: University of Chicago Press, 1991. \$ 49. 95 // *The Journal of Asian Studies*. Vol. 51. № 1 (Feb., 1992). P. 120.

³²⁵ Дьяконов справедливо уделял большое внимание адекватному чтению источников, редко доверяя без перепроверки переводам других, даже очень уважаемых ассириологов, и не стеснялся корректировать свои собственные прочтения и выводы. Принципы работы с источниками и высокие требования к себе и другим хорошо видны в следующих трудах: *Дьяконов И. М.* О работе с шумерскими историческими источниками (критика теории «высоких полей» В. В. Струве с филологической точки зрения); Он же. Письмо в редакцию (по поводу статьи

обще трудны для чтения — из-за нескончаемого потока примечаний, которые прерывают основную мысль дополнениями, озарениями, доказательствами. В завершающей части статьи «О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э.» (1968), отличающейся исполинским объёмом (более 145 тыс. знаков), соотношение основного текста и текста примечаний — 45 % к 55 %, а общее количество сносок — 148. В статье «Рабы, илоты и крепостные в ранней древности» одно из примечаний целиком посвящено пересказу нескольких историй, связанных с работником Авиль-Ададом — объём его почти 5000 знаков, это фактически самостоятельный текст³²⁶. При этом историк ещё и уточняет, что стремился сократить число ссылок³²⁷...

Обилие текста в примечаниях — знак напряжённых поисков работы историка, когда к магистральной теме присоединяются те, которые ранее меньше привлекали внимание, а теперь тоже кажутся важными. Приведём несколько примеров, не особенно их систематизируя — ведь и сами идеи высказывались по ходу основного рассуждения. Так, Дьяконов говорит о важности анализа идеологии и вообще социальной психологии³²⁸ при построении общей теории,

А. Г. Кифишина «Западные кварталы Лагаша» // ВДИ. 1969. № 3. С. 211–214; Он же. Общественные отношения в шумерском и вавилонском фольклоре (120 пословиц и поговорок) // ВДИ. 1966. № 1. С. 9–27; ср.: *Diakonoff I. M. Letter to Editor // Archiv für Orientforschung. Bd. 38/39 (1991/1992). P. 131.* К сожалению, в рамках нашего очерка мы не имеем возможности остановиться на характеристике другой ипостаси учёного: его вкладе в языкознание. См.: *Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967; Idem. Afrasian Languages. М., 1988* (переработанный вариант книги 1965 г. «Семито-хамитские языки»). Факт признания заслуг Дьяконова в этой области: *Selected Comparative-Historical Afrasian Linguistic Studies in Memory of Igor M. Diakonoff. Munich, 2003.*

³²⁶ Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. С. 26–27, прим. 66.

³²⁷ Он же. Проблемы экономики. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. // ВДИ. 1968. № 4. С. 13, прим. 50.

³²⁸ Там же. С. 7, прим. 23; Он же. Проблемы собственности. О структуре обществ Ближнего Востока до середины II тыс. до н. э. С. 17

признаёт недостаточное внимание к повседневной жизни и к динамике общественного развития в советской историографии³²⁹. Он поднимает вопрос об особенностях развития древних Индии и Китая по сравнению с Ближним Востоком³³⁰ (как вскоре выяснится, в некоторых аспектах последний окажется ближе к античности, чем к этим регионам). Не будем уже говорить о набросках теории о влиянии эволюции вооружений на изменения в социальной структуре³³¹, об идее пересмотра представлений о преобладающей натуральности раннемесопотамской экономики³³² или о значении изучения сферы половых отношений³³³. Наконец, что особенно интересно, Дьяконов вполне ясно высказывает мысль о мифическом характере наших представлений о Западе и Востоке, согласно которым за этими символами скрывается некое сущностное содержание³³⁴. Конечно, это в общем-то лишь побочное следствие построения историком типологии древневосточных обществ — осознав, что Восток был слишком разным, он увидел и то, что его отличия с Западом (в данном случае — античными Грецией и Римом) преувеличены. Но всё-таки перед нами осознанное стремление избавиться от стереотипов в науке, столь свойственное лучшим исследователям того времени — не случайно эти статьи в черновиках читались и обсуждались с Ю. В. Андреевым (1937–1998), Е. М. Штаерман (1917–1991), В. М. Массоном (1929–2010) и многими из тех, кто фактически составлял «школу Дьяконова» (Н. Б. Янковской (1925–2009), В. А. Якобсоном (род. 1930), М. А. Дандамаевым (род. 1928)); не случайно Дьяконов и Утченко выступают в 1970 г. с совместным теоретическим докладом.

³²⁹ Он же. Проблемы экономики... // ВДИ. 1968. № 4. С. 18.

³³⁰ Там же. С. 32, прим. 126.

³³¹ Он же. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. С. 20.

³³² Он же. Проблемы экономики... // ВДИ. 1968. № 4. С. 19.

³³³ Он же. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. С. 25, прим. 64.

³³⁴ Там же. С. 21; Он же. Проблемы экономики... // ВДИ. 1968. № 4. С. 30, прим. 124; С. 31, прим. 126.

Размашистость «теоретических статей» одновременно смущает и восхищает читателя. Перед нами неустойчивое ещё, взрывоопасное сочетание зачатка теории исторического процесса (почти философии истории) и упорядоченной истории древности — преимущественно на материале Ближнего Востока, но с постоянным стремлением выйти за его границы. Это одновременно незрелый и выстраданный труд, который уже не имеет никакой возможности таиться от читателя в черновиках историка — ему необходимо опубликовать его, чтобы показать новые принципы своей работы. И мы уже отлично знаем, что именно из этих статей рождаются два варианта истории древности («История древнего мира», «История древнего Востока»), созданных под руководством Дьяконова, и один вариант историософии («Пути истории»), написанный исключительно Дьяконовым. Все эти работы написаны более легко и уверенно, а многие идеи, буквально рассыпанные на страницах «теоретических статей», упорядочены и, так сказать, поставлены на своё место.

Но нас сейчас интересует не этот, свершившийся путь. Гораздо интереснее то, что ушло на периферию в процессе движения от первого упорядочения теории к её воплощению. И здесь различия очень хорошо видны при сравнении. Ведь именно в это время подобные же озарения посещают и другого крупнейшего ассириолога — И. Е. Гельба. Сходство в поисках ответов на вопросы социальной истории древности между ним и Дьяконовым легко заметить, и это сходство не в самой тематике, конечно — мало ли кто пытался осмыслить и переосмыслить социальную структуру обществ древности, — а в особой направленности поиска, в характерной пропорции между конкретикой и абстракцией. Но, помимо этого глубинного стилистического сходства есть и не менее существенные различия, — как заметил один историк по другому поводу, они не всегда были согласны в том, что именно важно³³⁵.

³³⁵ Foster B. R. Early Mesopotamian Land Sales // Journal of the American Oriental Society. Vol. 114. 1994. P. 445.

Дьяконов в 60–70-е гг. имеет очевидное преимущество над Гельбом: он изначально лучше подготовлен в плане социологии, поскольку она была основой его образования. Конечно, это была марксистская социологическая теория в её советском изводе, с её специфической системой терминов и понятий, но тем не менее она закладывала, а потом и заставляла увеличивать опыт в ведении теоретических дискуссий, предполагала умение тонко соотносить между собой различные термины и следить за аккуратностью их использования, например, избегать возможности появления нежелательных вторых смыслов (или, наоборот, допускать эту возможность там, где было нужно). Конечно, это была схоластика — но ведь схоластика в некотором смысле являет собой и торжество чистой логики. Гельб, который обращается к социологии истории уже будучи зрелым исследователем, теоретизирует куда как более скромно.

Но тут же срабатывает, а в дальнейшем только нарастает и обратная сторона этого же различия. Уже сложившиеся теоретические взгляды Дьяконова, его имманентный марксизм, ставят перед ним такие правила рассмотрения материала, за которые он не хочет выйти. Возьмём для примера уже упоминавшуюся нами критику Дьяконовым предложенного Гельбом сравнения между рабами и гурушами с помощью выделения 20 признаков. Исправляя эти признаки, Дьяконов добавляет один, который объявляет главным: «характер эксплуатации»³³⁶. Но введение этого признака в корне нарушает все «правила игры»: остальные являются вполне конкретными, касаются наличия или отсутствия собственности, семейной жизни, объёма прав и т. п., этот же — заранее предполагает отсылку к абстрактной теории, более того, к одной-единственной абстрактной теории! Элемент этой теории (маркированный термин) вводится в исследование на стадии предварительного обобщения фактов (выделение внешних признаков объекта), и тем самым дела-

³³⁶ Дьяконов И. М. Рабы, илоты и крепостные в ранней древности. С. 12.

ет выводы исследования заранее очевидными, безальтернативными. Это может отдалённо напоминать старый анекдот про игру в шахматы с дубиной: в любой момент, когда игрок попадает в сложное положение, он достаёт дубину марксистской теории и лупит ей направо и налево, сметая неудобные фигуры.

Ставки в этой игре, на самом деле, существенные. Ведя полемику, учёный пытается согласовать терминологию? и искреннее желание Дьяконова корректно сопоставить термины показывает, что он стремится нивелировать различие в понятийном аппарате между советской и зарубежной наукой, выйти через термины к сути проблемы. Но в итоге, как оказывается, всё равно возвращается на те же позиции, с которых начинал путь — язык науки ведь нечто большее, чем система понятий, это система мысли и форма её стилистического выражения; два последних элемента преодолеть очень трудно. Скажем, один из рецензентов на дьяконовские теоретические статьи замечал, что наличие разных социальных групп в ближневосточном обществе является фактом, но не был уверен, что их можно называть классами в «классическом марксистском смысле слова»³³⁷. Что же касается Дьяконова, то его, на самом деле, не интересует этот вопрос, он заранее ищет классы, ему требуется интерпретировать данные источников с помощью именно этих терминов, иначе он вообще не будет считать своё исследование законченным³³⁸. Получается, что полноценная теоретическая альтернатива

³³⁷ *Cornelius I. Rev.: I. M. Diakonoff: The Structure of Near Eastern Society before the Middle of the 2nd Millenium B. C. / ed. I. Hahn et al.: Oikumene 3. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. pp. 7–100 // Die Welt des Orients. Bd. 18 (1987). P. 195.* Кстати, при анализе Дьяконова автор использует методологические установки Гельба.

³³⁸ Вот методологическое кредо: «необходимо, наконец, отбросив всякую предвзятость попытаться разобраться в конкретных данных памятников и, исходя из достаточно чётких теоретических понятий, постараться выяснить, что же представляло собой общество древнего Востока с точки зрения характера производства, производственных отношений и отношений собственности». *Дьяконов И. М. Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины*

классовому подходу к анализу общества даже не рассматривается, и, как мы видели, с помощью применения маркированной терминологии, любая альтернатива фактически изымается из исследования уже на раннем этапе.

В итоге Гельб в своих подходах оказывается более свободным от предрассудков, Дьяконов же целиком растворён в стереотипах марксистского мышления, и они гораздо серьезнее, чем просто система терминов, от которых, в конце концов, можно сравнительно быстро отказаться. Не случайно ведь понимание того, что наши представления о Востоке и Западе как о двух типах обществ есть чистой воды мифология привело Дьяконова лишь к старому (ещё довоенного времени) утверждению о принципиальном сходстве развития всех древних обществ, но не привело к переоценке всего того пласта исторической теории, который заставляет смотреть на античные общества (и их рабство) как на образцовые, а на восточные — как вторичные (в полном противоречии и с логикой, и с хронологией). Более того, Дьяконов на прекрасно изученном им материале постарался развеять самые тогда крепкие мифы о Востоке: о восточной деспотии и о храмовом государстве — то и другое ведь было как минимум полуправдой, общества Востока были сложнее организованы и с точки зрения форм собственности, и с точки зрения государственного устройства. Но уже переходя чуть дальше за пределы своих непосредственных интересов, обращаясь к сравнению обществ Ближнего Востока с античностью, Дьяконов ходит по грани стереотипов — он всё-таки явно верит, что в античных Греции и Риме существовало то самое пресловутое «классическое рабство»³³⁹. Точно так же Дьяконов, очевидно, слабо учитыва-

II тыс. до н. э. С. 24. О том, что это по сути поиск уже найденной истины, мы писали в первом очерке.

³³⁹ «Нормы рабского права Вавилонии в это время за всю её историю ближе всего к античным». Он же. Проблемы экономики... // ВДИ. 1968. № 4. С. 22. Получается, есть какие-то стандартные *античные* нормы рабского права (Законы Гортины, Законы Двенадцати Таблиц или «Институции Гая» — что из этого заслуживает

ет масштаб пересмотра классических теорий феодализма, происходивший в те же самые годы создания его «теоретических статей», когда он достаточно уверенно сравнивает древнее и средневековое общественные устройства. Наконец, и дьяконовская заявка на учёт социальной психологии может казаться свежей (хотя с начала 60-х гг. она была общим местом всех работ, претендующих на какую-то новизну исторического восприятия), но её конкретизация в виде представлений о религии средневекового общества как об идеологическом механизме удержания зависимых крестьян в узде, вошедшая и в «Пути истории» — один из ранних стереотипов советской историографии, причём откровенно примитивистский. Нет никакой уверенности даже в том, на Дьяконова сколько-нибудь существенно повлияли те новые исторические сочинения на Западе, которые в принципе развивали марксистские или близкие к ним идеи: книги Ф. Броделя (1902–1985), Э. Томпсона (1924–1993), И. Валлерстайна (род. 1930), Э. Геллнера (1925–1995)³⁴⁰.

Но главное — в этой системе, как можно увидеть, мысль о рабовладельческом характере древних обществ является далеко не ключевым звеном, она вторична, и сама эта терминология удерживалась в тактических целях. А вот другую идею Дьяконов защищал до конца. Это была идея о последовательном характере развития обществ (общества как такового), то есть, идея эволюции. В этом смысле слова его путь, действительно, был прямым, даже иногда слишком прямолинейным, как сама идея. И на этом пути у него точно были возможности свернуть: сложный характер прогресса он

быть нормой?), при этом не античность ближе к Вавилонии XVIII в. до н. э., а Вавилония словно бы ориентируется на ещё не наступившую античность.

³⁴⁰ См.: Kohl Ph. Foreword // *Early Antiquity*. P. XXI, n. 18 (Дьяконов при личном общении ответил Ф. Колю, что положительно оценивает опыт «анналистов»); Bentley J. H. Rev.: *The Paths of History*. By Igor M. Diakonoff (New York, Cambridge University Press, 1999) 355 p. \$ 54.95 cloth \$ 19.95 paper // *The Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 31. № 3 (Winter 2001). P. 430; Hosking G. Foreword // *Diakonoff I. M. The Paths of History*. P. X.

понимал всегда, а медленная эрозия рабовладельческой концепции вполне могла подтолкнуть его к осознанию натянутости самого принципа поступательного характера развития. И всё-таки, при всех оговорках, Дьяконов остался этому принципу верен — «Пути истории» манифестируют его в самом очевидном варианте³⁴¹.

Это был, следовательно, вполне осознанный выбор. Стадиальность исторического процесса оказалась для великого учёного базовой ценностью, и если смотреть на его творчество под этим углом, то мы можем заметить, что сама история для него раскрывается именно в понимании смены различных фаз и состояний. Они делают исторический процесс осмысленным, вносят в него элемент целенаправленности, даже некоторого целеполагания.

Конечно, эволюционизм вообще — далеко не уникальная характеристика ни Дьяконова как учёного, ни советской исторической науки; можно даже сказать, что это одна из базовых характеристик современного исторического знания (в том виде, в котором оно зародилось и развивалось в Европе с начала Нового времени). Но в дьяконовском (и шире — в советском) эволюционизме прослеживаются и более интересные черты, которые, собственно, делают этот эволюционизм марксистским: прогресс в этом понимании вы-

³⁴¹ Беспощадную, но в целом справедливую критику книги см.: *Толочко А. П.* Рец.: И. М. Дьяконов. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Восточная литература, 1994. 383 с. // *Археология*. 1995. № 4. С. 148–151. В принципе, зарубежные рецензенты формулировали ту же мысль: «Дьяконов осторожный и добросовестный исследователь с глубоким знанием древней истории, но его теоретическая попытка не выдерживает стандартов, установленных в его ранних аналитических работах». *Bentley J. H.* Op. cit. P. 430. Положительные оценки «Пути истории» дают И. К. Калимонов и Д. Е. Мартынов, но они оценивают работу Дьяконова в контексте сопоставления с ещё более абстрактными трудами К. Ясперса, О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби и др.: *Калимонов И. К., Мартынов Д. Е.* Фазовая теория И. М. Дьяконова: востоковедение и осмысление хода мировой истории // Учёные записки Казанского государственного университета. Т. 148. Кн. 4. С. 7–23. Мы благодарны Г. П. Мягкову за то, что он обратил наше внимание на последнюю статью.

зревает прежде всего, а по сути своей исключительно из внутренних сил общества.

Не случайно редактор английского перевода первой части «Истории древнего мира» отмечал, что построение книги «Ранняя древность» в принципе делает акцент на внутреннем развитии отдельных стран и народов и мало внимания уделяет их взаимодействию и взаимовлиянию³⁴². Конечно, в данном конкретном случае не стоит преувеличивать «изоляциялизм» отдельных лекций, но в целом, если говорить о научном творчестве Дьяконова, то желание всегда объяснить развитие и крушение общества именно из внутренних факторов, даже при недостаточности сведений, прослеживается безо всякого труда. Так, в становлении династии Аккада (XXIV–XXII вв. до н. э.) он видит не просто завоевание Саргоном шумерских номов, а предполагает, что население номов поддерживало его³⁴³ — видимо, потому что тоже понимало выгоды централизации и создания единой ирригационной сети, как это может сделать современный историк. Более того, Дьяконов мыслит Нижнюю Месопотамию как принципиально единую даже тогда, когда это единство ещё не было достигнуто: он полагает, что если бы в борьбе с Саргоном победили энси, то произошёл бы *«распад»* страны на отдельные “номовые” общины³⁴⁴ (*курсив мой* — С. К.) — но ведь страна ещё, собственно, и не знала никакой иной организации, чем нестабильный союз номов! Такое преимущественное внимание к внутренним факторам, к сожалению, предполагает мышление статическими категориями одной и той же «страны» resp. «государства»³⁴⁵. Тем более примечательно, что это пишет исследователь, ко-

³⁴² Kohl Ph. Foreword // Early Antiquity. P. XI.

³⁴³ История древнего мира. Ранняя древность / Под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1989. С. 74.

³⁴⁴ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия. С. 240.

³⁴⁵ Сходные оценки см.: Sherrat A. Rev.: Diakonoff I. M. (vol. ed.). Early Antiquity (project ed. Philip L. Kohl) trans. Alexander Kirjanov. XXIV, 461 pp., maps. Chicago,

торый в конце 50-х гг. вплотную подошёл к осознанию самоценности шумерского опыта раннего государства — ещё одна развилка, на которой можно было свернуть со столбовой дороги советской историографии.

Точно так же крушение двух первых централизованных монархий Месопотамии, аккадской (Саргониды) и шумеро-аккадской (III династия Ура) он объясняет неудачной внутренней политикой, хотя эти объяснения, при скудости наших источников, ничуть не менее убедительны, чем тот факт, что последним правителям обеих династий приходилось иметь дело с одновременным нападением на их границы с разных сторон³⁴⁶. В то же время такие тезисы, как твёрдая убеждённость историка в чрезмерной дороговизне и неэффективности бюрократической системы шумерско-аккадской династии, вообще говоря, основаны скорее на распространённом мнении (и на скрытом сопоставлении с советской плановой экономикой — чем не идеи К. А. Витфогеля!), чем на совокупности фактов. Недовольство масс своим положением как в саргоновскую, так и в шумеро-аккадскую эпохи не отражено в источниках (волнения на местах при Саргониде могут быть объяснены политическими, а не экономическими причинами), это вывод, сделанный на основании достаточно длинной цепочки размышлений — тем самым, нельзя сказать, что использование этого тезиса, в свою очередь, для объяснения причин падения двух указанных династий вполне корректно. Иными словами, версия о роптании зависимых слоёв населения

London: Univ. of Chicago Press, 1991. £ 39.95 // *Man*, New Series. Vol. 28. № 2 (Jun., 1993). P. 366; Kohl Ph. Foreword // *Early Antiquity*. P. XIX.

³⁴⁶ В третьем издании «Кембриджской истории древнего мира» этому фактору придаётся куда большее значение. *The Cambridge Ancient History*. Vol. I. Part 2. Cambridge, 2006. P. 455, 616 (первое издание — 1981 г.). Точно так же становление централизованной экономики (появление хозяйств, эксплуатирующих тех самых гурушей и нгеме) при Шульги (втором правителе III династии Ура) объясняется здесь необходимостью концентрации средств для проведения внешней экспансии: *Op. cit.* P. 601.

слишком слабо аргументирована, и если Дьяконов неоднократно повторяет её — то только потому, что для него самого она имеет особую ценность.

Наконец, трудно не привести ещё один пример, который выдаёт тенденциозность исследователя, и тем более значим, что имеет прямое отношение к нашему центральному вопросу. Отстаивая уместность применения термина «илоты» в качестве образной, но всё же адекватной замены понятию «подневольных людей рабского типа», историк замечает: «Тот факт, что различие между илотами и спартиатами было и этническое, и что сама илотия возникала как результат завоевания, — факт, не имеющий принципиального значения для экономики: важно социально-экономическое положение илотов, а оно весьма сходно с положением, скажем, хеттских “голов рабынь и рабов”»³⁴⁷. Здесь опять совершена плавная подмена: для экономики этот факт, действительно, вторичен, но для характеристики *социально-экономического* положения — вовсе нет. Этническое и социальное здесь увязаны напрямую, но для Дьяконова с его представлением о целостности общества всегда важно рассматривать дело так, как будто спартиаты и илоты — два социальных слоя внутри единого этноса, а не две этнические группы, из которых одна эксплуатирует другую. Получается, что вообще любые исторические факторы, которые нарушают эти представления о целостности анализируемого общества, его подчинённости только законам собственного развития, должны быть по возможности нивелированы. Более или менее Дьяконов признавал лишь влияние географического фактора.

И вот эти представления — они сущностно марксистские, при этом совершенно не имеет значения, употребляет автор марксистскую терминологию или избегает её, воспроизводит марксистские стереотипы или борется с ними.

³⁴⁷ Дьяконов И. М. Проблемы экономики... // ВДИ. 1968. № 4. С. 29.

Ведь марксизм, как мы пытались показать во вступительном очерке, это и есть поиск скрытых, неочевидных объяснений — потому-то советские авторы вообще, и Дьяконов в частности, никогда не придавали слишком большого значения вполне очевидному факту обмена технологиями и идеями в древнем мире³⁴⁸, и с ещё большим скепсисом относились к концепциям заимствования форм социальной и политической жизни. Дьяконов признаёт факт влияния более древних равнинных государств на нагорные области, проявившийся в сравнительно большой роли в этих областях жречества и храмов³⁴⁹, но в дальнейшем ходе его рассуждений эта оговорка не играет большой роли и даже создаётся ощущение, что она сделана лишь для того, чтобы спрятать одно из слабых мест общей концепции.

Справедлив поэтому и другой упрек: советские авторы могли дать убедительную общую характеристику страны или региона на том или ином этапе развития, но гораздо менее удачным было объяснение того, как и почему происходил переход от одного этапа к другому³⁵⁰ — тут чаще всего теория не справлялась с фактами, потому что их нужно было не просто фиксировать, а рассматривать «в движении». Поэтому советские историки обычно могли показать результаты общественного прогресса, но сталкивались с трудностями, как только пробовали показать его ход.

³⁴⁸ Дьяконов написал ряд статей в жанре расширенной рецензии-размышления над той или иной прочитанной работой другого автора, но, понятное дело, писал такого рода статьи не про всякую работу, показавшуюся ему интересной. Так, он посвятил большую статью книге «Арийцы на Ближнем Востоке» (1968), написанной А. Камменхубер (1922–1995) — возможно, не в последнюю очередь потому, что в книге показывалось, насколько малым было арийское влияние на хурритов и утверждалось, что лёгкая ближневосточная колесница не была принесена арийским племенем, ставшим во главе государства Митанни. Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (к методике исследования исчезнувших языков) // ВДИ. 1970. № 4. С. 39–63.

³⁴⁹ Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи»: проблемы типологии // ВДИ. 1982. № 2. С. 5.

³⁵⁰ Ср.: Kohl Ph. Foreword // Early Antiquity. P. XVII.

И здесь «подкованность» в марксистской социологической теории начинала работать против самых ярких её адептов. Парадоксальным образом советский марксизм инициировал невероятную напряжённость исследовательской мысли, обращённой к анализу вопросов социально-экономической истории, но он же поставил те пределы, натолкнувшись на которые, мысль была вынуждена постоянно ходить по одному и тому же порочному кругу непробиваемой, железобетонной терминологии. Что же касается борьбы со стереотипами, то сама по себе она скорее укрепляет систему, чем меняет её. Одно дело — бороться со стереотипами, едко высмеивать их с высоты кафедры или убедительно развенчивать со страниц научных статей, и совсем другое — постараться построить мировидение, где такого рода стереотипы не будут возникать вовсе. Первое часто становится модной интеллектуальной забавой, второе — всегда риск и труд, результаты которого обычно горячо отвергают современники и бесстрастно препарируют потомки. Но заслуживают особенного уважения те историки, которые ставили на карту свой научный вес и достижения в сфере изучения конкретных фактов, пытаясь решить старую гуманитарную квадратуру круга — очертить закономерности исторического развития.

В случае с И. М. Дьяконовым речь должна идти о тех же самых особенностях восприятия истории, но с одним важным уточнением — это был особенно талантливый исследователь, чья научная деятельность характеризовалась огромной интенсивностью. Безо всякого сомнения, Дьяконов — не самый плодовитый из ассириологов, лучшие из которых, вообще говоря, обладали недюжинной работоспособностью. И хотя количество и объём созданного им велики, в данном случае количественные характеристики отступают перед качественными. Работы Дьяконова отличаются глубиной и одновременно лёгкостью постижения сложного, противоречивого и фрагментированного материала, богатством интерпретаций, единством обобщающей мысли и разнообразием исследовательских тем, всегда приводимых к общему знаменателю. Поэтому

в его творчестве все тенденции, достижения и тупики советской исторической мысли проявились с особенной остротой и даже драматизмом. И в этом отношении он сходен с многими, но и отличается от них. При всём уважении к творческому пути Ю. И. Семёнова, трудно представить, чтобы его теоретическая эпопея, основанная часто на исключительно умозрительном рассмотрении источников, взятых из вторых рук, могла действительно тронуть историка исторической науки. Это научная биография, сходная с рассказом о жизни штабного деятеля, который почти всегда воевал по картам местности, нередко принимая ошибки картографа за реальные особенности рельефа. История Дьяконова — история с передовой исторической науки. Исход этой истории, на наш взгляд, неоднозначен, а для того, чтобы попробовать оценить его в контексте отечественной и мировой историографии, мы предлагаем читателю обратиться к заключению.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОЧЕРК 1

Введение. Язык советской историографии

ОЧЕРК 2

Магия предисловий

ОЧЕРК 3

Техника рецензирования

ОЧЕРК 4

Спрятанная наука

ОЧЕРК 5

Эффекты искажения

ОЧЕРК 6

Пути историка

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для того чтобы подводить итоги исследованию, не скатываясь к перечислению уже и так доступных читателю выводов, необходимо поговорить о сущностных вещах, о больших абстракциях. По определению, такой разговор не может быть долгим — иначе будет легко запутаться в тенях прошлого. Тем не менее, он необходим.

Однако, будучи тесно связанными с конкретным материалом, мы позволим себе говорить об общих вещах, приводя некоторые частные примеры.

В 1993 г. И. М. Дьяконов сочувственно процитировал слова американского антрополога Ф. Коля: «На Западе существует тенденция отвергать советские работы — по незнанию (по неумению читать по-русски) — как догматичные и неинтересные. Такое осуждение не только невежественно, но и парадоксально: как могла бы столь отсталая теория породить столь высококачественную научную продукцию?». Противоречие же здесь в том, что в это время сам Дьяконов уже расстаётся с марксизмом. Конечно, отрицать что-либо и одновременно гордиться этим — это очень по-русски, но дело в другом. Получается, советские историки сами не могли понять, достигли они своих успехов благодаря или вопреки теории.

Соответственно, у истории исторической науки есть два лёгких объяснения советского периода. В советское время абсолютно превалировало то, согласно которому именно принятие единственно научного учения предопределило все успехи советских учёных. А в современной отечественной историографии, напротив, закрепилось мнение о пассивно-страдательном характере советской исторической науки. Мы знаем, что государство в России всегда играло заметную роль во всех сферах общественной жизни; периоды

государственной силы от периодов слабости отличались только тем, что государство претендовало на ведущую роль в этой жизни более или менее активно — о том, чтобы отступить немного вглубь сцены, оно не думало никогда. Именно поэтому наука всегда была соотнесена с интересами государственной власти, а поскольку советский период знаменовался особой настойчивостью власти в проведении своих интересов (и, пожалуй, особой опасностью для жизни и здоровья неугодных интеллектуалов), то и науку этого времени обычно считают от макушки до пяток возвращенной под государственным влиянием.

Отсюда получается простая, но внешне убедительная схема бытования советской историографии: государство (обычно тут пишут абстрактно-всеохватное слово «власть») предстаёт в роли монстра-кукловода, дёргающего за ниточки (иногда очень длинные и хитроумно сплетённые) историков и разыгрывающего спектакль подобострастия на фоне всегда одинаковых декораций; иногда оно меняет недостаточно покорных кукол на другие, иногда может немного изменить сценарий — но в целом коварно и беспощадно. Историки же предстают в роли тех самых кукол, в массе своей одинаковых, но из общего числа всегда выделяются наиболее смелые, которым удаётся — обычно тоже путём хитроумных комбинаций — отстоять хотя бы относительную чистоту исторического исследования. Нужно сказать, что сейчас, на волне публикации воспоминаний советских историков, стала даже проявляться тенденция к тому, чтобы всех главных героев исследований отнести к числу «борцов» с абстрактной властью за «чистоту» научного знания, противопоставив им для полноты картины нескольких ходульных злодеев. Отсюда, кстати, и специфика мемуарного жанра в современной России, приближающегося по своей стилистике к агиографии.

Эта схема кажется нам в основных своих чертах мифологической, и для подтверждения этого взгляда нетрудно найти большое количество чисто умозрительных аргументов вроде того, что большинство историков как раз не подпадает под определение безликой

толпы — когда обращаешься к воспоминаниям или конкретным судьбам, то всякий раз оказывается, что даже самый лояльный власти исследователь отличался и собственным к ней отношением, и своим (иногда более, иногда менее особенным) видением марксизма, и много чем ещё. «Гений и толпа» — это лишь мифологема, в реальности всё оказывается сложнее и гениями, и с толпой.

Не менее важно и другое: несмотря на все свои индивидуальные расхождения с общеобязательной теорией, советские исследователи всё-таки воспринимали эту теорию как легитимную, и хотя считали отдельные случаи давления со стороны «властей» перегибами, в целом признавали за ними это право. Этому должно быть более серьёзное объяснение, чем обычный страх перед наказанием или сугубый конформизм сознания — готовность верить в то, что тебе внушали. Попробуем рассмотреть это на конкретном примере.

Вернёмся снова к публикации в СССР работы В. В. Тарна «Эллинистическая цивилизация» — в том числе потому что, в символическом смысле, она была очень важна. Перевод книги Тарна — первая обобщающая работа по эллинизму на русском языке, посмертное издание книги А. Б. Рановича об эллинизме вышло позже. Конечно, и разрыв был небольшой, и вряд ли это имело какое-то принципиальное значение, но факт остаётся фактом, и символы сами по себе не так мало стоят. Вот, например, стереотипное представление о советской историографии предполагает, что она была роковым образом оторвана от мировой исторической науки и очень сильно замкнутой — от того и все её беды. В нашей книге мы старались показать, что причины специфического положения советской науки были не совсем в этом, а скорее всего — совсем не в этом.

Как мы знаем, слова Тарна о том, что «эллинизм — это просто удобная этикетка», вызывали крайнее неодобрение советских авторов, иллюстрирующих ими вырождение западной науки. Но уже в самом переводе скрыто небольшое смещение смысла: Тарн использует слово *label*, которое, по крайней мере, сегодня, можно было бы

перевести как «знак» или «бирка». Иными словами, английский историк пишет примерно о том, что уже было к тому времени достаточно энергично выражено М. Вебером: реальность сложна, а любой термин — лишь условное её обозначение, он не связан с реальностью имманентно, он привешен нами (в данном конкретном случае — придуман И. Г. Дройзеном). То, что Тарн называет свою работу, используя этот самый термин, означает не его бессилие предложить что-то ещё (придумать другой термин или два — и так до бесконечности), а его понимание, что парад дефиниций тут неуместен — мы неизбежно ограничены и своим языком, и своим пониманием, и нужно научиться работать с тем что есть и не забывать об ограниченности своего знания³⁵¹. Пытаться познавать прошлое, а не свои слова о прошлом.

То, что советские историки столь явно не понимают того, о чём пишет Тарн, принимая его оговорки об ограниченности нашего знания за признание ограниченности буржуазного мышления, может создать ощущение роковой отсталости отечественной исторической науки — по крайней мере, в сфере методологии. И это будет, на наш взгляд, ещё одной стереотипной ошибкой в определении характера советской науки. Конечно, многие знают, что становление А. Я. Гуревича как *особенного* историка средних веков, практически самостоятельно открывшего исследования ментальности средневекового человека, начиналось с чтения М. Вебера — из этого легко сделать вывод, что Вебер советской наукой был прочитан только в 60–70-е гг. Но Вебер был прочитан уже давно: его тщательно изучал не только А. И. Данилов — антипод Гуревича, но их общий учитель А. И. Неусыхин — ещё в 20-е гг. И в 20-е гг. о Вебере писал антиковед А. И. Тюменев в своих теоретических

³⁵¹ См. Tarn W. W. Hellenistic Civilization. L., 1966. P. 2: «no general definition will cover it all». То же слово label и с той же целью употребляет и М. Финли, когда рассуждает о границах применения понятия «город-государство». Finley M. I. Politics in the Ancient World. Cambridge, 1983. P. 12.

работах, анализировал, опровергал и отвергал Вебера. Можно, конечно, заявить, что Тюменев понимал Вебера слишком примитивно — но это уже оценочный подход, основные положения веберовской теории Тюменев, конечно, вполне был в состоянии понять, и отвергал их не потому что плохо знал и не потому, что был недостаточно интеллектуально зрел для них. Заметим в скобках и то, что настоящее влияние на западную науку о древности Вебер оказал только после того, как в неё вошёл М. Финли — а это практически то же время, на которое падает становление Гуревича как крупного историка.

Иными словами, дело не в отсталости и не в незнании. Вся суть — в иных установках. Не случайно советская историческая наука отличалась высоким уровнем рефлексии и умением строить теории — в варианте «Истории древнего мира», созданной под руководством И. М. Дьяконова, это было оценено и на Западе. Конечно, Дьяконов 80-х гг. — это поздний советский марксизм, во многом основанный на отвержении и переосмыслении прежних установок, но это тоже означает, что он рождён этими установками. Советские учёные штурмовали небо, они напрямую шли к постижению настоящей истины, не опосредованной, не абстрактной, а абсолютной, материальной, действенной. Это была достаточно смелая и рискованная интеллектуальная авантюра, она требовала преданности, и поэтому почти ритуальной чистоты в отношении «нечистых» буржуазных теорий. Знание о последних, необходимое и даже обязательное, всегда получало в советской историографии своеобразную форму представления: оно рассыпалось на разрозненные осколки, которые собирались воедино лишь «конъюнктурными» скрепами — размышлениями об общей эволюции буржуазной историографии, которая в целом шла за эволюцией (вернее, за упадком) западного общества. Поэтому, хотя вклад зарубежных учёных в отдельных сферах мог оцениваться достаточно высоко, в целом многие советские исследователи были убеждены в превосходстве своего метода и своей науки.

Сейчас этот рывок к чистой истине обычно оценивается как величайшее заблуждение в методологии науки. Догматизм советских историков тоже стал притчей во языцех — и эти обвинения небеспочвенны. Но если бы всё сводилось к этому, тогда мы бы должны были наблюдать грандиозный крах советской науки и её вырождение уже в послесталинский период. Но это совсем не так: советские учёные, окончательно запутавшись в свойствах собственной метатеории, при этом достигли значимых успехов в конкретных темах. Острое чувство теоретической рефлексии давало огромные возможности для трансформации исторических теорий и концепций, и причина того, что трансформация в итоге привела к катастрофе, на наш взгляд, лежит совсем не в этом романтически безоглядном поиске истины, не в методологии самой по себе, а в постоянном, навязчивом, неотступном влиянии «внешнего фактора» — тщательном внимании политической системы к любому проявлению свободомыслия. Очень трудно верить из-под палки даже в то, во что ты действительно веришь; с этим легко справляются посредствомности, но таланту нужна свобода. Даже если ты признал право на направляющую роль извне, это всё равно не увеличивает твоей свободы. Советская наука была слишком тесно связана с идеологией, и канал этой связи имел практически всегда одно направление. Поэтому наука могла погибнуть при крахе идеологии, но практически никак не могла помочь идеологии обновиться и спасти себя. Более того, наука постепенно теряла шансы и самообновиться, привыкая к контролю, к приспособлению под заранее навязанные мнения. Не случайно ранние постсоветские работы написаны их авторами точно так же, как и советские их труды: только теперь они послушно (хотя, конечно, в чём-то тоже искренне) критикуют марксизм вместо буржуазной историографии.

Именно поэтому мы вынуждены говорить несколько в парадоксальном стиле: советская наука о древности не уменьшала, а увеличивала свою вовлечённость в мировую историческую науку, качество исследований не понижалось, а повышалось, знание

о советских исследованиях за рубежом росло, советская историография имела внутренние ресурсы для того, чтобы трансформировать свою теорию, но при этом — была обречена на крах вместе с падением системы.

Зарубежная наука о древности влияла на советскую гораздо больше, чем это признавали в СССР, и гораздо больше, чем советская наука влияла на зарубежных авторов. Но даже в том ограниченном виде, в котором это влияние проявлялось, можно увидеть положительные черты. Советская наука опиралась на медленно меняющуюся и потому всегда старомодную теорию, но она при этом провоцировала учёных на известную ответственность. Открытость высказывания мнений имеет ту опасность, что сенсационные идеи ценятся больше, чем глубокие. Западная склонность популяризовать историю через аналогии (сопоставления явлений прошлой и современной жизни) порождает свою сетку стереотипов, не менее затрудняющих восприятие, чем другие, а иногда такие сопоставления делают безо всякой нужды — просто потому что принято. Так что советская осторожность с «модернизацией» рождала перспективу понимания прошлого не через сближение с настоящим, а через отделение от него. Потенциал этот был лишь частично реализован С. А. Аверинцевым и М. Л. Гаспаровым, в том числе в постсоветское время, но не дал тех долгосрочных результатов, на которые можно было бы рассчитывать.

Наконец, исследование минувшей интеллектуальной эпохи всегда должно осознавать свою связь с современностью. Тем более это уместно, когда речь идёт о связи между советской и современной историографией. Мы считаем нужным сделать в связи с этим несколько замечаний.

Прежде всего, после крушения Советского Союза отечественные историки оказались вольны выбирать любую методологию для своей научной работы — даже в рамках одного научного коллектива могли уживаться теперь разные воззрения. В настоящее время это породило три поведенческих сценария: одни исследователи

ушли целиком в конкретную работу по определённой теме, принципиально избегая методологических споров и воспроизводя примерно позитивистские установки строгой научности, другие — предпочли сберегать и развивать наследие марксизма (понимаемого с разной степенью ортодоксальности), а третьи — заимствовать новейшие методологические идеи (или то, что кажется таковыми) зарубежных учёных и делать себе славу на активном внедрении в научный жаргон малоизвестных слов. Иначе говоря, одни делают вид, что всё ещё существует Российская империя, вторые — Советский Союз, а третьи — будто всех их никогда и не было. Вряд ли стоит пояснять, что те, другие и третьи хотят, но не могут неотрывно следовать за своими призраками — что выдаёт пародийный (правда, ничего весёлого в этом нет) характер найденных выходов из ситуации.

Читатель может ожидать от авторов, что они сейчас, как заправские фокусники, вынут из рукава правильный и взвешенный ответ, хотя бы и такой банальный, который бы призывал взять всё хорошее от названных трёх вариантов и, соответственно, отбросить всё плохое. Но у нас нет ответа. Мы можем только заметить, что все три сценария на самом деле восходят к советской же традиции — и в ней уже существовали все эти три типа учёных. То есть, мы почти никуда не сдвинулись за все эти годы. До сих пор, несмотря на ряд попыток, отечественная историческая наука не выработала собственной идентичности, соответствующей современному её состоянию, а ведь прошло уже четверть века. И лучше нашему учёному сообществу постараться самому решить эту проблему в результате свободной и широкой дискуссии до того, как ему снова попробуют навязать решение со стороны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Периодизация развития советской науки о древности

Ниже предложена лишь одна из версий периодизации, разработанная авторами книги и опирающаяся на их собственные исследования. Существуют и другие версии, обсуждение и сравнение которых, однако, — отдельная тема.

1920-е гг. — время сосуществования «старой» и «новой» наук, обусловленное складыванием советского марксистского канона; период относительной открытости в выработке моделей исследования; широкое использование достижений «буржуазных» историков в разработках советских исследователей.

конец 1920-х – 1930-е гг. — преодоление плюрализма предшествующего периода и формирование сталинского образа советской науки, приобретшей статус подлинно марксистской; институциональное оформление советской исторической науки (в сфере древности: появление академических и вузовских учреждений, специализирующихся на изучении древней истории, открытие профильного журнала — «Вестника древней истории»).

1940-е – конец 1950-х гг. — обретение советской историографией древности «классического» образа: утверждение «классических» канонов в изучении отдельных сюжетов, приобретение отдельными историками (А. Б. Ранович, А. В. Мишулин, С. И. Ковалев и др.) статуса «классиков»; появление обобщающих работ (I и II-тома «Всемирной истории»), выражающих достигнутое согласие в советской науке по ряду вопросов.

конец 1950-х – 1960-е гг. — отказ от наиболее одиозных положений советского марксистского канона в области древней истории, теоретико-методологические поиски советских исследователей, в основном в направлении поиска «утраченных корней» марксизма, интенсивные дискуссии по ряду наиболее сложных проблем истории древнего общества.

1970-е – 1980-е гг. — на фоне стагнации научных дискуссий — поиски «на гранях» официальной версии советского марксизма, пристальное внимание к разработкам западных исследователей, их ограниченное использование в отечественных работах; рост внимания к доселе «периферийным» темам: культурная история, история повседневности, новые аспекты истории религий.

начало 90-х – середина 2000-х гг. — постсоветский этап, характеризующийся использованием и перекодированием отдельных идей, избирательным и часто неотрефлексированным применением принципов работы и научных стереотипов, выработанных на предыдущих этапах.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Основная терминология советской историографии древности

Азиатский способ производства — понятие марксистской теории, изначально употреблявшееся в основном в черновых работах Маркса. Одно из многочисленных рабочих понятий Маркса, которое не было им полноценно разработано, и спорадически использовалось на позднем этапе научного творчества. О том, какие страны и исторические эпохи сам Маркс относил к «азиатским», нет единого мнения: так, Г. Комороци отмечал (1979), что речь идёт в основном о Турции и Индии XVII–XIX вв., а Л. Б. Алаев (2009) — о предгосударственном этапе развития восточных обществ. Маркс, базируясь на источниках, описывавших в основном позднесредневековую и современную ему Индию, предположил наличие на Востоке существовавшей с самой зари цивилизации некой замкнутой водно-земельной общины, которая номинально получает свою землю во владение от верховного собственника — «объединяющего единого начала»; совокупность общин обеспечивает функционирование оросительной системы в целом благодаря направляющей роли бюрократического аппарата, представители которого получают от общин долю продукта в виде ренты. Идея эта, имевшая все шан-

сы быть забытой, вызвала интерес в марксистской среде по той же причине, по которой её отложил в долгий ящик сам автор: историческая теория марксизма изначально создавалась на материале европейской истории с несистематическим привлечением материала из других регионов. Как только марксисты стали всерьёз конструировать именно мировую историю, им потребовалось объяснить тот материал, который мало совпадал с европейским. В Советском Союзе состоялось две дискуссии об «азиатском способе производства»: дискуссия 20–30-х гг. проходила на этапе, когда историки пытались сформировать каноническую версию марксизма и не было ясно, войдёт ли в неё «азиатская формация», дискуссия 60-х гг. (в широком смысле — середины 50-х гг. — до начала 80-х гг.) — в условиях, когда многие советские историки пытались пересмотреть сложившийся канон, и «азиатский способ производства» помогал это сделать, апеллируя к самому Марксу. В обоих случаях позиции противников введения этого понятия в круг основных победили, правда, с разными последствиями и с разной степенью фиксации победы.

Общественно-экономическая формация — общее и центральное понятие для советской исторической науки вообще; собственно, весь марксизм в историческом измерении иногда прямо называли «теорией формаций». Как известно, под формацией обычно понимается стадия общественного развития, при которой определённому уровню производительных сил соответствует уровень производственных отношений; этому «базису» соответствует определённый тип «надстройки» — политики, культуры. Учитывая общность используемых терминов — в частности, «формация» родом из геологии — нет ничего удивительного в том, что Маркс иногда мог понимать формации и в более широком смысле, как включающие в себя несколько способов производства (1859): «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации». Соответственно,

первой формацией была бесклассовая, второй — экономическая (человеческая предыстория, по Марксу), третьей — новое (грядущее) бесклассовое общество, но уже в условиях технической развитости. В СССР в 30-е гг., по ряду причин, устанавливается другая схема из пяти общественно-экономических формаций (доклассовое общество первобытности, рабовладельческое общество в древности, феодальное общество в средние века, капитализм Нового времени и неизбежное становление бесклассового общества в современности). Как писал в 1978 г. Г. Комороци: «Из исторических представлений Маркса — точнее из их части — И. В. Сталин в итоге развил концепцию, которой было предназначено или за которой подразумевалось универсальное применение, и в конечном счёте он канонизировал число и порядок преемственности “формаций” в рамках формационной теории». Правда, в «Истории ВКП (б). Краткий курс» (1938) было использовано не понятие «формации», а понятие «строя» (в общем, это упрощённый вариант перевода): первобытно-общинный строй, рабовладельческий строй и т. д. Чаще всего в отечественной литературе (от самой серьёзной до школьной) «теорию формаций» критикуют за то, что в ней сделан акцент на экономике, которая обычно понимается как процесс, зависимый прежде всего от прогресса технологий, и за линейность исторического восприятия, которая недостаточно учитывает разнообразие региональных путей развития. По сути дела, первый упрёк сводится к тому, что Маркс был Марксом (т. е., экономистом), второй — к тому, что он был человеком XIX в. В любом случае, для советской историографии более продуктивно было бы говорить о другой проблеме применения теории формаций: объявленный в ней примат экономического в действительности всегда уступает примату социального — советскому историку всегда было легче проиллюстрировать историческими примерами борьбу классов, а вот связь между развитием орудий труда и общественным прогрессом обычно формулировалась скороговоркой. Именно поэтому советские историки создали не так уж и много чисто экономических штудий, осо-

бенно если учитывать качественные работы. Тем самым, теория формаций фактически не выполнила собственной заявки на проделанную работу, а глубинные проблемы выделения и типологии формаций, их развития и гибели были спрятаны за ширмой словесных ухищрений и схоластической системы доказательств, при которой одни теоретические положения доказывались на основе других теоретических же положений, а факты служили лишь мишурой, которая прикрывала швы неудачного пошива.

Община — одно из важнейших понятий для исторической теории марксизма, по сути дела одна из основ анализа любого традиционного (докапиталистического) общества. Под общиной в самом приблизительном видении понималось объединение жителей определённой территории (земледельцев по преимуществу), связанных целостностью хозяйственных процессов (впрочем, тот же И. Е. Гельб давал примерно такое же определение); этот и ряд других внутренних и внешних факторов делали затруднительным или даже практически невозможным выживание членов общества вне такого рода организации. В классической теории марксизма выделялись две основных разновидности общины: кровнородственная и соседская, которые выстраивались в эволюционной последовательности. Если кровнородственная община предполагала единство имущества её членов и соответствовала позднему этапу развития первобытного общества, то в соседской существуют отдельные семьи, обладающие выделенной собственностью, которые связаны с соседями правами и обязанностями общего проживания, но уже относятся к их имуществу как к постороннему. Соответственно, этап соседской общины понимался первоначально как стадия укрепления индивидуальных семей, создававших основы для рождения частной собственности, а значит, и возможности для социального расслоения и эксплуатации богатыми обедневших соседей. Это представление, в свою очередь, служило важным звеном в теории возникновения государства, восходящей ещё к Энгельсу. В более поздние эпохи, согласно этой точке зрения, община уже играла

роль посредника между внешним миром (государством, феодальным сеньором) и крестьянскими хозяйствами. На разности азиатской, античной и германской общины Маркс в своё время построил теорию разных типов докапиталистических общественных отношений (см. *Азиатский способ производства*). В процессе исследования древнейших периодов исторического развития стали известны примеры, когда кровнородственная и соседская общины не могли рассматриваться как противостоящие стадии: например, И. М. Дьяконов полагал, что шумерская община является одновременно и кровнородственной, и соседской. Наконец, далеко не для всех эпох истории мировых цивилизаций можно было убедительно доказать наличие общинной организации, хотя советские авторы прилагали к этому немалые усилия: так, наличие общинного устройства не идентифицируется в историческом Египте, сложные формы принимала и организация земледельцев во многих областях Древней Греции. Вообще, преемственный переход от кровнородственной общины к соседской как одна из основ марксистского исторического эволюционизма, оказалось очень тяжело убедительно проиллюстрировать именно как всемирно-историческую стадию развития всех ранних обществ.

Рабовладельческая общественно-экономическая формация — понятие, которое утвердилось в советских социальных науках начиная с 30-х гг. в качестве одного из этапов всемирно-исторического развития. Само понятие возводилось к Марксу, но это была в значительной мере фикция, поскольку Маркс предпочитал говорить об античном обществе и об античной формации, при характеристике которых часто не делал акцента на рабовладении. Рабовладение в древнем мире подразделялось обычно на два типа: менее развитый патриархальный (раб как младший член семьи) и классический (раб как вещь). Первоначально была сильна тенденция рассматривать древние общества как такие, которые были в подавляющем большинстве построены на эксплуатации рабов — по крайней мере, в период своего расцвета. Последовательное же

изучение самих этих обществ указывало на постоянные исключения из этого правила. Таким образом, советская наука постепенно пришла к мнению, что общество следует называть рабовладельческим не тогда, когда в нём основную часть богатства производят рабы, а когда отношение к эксплуатируемым классам (зависимым работникам разных категорий) строится по образцу отношения к рабам. Эти представления постепенно превратили идею рабовладельческой формации в достаточно аморфное понятие, и поэтому на уровне школьного и непрофильного вузовского преподавания сохранялись прежние стереотипы, — как, в принципе, и в настоящее время.

Революция рабов — словосочетание, впервые прозвучавшее в выступлении Сталина (февраль 1933 г.) в контексте исторического пассажа о падении рабовладельческого строя. Судя по всему, никогда не планировалось самим автором в качестве нормативного для исследователей древности, но было быстро воспринято и воспроизведено ими в атмосфере утверждавшегося культа вождя. Большую роль в утверждении высказывания сыграли А. В. Мишулин, С. И. Ковалёв. Точного определения концепту так и не было дано, в основном превалировали два понимания: образная трактовка, подразумевающая нарастание социальных волнений в поздней античности и конкретно-историческая трактовка, опирающаяся на выделение этапов «революции рабов», перемежающихся временными победами класса рабовладельцев. Бесспорно, «революция рабов» тесно коррелировала со столь важной для марксистской теории и идеологии понятием, как социальная революция. Проблема же заключалась в том, что революция как переход от одной формации к другой предполагала наличие класса-гегемона, причём этот класс становился ведущим в новой формации: так, буржуазная революция послужила переходом от феодализма к капитализму — царству буржуазии, точно так же пролетарская революция позволила пролетариату (для начала — в отдельно взятой стране) совершить переход от капитализма к социализму. В случае с «революцией рабов»

было совершенно очевидно, что классом-гегемоном не могли быть рабы, но тем более не подходили на эту роль ещё не появившиеся феодалы. Это заставляло рисовать очень расплывчатую картину революции — без класса-гегемона, с непонятной последовательностью событий, с общей гибелью существовавших классов. Запутанность определений сочеталась и с тем, что власть не подавала никаких знаков заинтересованности в употреблении концепта. Понятие более или менее активно употреблялось в течение примерно двадцати лет, часто в вариации «революция рабов и колонов», во второй половине 50-х гг. стало считаться устаревшим и даже одиозным. Тем не менее оно сыграло немалую роль в утверждении взглядов на древнее общество как на рабовладельческое, и в особом акценте на историю классовый борьбы в античности.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Биографический словарь. Исследователи древности

Цель данного словаря заключается в том, чтобы дать читателю более подробное представление о тех исследователях, которые только мельком упоминались в основном тексте книги, но без знания биографии которых картина была бы существенно фрагментированной. В основном в словарики попали историки, но также некоторое количество социологов, историков науки, философов и богословов, практикующих использование исторического инструментария применительно к сюжетам раннехристианской истории. К сожалению, на русском языке до сих пор нет настоящих словарей об историках по типу «Кто есть кто в исторической науке».

Авдиев Всеволод Игоревич (1898–1978) — советский исследователь-египтолог, основная тема — внешняя политика Египта периода Нового царства. Автор учебных изданий по истории Древнего Востока; один из наиболее активных сторонников «официальной» версии рабовладельческого общества. Вузовский учебник по истории Древнего Востока (наиболее известна версия 1970 г.) фак-

тически был основным в СССР в период с середины 50-х гг. до конца 70-х гг.

Альфари́к Проспе́р (1876–1955) — французский исследователь, специалист в области истории религий. Добровольно оставил сан и принял решение изучать историю раннего христианства с рационалистических позиций. В 20–30-е гг. принимал участие в дискуссии об историчности Иисуса Христа, доказывая, что основателя христианства никогда не было в действительности. Общая реконструкция проблемы происхождения христианства в интерпретации Альфари́ка была связана с поисками корней новой религии в социально-политической и религиозной обстановке различных областей Римской империи.

Бауэ́р Бруно́ (1809–1882) — немецкий протестантский философ, теолог, исследователь раннего христианства. Автор «внепалестинской» теории происхождения христианства и сторонник концепции мифичности Иисуса Христа. В своих выводах опирался на гиперкритический подход к прочтению новозаветных текстов, которые рассматривались им как литературный продукт эпохи, лишенный достоверной исторической составляющей.

Берле́в Олег Дми́триевич (1933–2000) — египтолог, основная тема исследований — общественные отношения эпохи Среднего царства. В двух связанных между собой монографиях — «Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства» (1972) и «Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. Социальный слой “царских mww”» (1978) — на огромном материале источников выяснил положение основного трудящегося населения, зависимых работников.

Бюхе́р Ка́рл (1847–1930) — немецкий экономист, историк экономики. Бюхер разделял воззрения К. Родберту́са (1805–1875) касательно трёх этапов развития европейской экономики: домашнего (ойкосного), городского и народного. Древний мир, по его мнению, относился к периоду превалирования замкнутых самообеспечивающихся ойкосных хозяйств, чья потребность в товарах с рынка

была минимальной. Бюхер не отрицал известного развития торговых отношений в древности (та же торговля предметами роскоши), но полагал, что эти отношения не могут считаться системной характеристикой древней экономики, так как носили вторичный характер. Он справедливо критиковал чрезмерное доверие к количественным данным, приводимым в античных источниках, поскольку они не основывались на научной статистике. Наиболее подробно взгляды Бюхера были выражены в его книге «Возникновение народного хозяйства» (1893) и ряде полемических работ. Высказанная точка зрения вызвала яростную критику со стороны Э. Мейера, что послужило началом долгой дискуссии о сущности древней экономики (позже названной спором «примитивистов» и «модернистов»). Что касается марксистской экономической истории, то с ней у Бюхера есть ряд совпадений, но между ними лежит принципиальное различие в целях обобщений и в терминологии.

Васильев Леонид Сергеевич (род. 1930) — китаевед, историк религии. В дискуссии 60-х гг. об азиатском способе производства (См. Приложение 2) выступал с позиций пересмотра сложившейся в СССР исторической концепции. Предложил концепцию «власть-собственности». В постсоветское время в авторском учебнике «История Востока» (1994) был одним из первых, кто системно обозначил те моменты, которые не устраивали самих советских историков в «официальной» версии теории исторического процесса. Постулировал методологический разрыв с марксизмом, как и И. М. Дьяконов, сохранив значительную часть специфически марксистских методов. Впоследствии постарался создать собственную концепцию мировой истории, в которой западный путь развития предстаёт не как образец, а как искажение общей тенденции.

Вебер Макс (1864–1920) — немецкий социолог. В России в 20-е гг. пользовался большой популярностью перевод «Аграрной истории древнего мира» (1909) — работы интересной, но во многом построенной на материале, взятом из вторых рук. В своих взглядах на древнюю экономику Вебер придерживался позиций,

близких воззрениям К. Бюхера. В ранний период советской историографии методология Вебера пользовалась известным вниманием: её изучал крупный медиевист Д. М. Петрушевский (1863–1942), её критике с марксистских позиций посвятил работу А. И. Тюменев. Но в целом, веберовские идеи, касающиеся возможностей исследования исторических сообществ, вызвали интерес в кругу историков с некоторым запозданием. Так, уже в послевоенную эпоху Вебер интересовал таких выдающихся историков древности, как И. Е. Гельб и М. Финли.

Виннер Роберт Юрьевич (1859–1954) — историк, занимавшийся широким кругом вопросов древней, средневековой и новой истории, автор дореволюционных учебников по истории древнего мира, переиздававшихся в 1920–1930-е гг. в СССР. Наряду с А. Б. Рановичем один из главных создателей «канонической» версии истории раннего христианства в СССР, хотя его взгляды, сформированные в 1910-е гг. на волне нового открытия компаративизма, не вполне укладывались в советскую схему.

Витфогель Карл Август (1896–1988) — немецкий и американский социолог. В молодости — коммунист, член Коммунистической партии Германии, в 1933–1934 гг. оказался в нацистском концентрационном лагере. После пакта Молотова-Риббентропа разочаровался в коммунизме и стал последовательным критиком тоталитарных режимов. Наиболее известная работа — «Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти» (1957), в которой проведено сопоставление между восточными деспотиями и коммунистическим режимом в Советском Союзе. При этом историческая ценность труда Витфогеля резко снижена из-за тенденции к доказательству уже принятой теории — иными словами, Витфогель по-прежнему остаётся марксистом, только критикующим Советский Союз.

Гиньебер Шарль (1867–1939) — французский исследователь раннего христианства, ученик Ш. Ланглуа. Подходил к раннехристианской истории исключительно с позиций светской историче-

ской науки. В 20–30-е гг. противостоял выводам «мифологической школы» и предостерегал от чрезмерного увлечения методологией сравнительного религиоведения. Среди наиболее известных и значимых публикаций — монография «Иисус» (1933), посвящённая реконструкции биографии основателя христианства.

Даймель Антон (1865–1954) — немецкий ассириолог и теолог. Составил лексикон шумерского языка. Был одним из создателей (если вообще не главным) теории «храмовой экономики» в Шумере, согласно которой вся обрабатываемая земля в ранних шумерских городах-государствах находилась под контролем храмов, и соответственно, это были фактически «храмовые государства» (Tempelstadt). Б. Р. Фостер указывает на то, что теория сформировалась у Даймеля ещё до того, как он нашёл ей достаточное подтверждение. Позиции Даймеля оказали заметное влияние на В. В. Стрuve.

Древс Артур (1865–1935) — немецкий философ, один из родоначальников «мифологической школы». В 1910-е гг. выступил в Германии с работами, в которых опровергал историчность Иисуса Христа и евангельской картины возникновения христианства, систематизируя все известные на тот момент аргументы. Основным источником христианства считал гностицизм. Работы А. Дрекса получили широкое распространение в СССР в 1920-е гг., но использовались в научных исследованиях и в дальнейшем.

Ельницкий Лев Андреевич (1907–1979) — советский исследователь, так и не получивший специального исторического образования. Занимался разработкой целого ряда проблем античной истории: этрускология, история рабства в Древнем Риме, скифология, раннее христианство, эпиграфика и др. До 70-х гг. активно сотрудничал с «Вестником древней истории», публикуя преимущественно критические обзоры и рецензии на работы отечественных и зарубежных коллег. Автор четырех монографий по исторической географии, античному рабству и скифской проблематике.

Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941) — филолог-классик, занимался широким кругом вопросов античной истории, в том числе политической и культурной историей Греции. Автор исследования (1933) о «скифах-рабах» Савмака (гипотеза рабского восстания на Боспоре), предвосхитившего представления о «революции рабов». Совместно с С. И. Ковалёвым составил первую в мировой науке хрестоматию источников по античному способу производства (1933).

Зельин Константин Константинович (1892–1983) — советский историк Древней Греции, эллинистического Египта, специалист по истории Северного Причерноморья. Странник альтернативной по отношению к струвианской версии социальных отношений в древнем мире, основанной на представлении о широком спектре статусов зависимости в древнем мире. Кроме того, дал критику концепции эллинизма А. Б. Рановича, предложив считать эллинизм не закономерным этапом в истории античного общества, а конкретно-историческим явлением.

Каждан Александр Петрович (1922–1997) — советский и американский историк, специалист в области византистики. До эмиграции (1978 г.) активно занимался разработкой раннехристианской проблематики. Автор значительного числа научных и научно-популярных работ, в которых сначала отстаивал «официальную» концепцию происхождения христианства, в которой не было места историческому Иисусу, но в дальнейшем перешёл на более умеренные позиции. В середине 60-х гг. под влиянием Каждана на страницах журнала «Наука и религия» развернулась полемика об историчности основателя христианства, а в 70-е гг. он попытался пересмотреть «внепалестинскую» теорию происхождения христианства. После эмиграции к раннехристианской проблематике Каждан не возвращался.

Ковалёв Сергей Иванович (1886–1960) — советский историк, принимавший участие в формировании советской марксистской модели изучения древности, автор обобщающих и специальных (в

том числе по истории раннего христианства) исследований. Создатель целого ряда периодизаций истории античного общества и истории Древнего Рима. Ковалёв часто характеризуется мемуаристами как конъюнктурный лектор, и в его смене точек зрения на протяжении более чем тридцати лет безусловно прослеживается эта тенденция. Тем не менее, Ковалёв — автор одного из лучших учебников по истории Рима на русском языке (1948), который особенно известен в редакции (1986) его ученика Э. Д. Фролова.

Кошеленко Геннадий Андреевич (род. 1935) — археолог и историк, специалист в изучении Северного Причерноморья, древнегреческой и эллинистической истории. Один из родоначальников подводной археологии в СССР. Наиболее значимый вклад в теоретическом отношении представляют его исследования полиса: проблема характеристики полиса как такового и проблема особенного развития эллинистического полиса на Востоке (1979), которая вывела его и к проблеме определения характера эллинистической цивилизации. Основные идеи Кошеленко получили признание преимущественно в постсоветское время.

Кубланов Михаил Моисеевич (1914–1998) — советский историк раннего христианства. В 1994 г. эмигрировал в США. Автор монографий и научных статей по источниковедческим и конкретно-историческим сюжетам раннехристианской истории.

Кузицин Василий Иванович (1930–2013) — исследователь античности, прежде всего римской рабовладельческой виллы, автор и редактор вузовских учебников по древней истории, источниковедению и историографии. Начиная с 80-х гг. и по сути до сегодняшнего дня вузовские учебники по истории Древнего Востока, Древней Греции и Рима остаются основными для преподавания. До сих пор не появилось и замены сыгравшей в своё время немалую роль «Историографии античной истории» (1980). В советское время последовательно отстаивал рабовладельческую концепцию, с некоторыми вариациями, близкими к версии С. Л. Утченко.

Ленцман Яков Абрамович (1908–1967) — советский историк, специалист в области истории Древней Греции и Рима. Ученик А. Б. Рановича. В 50–60-е гг. активно занимался проблемой происхождения христианства, выступая сторонником «классической» советской концепции раннехристианской истории.

Лившиц Гилер Маркович (1909–1983) — советский историк античности и философ, специалист в области истории и историографии раннего христианства, истории иудаизма и некоторых других вопросов римской истории. Один из первых в СССР исследователей Кумранских рукописей. Придерживался «канонической» советской версии происхождения христианства, которую пытался «подкрепить» данными, полученными из вновь открытых источников. Автор многочисленных монографий по истории атеизма на Западе и в СССР. Его перу принадлежит одна из первых работ по историографии раннего христианства — справочное издание «Очерки историографии Библии и раннего христианства» — в котором автор представил историю критики Библии, акцентируя внимание читателя на выводах советских исследователей.

Луази Альфред (1857–1940) — французский католический теолог и историк религии. За модернистские идеи, связанные с использованием историко-критического инструментария для изучения прошлого Церкви и требованиями «приспособить» церковные институты к реалиям начала XX в. был отлучён от Церкви. В дальнейшем занимал кафедру истории религий в Коллеж де Франс. В 1910–1920-е гг. испытал влияние «нового компаративизма» и «мифологической школы», стремясь рассматривать христианство как одну из многих мировых религий. Оказал заметное влияние на французскую науку о раннем христианстве.

Лурье Соломон Яковлевич (1891–1964) — специалист по идейной истории Древней Греции; первый в СССР критик жебелёвской гипотезы рабского восстания на Боспоре; один из первых исследователей письменности и истории микенской Греции; последние его работы способствовали корректировке ряда положений

концепции рабовладельческого общества. В советском научном сообществе был вытеснен на периферию, в том числе буквально: был уволен из Ленинградского университета на волне борьбы с «космополитизмом», позже преподавал во Львове.

Машкин Николай Александрович (1900–1950) — советский исследователь, специалист по политической и культурной истории Древнего Рима, автор вузовского учебника по истории Рима (1947), выдержавшего ряд переизданий, в том числе и в постсоветский период. Наиболее известный труд — «Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность» (1949): работы, посвящённой доказательству (иногда с насилием над источниками) заранее разработанной концепции, но при этом проведённой при тщательном анализе и обработке материала. В 1949–1950 гг. исполнял обязанности ответственного редактора журнала «Вестник древней истории».

Мейер Эдуард (1855–1930) — немецкий историк древности, автор ряда крупных трудов, в первую очередь пятитомной «Истории древности» (1884–1902, второе издание Мейер принципиально переработал и расширил, но не успел закончить), в которой впервые история Древней Греции рассматривалась в контексте истории древней Передней Азии. Мейер — создатель циклической теории средиземноморской истории, согласно которой древность прошла стадии от примитивного общества через феодализм к капитализму, а европейская история после IV в. является вторым циклом, повторяющим принципиально те же этапы. Соответственно, Мейер не принимал эволюционистскую схему К. Бюхера. Зато он в целом положительно отнёсся к теории культур О. Шпенглера (1880–1936). Методологические взгляды Мейера обнаруживают некоторое сходство с неокантианскими. В 20–30-е гг. подходы и оценки Мейера в сфере древней истории имели заметное влияние и на советских авторов: например, на Н. М. Никольского.

Мишулин Александр Васильевич (1901–1948) — историк Древнего Рима. Тематика научных трудов связана с историей рим-

ских провинций (античная Испания), ряд наиболее известных работ (в том числе популярных книжек) посвящён восстанию Спартака, оценивавшемуся через призму концепта «революции рабов» (См. Приложение 2). Мишулин был не только исследователем, но и партийным деятелем, что сказалось на быстрой роли его влияния в советской науке; в 1938–1948 гг. был главным редактором журнала «Вестник древней истории». Один из создателей школьного учебника по древней истории, который был основным с 1940 г. до 70-х гг.

Неронова Валентина Дмитриевна (1922–1997) — советский историк и историограф древнего мира. Один из авторов учебника «История древнего мира» (1983) под редакцией И. М. Дьяконова. Уделяла особенное внимание изучению советской историографии. В книге «Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии» (1992) постаралась дать взвешенную оценку достижениям советской науки в изучении социально-экономических вопросов древней истории, признала воздействие идеологии на науку в советский период.

Никольский Николай Михайлович (1877–1959) — историк Древнего Востока, языковед, специалист в области истории религии. Сын М. В. Никольского (1848–1917), первого издателя клинописных источников в России. Никольский отстаивал схему исторического развития древнего мира, в общих чертах близкую циклическим идеям Э. Мейера, и частично ему удалось даже воплотить её в первом советском школьном учебнике по древней истории (1933). После утверждения в СССР представления о древнем обществе исключительно как о рабовладельческом, Никольский согласился с основными тезисами В. В. Струве, но развернул критику его взглядов на экономику Древнего Двуречья по частным вопросам. Так, Никольский отстаивал примат общинного землевладения в Месопотамии в пику теории «храмовой экономики», которой в целом придерживался Струве.

Ранович Абрам Борисович (1885–1948) — советский историк, занимался изучением политической, социально-экономической и религиозной (раннее христианство) истории Римской империи. Основные труды Рановича посвящены изучению раннего христианства, в которых он перешёл от антирелигиозной пропаганды к серьёзному исследованию, фактически создав основу для конвенциональной модели возникновения христианства по взглядам советской науки. Ранович также был создателем концепции эллинизма как неотъемлемого этапа в истории древнего мира — перехода от классического к позднему этапу развития античности. В отличие от вклада Рановича в историю христианства, его концепция эллинизма рано подверглась критике и не стала классической в советской науке.

Раскольникова Муза (1939–1987) — французская исследовательница античности и эпохи Просвещения. Дочь советского партийного деятеля Ф. Ф. Раскольникова (1892–1939). Относится к числу первых исследователей советской историографии древности (преимущественно эллинизма и Рима), выпустила по теме специальную монографию (1975). Предложила периодизацию советской историографии древности; не будучи скованной цензурой, подчёркивала прямую роль Сталина в победе теории рабовладельческой формации в СССР.

Ревилль Альбер (1826–1906) — французский протестантский теолог, один из представителей «страсбургской школы», создатель французского религиоведения как самостоятельной исторической дисциплины. Автор реконструкции биографии Иисуса Христа, которая должна была отвечать идеалам научности конца XIX в. Помимо истории христианства интересовался религией современных «примитивных народов».

Ревилль Жан (1854–1908) — французский протестантский теолог, сын А. Ревилля, вместе с отцом принимавший участие в институциональном оформлении французского религиоведения. Занимался разработкой вопросов, связанных с историей формирования

ния христианской доктрины, историей епископата, а также источниковедческими проблемами раннехристианской литературы.

Ренан Эрнест (1823–1892) — французский ориенталист, историк раннего христианства. Широкую известность получил после публикации монографии «Жизнь Иисуса» (1863), в которой представил «романтическую» реконструкцию биографии Иисуса Христа, дополнив данные новозаветных текстов информацией «пятого Евангелия», открывшегося ему в Палестине. Дальнейшая история первых двух веков христианства была рассмотрена Ренаном в последующих шести томах «Истории происхождения христианства» (вышли с 1866 по 1882 гг.), а также в пяти томах «Истории израильского народа» (1887–1893). В советской науке его выводы оценивались сравнительно невысоко.

Реусс (Рейс, Ройсс) Эдуард (1804–1891) — французский и немецкий библеист, историк раннего христианства, основатель «страсбургской школы». Применял к изучению христианской литературы историко-критические методы, сделал интересные наблюдения о времени датировки библейских книг и их различных элементов. Реусс выполнил перевод Библии на французский язык и снабдил его комментариями.

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) — русский и американский историк эллинизма и Древнего Рима. Основная сфера интересов: социально-экономическая история. Имя в мировой науке обеспечила его книга, исследующая римский колонат (1910), после эмиграции в США, помимо других работ, вышли две монументальных социально-экономических истории — Древнего Рима (1926) и эллинистического мира (1941); важным достоинством этих работ было то, что широкие обобщения делались на тщательно собранном и сопоставленном материале литературных, папирологических, эпиграфических и археологических источников. Ростовцев считал возможным говорить о развитии капитализма в периоды максимального развития античного общества, хотя и подчёркивал отличие античного капитализма от современного; в целом эти по-

зиции близки, хотя и не идентичны взглядам Э. Мейера. Ростовцев также оказал большое влияние на развитие исследований древнейшей истории причерноморских степей.

Свенцицкая Ирина Сергеевна (1929–2006) — советский и российский исследователь античности, специалист по раннему христианству. В изучении данной темы Свенцицкой были достигнуты значительные результаты, связанные с отказом от гиперкритических выводов предшественников и введением в оборот данных апокрифических Евангелий (совместно с М. К. Трофимовой). В современной историографии выводы Свенцицкой легли в основу концепции истории раннего христианства.

Струве Василий Васильевич (1889–1965) — видный отечественный египтолог и ассириолог, один из создателей советской марксистской науки о Древнем Востоке, автор наиболее влиятельной теории древневосточного общества как рабовладельческого, основанной на расширительном понимании рабского статуса. Струве первым оценил в полной мере значение клинописных источников — прежде всего, шумеро-аккадских — для построения социальной истории Древнего Востока. Проведённая Струве огромная работа по их анализу позволила ему подвести базу под свою рабовладельческую концепцию. Тем не менее многие изначальные идеи, которые Струве воспринимал ещё от немецкой ассириологии (Б. Мейсснер (1868–1947), А. Даймель) были им позже заметно скорректированы. Учебники по истории Древнего Востока (1934, 1937, 1941), написанные Струве, часто критиковались, но в той или иной форме повлияли на всю последующую советскую традицию. В 1962–1965 гг. — главный редактор журнала «Вестник древней истории».

Тарн Вильям Вудторп (1869–1957) — английский историк эллинизма, один из авторов «Кембриджской истории древнего мира». Одним из первых исследовал дальнюю окраину эллинистического мира в книге «Греки в Бактрии и Индии» (1938). В 1949 г. в СССР была переведена его книга «Эллинистическая цивилизация»

(1927) — в своём роде, уникальное событие, поскольку до этого в сфере древней истории переводили только те книги, которые были полезны для антирелигиозной пропаганды. По вопросам экономической истории занимал в целом взвешенные позиции.

Тураев Борис Александрович (1868–1920) — востоковед, фактический основатель отечественной египтологии (наряду с В. С. Голенищевым (1856–1947)), член Императорской Академии Наук. Тураев принципиально писал свои работы на русском языке, что заметно снизило его известность за рубежом, несмотря на то, что в некоторых темах он был первопроходцем — тому доказательством его книга «Бог Тот» (1898). Тураев — создатель первой монументальной «Истории Древнего Востока» (1911) на русском языке. Эта книга служила в качестве основного вузовского учебника и в 30-х гг., после восстановления исторических факультетов; её влияние прослеживается также в учебниках одного из его учеников В. В. Струве. Что же касается внимания Тураева к религиозной жизни древнего мира, то оно было воспринято в советское время в наименьшей мере — в том числе и потому, что почти все ученики Тураева либо уехали из страны, либо рано погибли. В некотором смысле преемницей Тураева в этой сфере стала М. Э. Матъе (1899–1966) — которой ещё довелось слушать его лекции.

Тюменев Александр Ильич (1880–1959) — историк, принимавший активное участие в разработке марксистской версии истории древности; автор вариативных по отношению к струвианской версий общественного устройства на Древнем Востоке (выделял не один, а два типа рабовладельческих обществ). Первоначально занимался историей античности, во второй половине 30-х гг. обратился к исследованию шумерского общества, чтобы иметь возможность аргументировано оценить идеи В. В. Струве. Тюменев охватил практически все доступные ему на то время источники. В итоге была создана монументальная книга «Государственное хозяйство Древнего Шумера» (1956), в которой была подтверждена рабовладельческая теория, но с рядом уточнений касательно общинного

устройства Шумера и положения зависимых работников храмовых хозяйств. Наряду с работами Струве и Дьяконова эта книга заложила основы ведущей роли советской исторической школы в исследовании социальных отношений в Шумере.

Утченко Сергей Львович (1908–1976) — автор оригинальной концепции падения Римской республики и образования принципата, один из инициаторов пересмотра устоявшихся положений в советской модели исследования древности («Кризис и падение Римской республики»). Книги Утченко сочетали серьёзную постановку научных проблем с умением донести их в доступной форме — не на уровне постороннего читателя, конечно, но на уровне студента вуза («Древний Рим: события, люди, идеи», «Цицерон и его время», «Юлий Цезарь»). В 1966–1976 гг. — главный редактор журнала «Вестник древней истории».

Финли Мозес (1912–1986) — американский и английский историк античности. Финли являлся автором ряда работ, которые во многом изменили воззрения на античность, проблематизировали темы исследований: «Мир Одиссея» (1954), «Польза и бесполезность истории» (1975), «Античное рабство и современная идеология» (1980) и др. Но наибольшей популярностью пользуется его курс лекций «Античная экономика» (1973), в котором Финли на новом уровне возродил и усовершенствовал аргументацию К. Бюхера и М. Вебера. Представления Финли об античном обществе как о спектре социальных статусов находят параллели в работах советских историков (К. К. Зельин, Г. А. Кошеленко). Особый интерес к творчеству Финли в современной российской историографии подчёркивает факт выхода двух монографий на эту тему: А. А. Безгубенко «М. Финли: жизнь и научное творчество» (2003) и И. А. Жаркова «М. Финли и советская историография античной истории» (2008).

Фогт Йозеф (1895–1986) — немецкий историк, специалист в области истории Древнего Рима. В 30–40-е гг. разделял идеи нацистов, был сторонником расовой теории. После поражения нацистов

был на короткое время уволен из университета, но через год восстановлен в должности. С 50-х гг. принимал активное участие в разработке проблемы рабства, опубликовав на эту тему значительное число работ, известных и в СССР.

Формозов Александр Александрович (1928–2009) — археолог, историк исторической науки. В книге «Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки» (2004) фактически впервые в постсоветский период сделал попытку нарисовать общий процесс становления советской исторической теории, оценить роль отдельных учёных в этом процессе, методы и формы воздействия власти на науку.

Фролов Эдуард Давидович (род. 1933) — специалист по политической истории Древней Греции, историограф. Э. Д. Фролов, по сути, первым создал обобщающий труд по русской историографии античности (1999) вплоть до современности (из крупных предшественников можно назвать В. П. Бузескула (1858–1931)), при этом уделив большое внимание личностям историков. Хотя в отношении советского периода он ограничился несколькими очерками, тем не менее и в них присутствует общая концепция.

Шофман Аркадий Семенович (1913–1993) — советский историк, специалист по истории древней Македонии, фактически первый в советской историографии («История античной Македонии», «Восточная политика Александра Македонского»). Благодаря Шофману, на базе Казанского университета сформировалась историографическая школа по изучению историографии античности. Создатель и первый руководитель «Античного понедельника» — научного семинара для антиковедов, который играл большую роль в поддержании научного общения и в рекрутации в науку нового поколения.

Штаерман Елена Михайловна (1914–1991) — советский историк, занималась изучением экономических, социальных, политических, культурных и религиозных аспектов истории Древнего Рима. Неоднократно пыталась создать обновлённую модель советско-

марксистского исследования древности, инициировала ряд дискуссий в советской историографии: о переходе от античности к средневековью (50-е гг.), о сущности раннего римского государства (90-е гг.). При пересмотре отдельных положений советского марксизма, осталась твёрдо убеждена в сохранении потенциала марксизма как научной методологии.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Динамика цитирований работ иностранных авторов в советской литературе
(на примере первоначального христианства)ⁱ**

Авторы	Общее кол-во цитат из исследовательской литературы	Общее кол-во цитат из работ иностранных авторов	Хронологические рамки					Территориальные рамки («национальные традиции»)				Функциональное значение			
			до XIX в.	XIX — начало XX вв.	1920–1930-е гг.	1940–1950-е гг.	1960–1980-е гг.	Немецкая	Французская	Англо-американская	Иные	Теоретико-методологическое	Историографическое	Источноковедческое	Концептуальное
А. Б. Ранович (1941)	130	103	0	54	49	—	—	43	29	25	6	0	0	61	42
Я. А. Ленцман (1958)	60	26	0	4	12	10	—	4	4	15	3	0	12	12	2
С. И. Ковалёв (1964)	131	59	1	9	8	36	6	20	6	24	9	0	11	37	11
Г. М. Лившиц (1970) ⁱⁱ	437	135	14	49	62	4	6	59	36	15	25	0	135	0	0
М. М. Кубланов (1974)	179	77	3	29	15	19	11	45	13	9	10	0	51	18	8
И. А. Кривелёв (1987)	226	168	3	71	40	5	49	72	53	18	25	0	168	0	0
И. С. Свенцицкая (1987)	22	6	0	0	0	1	5	0	0	2	4	0	0	2	4

ⁱ Данные приводятся исходя из общего числа ссылок на работы зарубежных исследователей (включая повторные). Нами не были включены ссылки на работы К. Маркса и Ф. Энгельса, а также ссылки на источники по истории раннего христианства. Подчеркнём, что при подсчёте переводных изданий философов XVIII–XIX вв. принимается в расчёт время написания сочинения, а не перевода его на русский язык.

ⁱⁱ Приводятся данные относительно списка литературы, использованной автором.

Составлено по:

А. Б. Ранович (1941) — Ранович А. Б. Очерк истории раннехристианской Церкви. М., 1941.

Я. А. Ленцман (1958) — Ленцман Я. А. Происхождение христианства. М., 1958.

С. И. Ковалёв (1964) — Ковалёв С. И. Античное христианство // Ковалев С. И. Основные вопросы происхождения христианства. М.; Л., 1964. С. 49–185.

Г. М. Лившиц (1970) — Лившиц Г. М. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970.

М. М. Кубланов (1974) — Кубланов М. М. Возникновение христианства. Эпоха. Идеи. Искания. М., 1974.

И. А. Крывелёв (1987) — Крывелёв И. А. Иисус Христос: миф или действительность? М., 1987.

И. С. Свенцицкая (1987) — Свенцицкая И. С. От общины к Церкви // Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. С. 9–182.

SUMMARY

Sergey B. Krikh, Olga V. Metel. «*The Soviet Historiography in the Context of World Historical Thought*».

The book is devoted to the problem of the Soviet historians' thinking about the Ancient World and is a continuation of investigation initiated in two other books: "The Image of Antiquity in Soviet Historiography" (in Russ.) by *S. Krikh* and "The Soviet Model of the Study of the Early Christianity in 1920s – 1990s" (in Russ.) by *O. Metel*.

In the first essay "The Language of the Soviet Historiography. An Introduction" two basic features of the soviet historical narrative are defined: appeal to the verity and orthodoxy (in the sense of conformism). Generally, Soviet historical science was focused on the scientific ideals of the XIX century in their specific refraction in Soviet conditions. At the same time in the XX century western tradition moved on to other principles: skeptical attitude to the object (and objectivity), liberalism (tolerance to different scientific approaches), dialogism of narrative.

The second essay "The Magic of Forewords" is devoted to the forewords written by the soviet historians for the books translated into Russian. When Soviet historians criticized "bourgeois scholars" for modernization, for eurocentrism, for idealism or gave compliments for work with facts, they made an image of Soviet science as a parallel to "bourgeois", as a science which knows laws of historical development. But at the same time the Soviet historians didn't have any embarrassment when taking materials from their western colleagues' works. Consequently, they thought about narrative almost like about a mechanism which could be collected even from many inorganic details.

The third essay "The Art of Review" talks about specifics in reviewing of Western historical works in VDI ('Ancient History Review').

This type of reviews quantitatively prevailed on reviewing of Soviet historical works (about 770:560 in 1937–1991) and had some characteristics at different stages in the history of Soviet society. Generally, the reviews became more formalistic at the end of the Soviet epoch and their conclusions are reproduced in textbooks.

In the fourth essay “The Hidden Science” the author investigates fragments borrowing from Rostovtzeff’s “The Social and Economic History of the Roman Empire” in V. S. Sergeev’s textbook “Essays on History of Ancient Rome”. A considerable part of the notes to the illustrations were taken from the Rostovtzeff book without mentioning this. One of the reasons for plagiarism was the political positions of Rostovtzeff, who was an anti-Soviet scholar. But it was Sergeev’s choice whether to say something about Rostovtzeff or not. The state and the ideology put the scholars under general conditions, but they chose their own way within them.

In the fifth essay “The Distortion’ Effects” Soviet and Western traditions in the field of history of early Christianity are compared. Soviet authors constructed a very special picture of Western historiography, in which some of historians were paid a lot of attention and others great historians were not mentioned at all. Soviet tradition believes that there are only two schools studying the problem of Jesus in the XX century: “mythological” and “historical”; “historical school” is a mere phantom of Soviet historiography. The aftermaths of this treatment had a depressing effect on the Soviet historiography of Early Christianity: Soviet science lived in its own illusory world, reproducing outdated stereotypes of the XIX-century science.

The sixth essay “The Paths of Historian” is dedicated to the problem of alternatives in scholarly work, on the example of I. M. Diakonoff’s research activities. It contains an analysis of Diakonoff’s main oeuvres especially in the field of the social IIIrd millennium Mesopotamia history in comparison with western historians’ researches (I. J. Gelb). Diakonoff had a different from Soviet historians experience because he lived in Norway in his early days and had a good

practice in English. He criticized both Soviet and foreign scientific traditions and he made great efforts to take both of them into account. His theoretical model helped him in a way, but his strict evolutionism prevented further development of his historical conception.

In conclusion the authors speak of specific relations between the theory of history (“Marxism-Leninism”) and practice of the historical methods in Soviet historiography of the ancient world. Soviet historical science had a strong aspiration to reach an absolute verity. But state control had a restrictive effect on the development of new methods and new approaches of research. That’s why even in the best fields of its activity Soviet historiography reached its limits. With the fall of regime and exclusive ideology the historical science was unable to use a freedom for its development. That’s why open discussion of the contemporary Russian historiography problems is urgently needed.

УКАЗАТЕЛЬ

- Авдиев В. И. 39, 43, 44, 90, 153-154, 162, 214
Аверинцев С. С. 203
Адамс Р. М. 156
Аласв Л. Б. 208
Алексеев Ф. 106
Альтхайм Ф. 71, 72, 82
Альфарики П. 138, 215
Амелунг В. 97
Андреев Ю. В. 182
Ардзинба В. Г. 39
Артамонов М. И. 111-112
Архипов И. С. 66
Астрик Ж. 125
Аубин Г. 21
- Баур Ф. Х. 125-126, 138-139
Бауэр Б. 125-126, 133, 138, 139, 215
Бедный Д. 105
Безгубенко А. А. 228
Бек Л. 128
Белицкий М. 35
Белова Н. Н. 76
Бенгтсон Г. 32, 34, 42, 44, 46, 65, 71, 72, 83
Бергер А. К. 82, 91
Бердичевский Г. И. 43, 49
Берлев О. Д. 215
Бикерман Э. 42, 43
Бокшанин А. Г. 95
Бойс М. 35, 39
Болинброк Г. 125
Бонгард-Левин Г. М. 39, 43, 77, 107
Боровский Я. М. 76
Борухович В. Г. 67
Ботвинник М. Н. 43, 45
Брагинская Н. В. 155
Бродель Ф. 187
Будный С. 125
Бузескул В. П. 229
Бульман Р. 128, 134, 140
Бэшем А. Л. 39, 43
Бюхер К. 109, 215-216, 217, 222, 228
- Вайскопф М. 115
Валлерстайн И. 187
Валлон А. 35, 43, 44, 48-49, 108
Вардиман Е. 42
Варга Д. 37
Васильев Л. С. 216
Вебер М. 200-201, 216-217, 228
Велков В. 64
Вельгаузен Ю. 136
Вернер Ю. 77
Вестерман У. Л. 48-49, 71, 82
Вигасин А. А. 42
Видьяланкар С. 64
Винничук Л. 37
Виноградов В. В. 76
Виноградов Ф. 138
Виролло Ш. 63
Виппер Р. Ю. 51, 137, 217
Витфогель К. А. 190, 217
Вольней К. Ф. 125, 126
Вольтер 125
Вреде В. 127, 136
Вулли Л. 38, 39, 42
Вяткин Р. 48
- Гаибов В. А. 70
Гардинер А. 71
Гарнак А. 127, 136
Гаспаров М. Л. 67, 203
Гегель Г. В. Ф. 125-126
Геллнер Э. 187
Гельб И. Е. 36, 172-175, 176, 177, 179, 183-186, 211, 217
Гельцер М. Л. 76
Герни О. Р. 39
Гиньебер Ш. 130, 217
Глотц Г. 94
Глускина Л. М. 70
Го Мо-Жо 32
Гогель М. 129, 136
Голенищев В. С. 227

- Гордон А. В. 13
Горнунг Б. В. 73
Горянов Б. Т. 42, 44, 46, 49
Гракова-Свиридова М. Б. 76
Грантовский Э. А. 35, 39
Гревен Г. 109
Гринбаум Н. С. 76
Грозный Б. 63, 64
Гуревич А. Я. 24, 147, 200-201
Гутнова Е. В. 24
Гюнтер Р. 64
- Даймель А. 218, 226
- Данге Ш. А. 32
Дандамаев М. А. 39, 70, 73, 82, 182
Данилов А.И. 200
Дебс Г. Г. 64
Дельбрюк Г. 32, 36, 38, 43, 44, 45
Десницкая А. В. 76
Джентиле Дж. 21
Джонс А. Х. М. 72, 82
Дидро Д. 125
Диль Ш. 32, 42, 44, 46, 49
Дильс Г. 42, 43
Доватур А. И. 71
Донини А. 37, 64, 128
Доссен Ж. 64
Древс А. 39, 44, 48, 126, 140-141, 218
Дройзен И. Г. 200
Дубровский А. М. 12, 105, 169
Дюби Ж. 69
Дьяконов И. М. 36, 75, 148-189, 191-194,
197, 201, 212, 216, 223, 228
Дюжарден Э. 129, 138
Дюпюи Ш. Ф. 125, 126
- Ельницкий Л. А. 73-74, 218
- Жарков И. А. 228
Жебелёв С. А. 104, 107, 111, 219
- Зайцев Д. В. 111
Замаровский В. 35
Зекс О. 102
Зельин К. К. 67, 72, 79, 162, 219, 228
- Иванов Вяч. 35
Ильин Г. Ф. 77
- Илюшечкин В. Н. 71
Индра М. А. 64
Ипполитов Г. М. 62
- Каждан А. П. 19, 51, 67, 71, 72-73-74, 82, 219
Калимонов И. К. 188
Каллистов Д. П. 71, 92
Камменхубер А. 192
Капель Л. (Капелла Л.) 125
Кармайкл Д. 128
Карпюк С. Г. 5, 63, 66, 83
Карштедт У. 33
Кац А. Л. 77
Кацнельсон И. С. 39, 42
Качановский Ю. Н. 164
Кацеев В. И. 65
Керрам К. 35
Кинжалов Р. В. 75
Кифишин А.Г. 181
Клаузнер И. 127, 136
Клерк Ж. ле 125
Клочков И. С. 35, 37
Ковалёв С. И. 33, 39, 41, 42, 43, 45-46, 50-53,
55-56, 72, 89-92, 94, 107, 108, 124, 126,
131, 140-141, 207, 213, 219-220, 231-232
Козловская В. И. 65
Колкер Б. 69
Колотова М. Г. 67
Колчинский Э.И. 21
Коль Ф. 197
Комороци Г. 173, 208, 210
Коннибер Ф. К. 136
Корзун В. П. 5
Корнеманн Э. 71
Королёв А. А. 36
Коростовцев М. А. 71
Корсунский А. Р. 70, 81, 82
Косидовский З. 35
Косой Ф. 125
Котрелл Л. 39, 42
Кошеленко Г. А. 34, 35, 39, 42, 46, 70, 73,
220, 228
Кравчук А. 35
Крамер С. Н. 38, 39, 42, 71, 72, 75, 154, 155
Красиков П. 44
Краус Г. 132
Крушкол Ю. С. 72
Крывелёв И. А. 128, 231-232

- Крюгер О. О. 107
 Кубланов М. М. 124, 126, 131, 136, 220, 231-232
 Кузицин В. И. 70, 80, 81, 82, 92, 94, 220
 Кузнецова В. Н. 134
 Куманецкий К. 37
 Кушу П.-Л. 126, 129, 138
 Къера Э. 37
 Кюмон Ф. 71, 142
 Кюнг Г. 128
- Ламбер М. 153, 159
 Ланглюа Ш. 217
 Лебедев А. П. 130
 Левек П. 32, 34, 35, 39, 42, 46
 Лелеков Л. А. 71
 Леманн-Гаупт К. Ф. 63, 64
 Ленин В. И. 10, 14, 15, 18, 47, 49, 52, 123
 Ленцман Я. А. 65, 67, 70, 72, 73, 78, 81, 82, 122, 124, 125, 127, 130, 221, 231-232
 Леонтьев Л. А. 150
 Лёзов С. В. 134
 Лившиц Г. М. 124, 125, 131-133, 221, 231-232
 Липин Л. А. 161
 Локк Дж. 125
 Лосев А. Ф. 47
 Луази А. 127, 129, 131, 136, 221
 Лурье С. Я. 76, 82, 92, 221
 Луццатто Дж. 40
 Лышинский К. 125
 Льюс Н. 64
 Лютова К. В. 132
 Ляпустина Е. В. 5, 66
 Лясковский С. А. 72
 Ляст Р. Е. 76
- Майяни З. 36
 Маккей Э. 32, 38, 39, 43, 76
 Маркс К. 12, 14, 15, 18, 47, 49, 73, 91, 108, 126, 208-210, 212, 231
 Мартынов Д. Е. 188
 Массон В. М. 182
 Матъе М. Э. 227
 Машкин Н. А. 72, 73, 82, 83, 90, 92, 94, 112, 222
 Мейер Э. 40, 109, 136, 216, 222, 223, 226
 Мейснер Б. 226
 Меликишвили Г. А. 174
- Мень А. о. 133
 Мерлен А. 100-102
 Метель О. В. 129, 143, 159
 Мёлер И.А. 139
 Мильская Л. Т. 69
 Михайлов В. Н. 131
 Мичелл Х. 71, 72, 82
 Мишулин А. В. 44, 48, 82, 83, 91, 92, 112, 114, 207, 213, 222-223
 Модестов В. И. 46
 Момильяно А. Д. 99, 110, 116-117
 Моммзен Т. 41, 46, 56
 Монтэ П. 34, 42
 Морган Г. 49, 73
 (Мудьюгин) Архиепископ Михаил 133
 Мутъе-Руссе Э. 127
 Мюлештейн Г. 64
 Мягков Г. П. 5, 84, 136, 188
- Назаров В. П. 36
 Неандер О. 130
 Недельский В. И. 107-108, 124
 Нейхардт А. А. 43, 45, 71
 Немировский А. И. 68, 73-74, 83
 Неронова В. Д. 163, 189, 223
 Нестерова Т. П. 21
 Неусыхин А.И. 200
 Никифоров В. Н. 164
 Николе К. 71
 Никольский В.К. 43
 Никольский М.В. 223
 Никольский Н. М. 76, 89, 90, 162, 172, 222, 223
 Нильсен Д. 63, 64
- Олбрайт В. Ф. 64
 Олива П. 64
 Ольденбург С. Ф. 172
 Омо Л. 71, 83
 Оппенхейм А. Л. 39, 156
 Ормерод Г. А. 96
- Павлов В. В. 67
 Павловская А. И. 35, 63, 64, 70, 81, 82
 Пейрер И. де ла 125
 Пендлбери Дж. 76
 Петров М. К. 70
 Петрова А. Г. 123, 124

- Петровский Н. С. 35
Петрушевский Д. М. 104, 217
Пёльман Р. 33, 40
Пиганьоль А. 71, 82
Пикус Н. Н. 83
Пинес Ш. 144
Пиотровский Б. Б. 75
Планк К. 139
Преображенский П. Ф. 93
Пригожин А. Г. 91, 107
Притчард Дж. Б. 156
Пфлейдерер О. 130
- Ранович А. Б. 51, 57, 65, 73, 95, 109, 112,
135, 142, 162, 199, 207, 217, 219, 221, 224,
231-232
Раскольникова М. 224
Ревиль А. 129, 224
Ревиль Ж. 129, 224
Рейли Д. 13
Реймарус Г. С. 125
Ренан Э. 127, 129, 131, 136, 225
Реусс (Рейс, Ро йсс) Э. 130, 225
Рифтин А. П. 152
Робертсон А. 32, 41, 50-53, 54, 72, 128, 130,
140
Робертсон Д. 45, 126, 136
Родбертус К. 215
Ростовцев М. И. 33-34, 40, 54, 57, 95-117,
225-226
Росс-Тэйлор Л. 71
Ротермель Л. Р. 65
Румянцев Н. 124
- Сайм Р. 71, 72
Сапрыкин С. Ю. 66
Сванидзе А. С. 63
Свенцицкая И. С. 35, 42, 43, 70, 73, 81, 82,
142-143, 189, 226, 231-232
Свешников А. В. 136
Семёнов Ю. И. 167-168, 194
Семпер В. Е. 67
Сергеев В. С. 89, 90, 91-105, 107-110, 113-118
Серени Э. 64
Серовайский Д. Я. 69
Сидоров А. И. 71
Сидорова Л. А. 169
Симон М. 130
- Симон Р. 125
Сиркар Д. Ч. 64
Сказкин С. Д. 40
Скворцов А. М. 109
Скорина Ф. 125
Смотрич А. П. 69
Снегирёв И. Л. 38, 43, 45
Соломатина Е. И. 66
Сталин И. В. 15, 18, 105, 107, 115, 210, 213,
224
Стам С. М. 24, 93, 97, 117
Степанцов С. А. 66
Строгецкий В. М. 76
Струве В. В. 38, 39, 42, 43, 45, 46, 75-76, 90,
150-152, 155, 159, 160-163, 165, 166, 170-
172, 175, 178, 180, 218, 223, 226, 227, 228
Стучевский И. А. 35
- Тарков П. Н. 77
Тарн В. 32, 33-34, 39, 42, 43, 54, 55, 72, 199-
200, 226
Тиллих П. 134
Тищенко С. В. 134
Тойнби А. Дж. 188
Толочко А. П. 188
Толстов С. П. 72, 75
Томашевич О. В. 42
Томпсон Э. 187
Томсон Дж. 47, 49-50, 72-73
Тревер К. В. 75
Трофимова М. К. 226
Тункина И. В. 107, 111
Тураев Б. А. 38, 43, 45, 104, 227
Тюмнев А. И. 76, 89, 90, 94, 200-201, 217, 227
- Уолбенк Ф. 65
Уолкер М. 21
Урсынович С. Л. 124
Утченко С. Л. 75-76, 164, 179, 182, 220, 228
- Фань Вэнь-Лань 32, 48
Фельдштейн Г. С. 35, 39, 44
Филд М. 98
Финли М. 72, 79, 174, 179, 200, 201, 217, 228
Фихман И. Ф. 67, 69
Фогт Й. 71, 72, 228
Формозов А. А. 12, 229
Фостер Б. Р. 5, 153, 218

- Франк Т. 94
 Франс А. 138
 Фридрих И. 36, 76
 Фролов Э. Д. 42, 44, 46, 92, 220, 229
 Фрэзер Дж. (Фрезер Д.) 45, 126
 Фрэзер И. Г.³⁵² 35, 39, 44
- Хаксли Дж. 82
 Хельбиг В. 97
 Хинц В. 34, 48
 Хряков А. В. 21
- Целлер Э. 139
 Церен Э. 71
- Чайлд В. Г. 32, 39, 43, 44
 Чиглинцев Е. А. 84
- Шампольон Ж.-Ф. 35, 46
 Шарма Р. Ш. 32
 Шарашенидзе Дж. М. 174-178
 Шахермайр Ф. 43, 45
 Швеглер А. 139
 Шведова О. И. 110
 Швейцер А. 130
 Шеворошкин В. В. 69
 Шепунова Т. М. 95, 98, 102, 103
 Шетелих М. 77
 Шмидель П. В. 136
 Шофман А. С. 65, 84, 229
 Шпенглер О. 188, 222
 Шпитт Ф. 136
 Шпицберг И. С. 39
 Шрот Г. 64
 Штаерман Е. М. 67, 70, 72, 73, 75, 79, 112, 182, 229
 Штекли А. Э. 69
 Штраус Д. Ф. 125-126, 138, 139
 Шуази О. 43, 45, 48, 49
 Шульген А. 64
 Шумовский Т. А. 149
- Эванс А. 64
 Эйслер И. 136
 Энгельс Ф. 14, 15, 18, 19, 40, 47, 49, 52, 73, 108, 121, 126, 211, 231
 Эншлен Ш. 32, 43
- Юлкина О. Н. 65
 Юрганов А.Л. 13
 Юсифов Ю. Б. 34, 48
- Якобсон В. А. 165, 182, 192
 Янковская Н. Б. 182
 Ярхо В. Н. 71, 78
 Ясперс К. 188
- Adams R. M. 156
 Alföldi M. R. 74
 Altheim F. 76, 82
- Benedetto V. di 71
 Bengtson H. 83
 Bentley J. H. 187, 188
 Bliss F. J. 157
 Bogaert R. 70
 Botsford G. W. 78
 Bömer F. 70
- Cabo A. 79
 Cornelius I. 185
 Cumont F. 79
- Diakonoff I. M. 157, 158, 159, 176, 181, 185, 187, 189, 234
 Duby G.. 69
- Field M. 98
 Finley M. I.³⁵³ 72, 179, 200
 Forrest W. G. 76
 Foster B. R. 153, 158, 159, 183
- Gelb I. J. 172-173, 176, 234
 Gerold T. 130

³⁵² Это тот же самый Джеймс Джордж Фрэзер, создатель «Золотой ветви», что и строкой выше. Фантастические инициалы «И. Г.», вероятно, результат перевода английских же инициалов «J. G.» без знания имени.

³⁵³ «Finly M. J.» — тот же Мозес Финли, «пострадавший» от опечатки в «Вестнике древней истории».

- Godart L. 76
Goguel M. 137
Graeven H. 109
Guignebert C. 137
- Hadjinicolau-Marava A. 74
Hahn I. 185
Hallote R. S. 157
Harris H. 139
Homo L. 83
Hosking G. 187
Hoven R. 71
Huxley G. L. 82
- Jacobson D.M. 180
Joannès F. 70
Jones A. H. 137
Jones A. H. M. 82
Jürß F. 77
- Kant I. 130
Kienitz F. K. 75
Kirjanov A. 158, 176, 180, 189
Kiyonobu D.-T. 121
Kogan L. 159
Kohl Ph. L. 176, 180, 187, 189, 192
Kolb F. 71
Komoróczy G. 173
Koslova N. 159
Kramer S. N. 75, 154
Kuhn W. 69
- Lambert M. 153
Latte K. 79
Lauffer S. 70
Le Goff J. 121
Loesov S. 159
Loisy A. 137
- Maisels C. K. 179
Masson V. M. 153
Merlin A. 100-101
McGeachy J. A. 74
Michell H. 82
Microop M., van de 173, 176
Momigliano A. 71
Müller R. 77
Müller-Mertens E. 69
- Ničev A. 71
Nicolet C. 68
- Ormerod H. A. 96
Olivier J.-P. 76
- Piganiol A. 76, 83
Pfleiderer O. 130
Pritchard J. B. 156
- Rémond R. 121
Rémondon R. 82
Robertson A. 51
Robinson Ch. A. 78
Rostovtzeff M. I. 33, 98, 106, 234
Rudolph K. 71
- Schaeffer C. F. A. 76
Schippmann K. 71
Schmidt E. G. 77
Schwartz E. 71
Schweitzer A. 130, 137, 139
Seeck O. 102
Sergeev V. S. 234
Seydel C. 76
Sharashenidze Dzh. M. 178
Sherrat A. 189
Snell D. C. 178
Sourvinou C. 76
Starr Ch. G. 70
Stiehl R. 82
Swiderek A. 69
Syme R. 72
- Tarn W. W. 72, 200
Thomson G. 70, 73
Tishchenko S. 159
- Uchitel A. 176
- Vigil M. 79
Vogt J. 72
- Welskopf E. Ch. 76
West M. L. 71
Westermann W. L. 70, 81, 82
Wipszycka E. 69
- Zgusta L. 69

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

РАДИ БУДУЩЕГО

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...*

Ф. И. Тютчев

Книга, которую Вы держите в руках, выходит в серии «Наука в СССР: Через тернии к звездам». Первые книги этой серии, в частности посвященные жизни, творчеству и соратникам Л. Д. Ландау, вызвали множество откликов, бурные дискуссии. Одни читатели благодарили нас за подробный, весьма объективный и документированный рассказ о выдающихся советских ученых, об их достижениях, проблемах, судьбах. Другие упрекали в упоминании подробностей личной жизни, говорили о нежелательности обсуждения многих вопросов, касающихся выдающейся научной школы. Третьи считали, что советская действительность была совсем иной, отличной от того образа, который возникает после прочтения этих книг.

Тем не менее, отдавая себе отчет в будущих восторженных отзывах и яростных упреках, мы продолжаем публикацию таких работ. На это у нас есть несколько причин.

Издательство URSS ставит своей целью познакомить широкую аудиторию с достижениями науки, с работами зарубежных, советских и российских ученых, с научной классикой, с лучшими научно-популярными работами. Но наука — это не только новые знания, новые возможности и осознание ограничений, это часть жизни общества, это работа институтов, научных школ, «незримого колледжа», это судьбы творцов. И без обсуждения этой части реальности картина будет неполной и необъективной. Тем более что во многих случаях прошлое может дать опору, помочь осмыслить накопленный опыт, увидеть проблемы, которые ждут впереди, и уберечь от ошибок.

Одно из самых ярких событий XX века — становление, расцвет и трагическая гибель советской цивилизации. Цивилизации, предложившей миру новый тип жизнеустройства, основанный на стремлении отказаться от вечного исторического проклятия жадности, властолюбия, порабощения и практически воплотить идеалы свободы, равенства, братства. В истории

этой цивилизации наука занимает особое место. Именно она позволила предложить большой проект народам Советского Союза и обеспечить его реализацию. Науке уделялось огромное внимание в СССР, её авторитет в обществе был очень велик. Ничего похожего в других странах не было и нет.

Советская цивилизация создала, вырастила, развила великую науку. И её достижения грандиозны — от прорыва в космос и освоения тайн атомного ядра до создания удивительной, оригинальной математической школы. В 1960-х гг. на одном только механико-математическом факультете МГУ работало около 400 спецсеминаров. Страна строила своё будущее на основе знания. Слова песни: «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых» — воспринимались в 1970-х гг. не как лозунг или благое пожелание, а как очевидная реальность.

Взлет советской системы образования опередил, а затем и определил мировые тенденции в подготовке научных и инженерных кадров. Сейчас воспоминания тех, кто учил и учился полвека назад в Московском физико-техническом институте — детище и символе советской эпохи, — воспринимаются как светлая сказка. Подобных возможностей для самореализации, такой научной романтики в других странах не было.

О состоянии и перспективах советской науки можно судить по тому, что тогда писалось, публиковалось и переводилось, и какими тиражами издавалось. Это было ориентиром для всего мира и, в частности, для нашего издательства. (Первоначально научное издательство URSS мыслилось как организация для перевода и публикации выдающихся советских учебников для испаноязычного мира.)

СССР был научной сверхдержавой (место российской науки в стране и мире значительно скромнее), и именно поэтому воспоминания о советской науке представляют особый интерес. Важно понять, как строилась советская наука, с какими проблемами сталкивались её творцы, какие успехи и неудачи были на этом пути. И здесь важны не только исторические исследования, но и воспоминания, позволяющие через призму отдельных судеб увидеть смысл, дух и величие эпохи, ткань той реальности.

Проблем и трудностей, трагических страниц в истории советской цивилизации и науки хватало. И это неудивительно. Прошлое человечества с его императивом «каждый за себя, один Бог за всех» отчаянно борется с будущим. Борется в душах людей. Пока «Я» побеждает «Мы». Но такая же борьба происходила в начале этапов развития общества в подавляющем большинстве государств, при наступлении новых эпох в эволюции культуры человечества, при становлении христианства и других мировых религий. За первым взлетом следовал откат. И только потом смыслы, ценности, жизненные стратегии захватывают сознание общества, создают «нового человека».

На этом рубеже новая цивилизация очень хрупка. Перерождение элиты — путь вниз, к накопительству, индивидуализму, упрощению — может перечеркнуть проект, который близок и дорог сотням миллионов. Именно это и произошло с СССР. Общество не имело иммунитета против предательства верхушки...

Воспоминания и размышления об истории предлагают свободу выбора материала и трактовки со своей точки зрения. «Это — субъективная книга. Моя задача — дать читателю общее представление, скорее впечатление, чем знание. Это называется импрессионизмом. А импрессионистов нельзя упрекать за отсутствие детального рисунка», — пишет известный биолог С. Э. Шноль в своей книге об истории отечественной науки³⁵⁴.

Это право автора. Право редакции — обратить внимание читателей на ограничения, присущие этому жанру, связанному с субъективным, вольным обсуждением судеб ученых.

Приведем вкратце характеристики этих ограничений, барьеров, с которыми мы столкнулись, формируя данную серию.

Барьер отсутствия выбора

Человек живет не только в рациональной, но также и в эмоциональной и интуитивной сферах. Нам очень хотелось убедить выдающегося специалиста по междисциплинарным исследованиям профессора Д. С. Чернавского (известного пионерскими работами в ядерной физике, биофизике и математической экономике) написать воспоминания о своей жизни в науке. Д. С. Чернавский был знаком с Л. Д. Ландау, Е. М. Таммом, Я. Б. Зельдовичем, сидел за одним столом с А. Д. Сахаровым, работал и общался со многими выдающимися исследователями. Ответ его был таков: «Я видел обычных людей, с их слабостями и величием, с их широтой и ограниченностью. И это проявлялось в конкретных деталях, проблемах, эпизодах, часто довольно скучноватых. Но разве это нужно читателю?! Ему нужны шекспировские страсти, что-то вроде: «Герои и злодеи»³⁵⁵ или «Гении и прохиндеи»³⁵⁶. А я знал обычных людей, а назови книгу «Ученые среднего, полусреднего и повышенного уровня», то кто же её будет читать?»

Научную книгу или учебник можно выбрать из нескольких, остановившись на наиболее удачной. С воспоминаниями иначе. Есть то, что есть.

³⁵⁴ См.: Шноль С. Э. Герои, злодеи, конформисты отечественной науки. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012. 720 с.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Бушин В. С. Гении и прохиндеи. М.: Алгоритм, 2004. 512 с..

Другие люди об этом не написали. Печатать надо то, что есть. Тут уместна известная фраза И. В. Сталина: «Других писателей у меня для вас нет».

Барьер поляризации оценок

Классикой жанра вольно рассказываемых биографий являются «Жизнеописания» Плутарха³⁵⁷. Именно нравственные уроки, преподанные выдающимися людьми Античности, по его мысли, должны были дать опору и пример будущим поколениям полководцев, философов, ораторов, государственных деятелей. Перелистывая страницы этой замечательной книги, видишь, насколько многогранно и бережно прорисована каждая историческая личность.

Человек сложен и противоречив. Это трудно принять. Не укладывается в голове, как мог великий математик XX века Джон фон Нейман, участвовавший в ядерном проекте, предлагать сбросить атомную бомбу на Токио и Киото. Удивительно, как кумиры шестидесятников, певцы духовности и интеллигентности в 1993 году публично объясняли, что «тупые негодяи уважают только силу» и призывали «признать нелегитимными не только съезд народных депутатов, Верховный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд)»³⁵⁸.

Но всё можно «упростить», назначив одних гениями, других злодеями, третьих конформистами (детишки в нескольких продвинутых школах очень любили делить своих одноклассников: ты — гений, Петька — талант, Сашка — посредственность). Сдается, что это, характерное для множества воспоминаний, «приближение» слишком грубое. Конечно, можно одних назначить в Джордано Бруно, других в Галилеи, но обычно это оказывается слишком далёким от реальности и неконструктивным. Но, конечно, и такой взгляд имеет право на существование.

Классовый барьер

Человек принадлежит к конкретной социальной группе. И зачастую считает именно её самой важной, лучшей и главной. Для человека удобно высоко оценивать свою профессию, свой выбор. Но очень важно видеть при этом, что и другие люди с не меньшим правом могут претендовать на приоритетность и главенство (например, некоторые олигархи искренне полагают, что «они всех кормят», а жулики считают, что они, как «санитары леса», «наказывают лохов»). И логические доводы здесь бессильны.

³⁵⁷ Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Пер. с древнегреч. М.: Правда, 1990.

³⁵⁸ Известия. 1993. 5 окт.

Естественно, то же относится и к интеллигенции. «Романтическая интеллигенция — бесценная часть общества. Самоотверженность и бескорыстность действительно необходимы человечеству в трудные периоды его жизни... бескорыстные романтические альтруисты, — без сомнения самые лучшие люди. Беда лишь в том, что «народные массы» руководствуются в повседневной жизни не высокими идеями, а прозаическими эгоистическими потребностями», — пишет С. Э. Шноль. Очевидно, этот «классовый фильтр» — ещё один барьер в восприятии и описании реальности, который читателям приходится принимать во внимание.

О национальном факторе и упоминать страшно. Нет ни одной национальности, представители которой не могли бы с фактами в руках доказать, как жестоко были обойдены и ущемлены, и как обласканы были другие.

Барьер «мы и они»

Конечно, «мы» и «наши» — хорошие, честные, благородные и прогрессивные. А «они» — плохие. «Они», в зависимости от воспоминаний, — это «свирепая фракция», «партийные функционеры», «КГБ», «преступный репрессивный режим сталинского времени», «Академия наук — воплощение партийно-государственного регулирования и подавления свободной мысли». Такой взгляд естественен для атомизированного, капиталистического общества, в котором индивидуализм лежит в основе мировоззрения. И это тоже жизненная позиция — конечно же, во всем виноваты «они».

Понятно, что при таком отношении к *своему обществу* и к *своему народу*, к *своей цивилизации* из беды не выбраться.

В одном интервью на вопрос о том, каков его счет к советской власти, заставившей немало времени провести в лагерях, Лев Николаевич Гумилёв ответил, что его судьба — заслуга его коллег-ученых, и напомнил французскую пословицу: «Предают только свои». Наверное, он тоже в чем-то прав.

Барьер сведения счетов с прошлым

У каждой семьи своя история, свои взлеты и трагические страницы. И, конечно, велик соблазн «отомстить прошлому», станцевать на шкуре убитого медведя. Антисоветизм и антикоммунизм сейчас очень популярны во многих воспоминаниях, которые мы видим в редакции. Более того, это позволяет обвинять прошлое во всех смертных грехах и не принимать близко к сердцу то, что творится с Россией, ее бывшими союзными республиками и наукой сейчас.

Для ученого наука — смысл и цель жизни. Для общества — инструмент, помогающий защищать, лечить, учить, обустроить свою реальность, заглядывать в будущее. И когда общество и государство это делают, то возникает потребность в науке. Президент АН СССР академик М. В. Келдыш считал, что будущее советской науки — это дальний космос. Но космос — это огромная отрасль, на которую в советские времена работало более 1500 предприятий, около 1 миллиона человек. И это настоящая наука, которая была создана в СССР, а не писание заявок и получение грантов. Россия более 16 лет не имеет ни одного аппарата в дальнем космосе. Академик Д. А. Варшалович, получивший в 2009 году Государственную премию РФ из рук Д. А. Медведева за успехи в космических исследованиях, сравнил нынешние достижения российских специалистов с игрой дворовой футбольной команды на фоне уровня и успехов творцов советской эпохи.

Поэтому слышать от ученых, что возможна великая наука без великой страны, упования на Джорджа Сороса и других меценатов, по меньшей мере странно...

Барьер исполненного желания

Народная мудрость гласит, что самым тяжелым наказанием за многие желания является их исполнение. И во многих воспоминаниях это чувствуется. 1980-е годы. Перестройка. Среди «прорабов перестройки», её символов — академики Лихачев, Сахаров, Аганбегян, Петраков, Заславская. Ученые и интеллигенция идут во власть. Исполнение желаний шестидесятников о «власти с человеческим лицом». Всё можно читать, критиковать, публиковать. Младшие научные сотрудники и завлабы занимают министерские кабинеты. Вот он, казалось бы, звездный час российской интеллигенции. Тогда не верили тем, кто говорил, что разбитое корыто совсем близко, что войны, кровь, поломанные судьбы не за горами. Что же остаётся? По-черномырдински толковать, что хотели как лучше, а получилось как всегда, сетовать на то, что народ, не приспособленный к перестройке и демократии, попался, или опять валить всё на свирепых большевиков.

Барьер масштаба

Одно из важнейших эволюционных достижений человека — способность выработать мировоззрение, самому судить о событиях разных масштабов и разной природы. Однако глубина и ясность этих суждений в разных областях у человека различны. В воспоминаниях о науке это проявляется с полной очевидностью. Дело в том, что наука очень разнообраз-

на. Этим словом мы называем и многолетнюю работу одного человека по доказательству теоремы, и научное руководство многотысячным коллективом (вспомним эксперименты в области физики элементарных частиц). Ученые отличаются и по типу деятельности — «геологи», ищущие принципиально новые возможности и зачастую терпящие неудачу, и «ювелиры» (по выражению С. Э. Шноля), занимающиеся огранкой «научных алмазов», месторождения которых были найдены геологами порой несколько десятилетий, а то и веков назад. Воспоминания часто касаются деятельности выдающихся или великих исследователей. Немногие великие могли, как Пуанкаре или Леонардо да Винчи, подробно рассказать о рождении и развитии своей идеи. Поэтому авторам приходится домысливать, додумывать, опираясь на свой опыт и интуицию, которые порой подводят. Наконец, гуманитарные и естественные науки отличаются очень сильно и стилем мышления, и логикой, и самим пониманием, что же такое научный результат. Поэтому от взявшихся за научные мемуары или рассказы требуется большая смелость.

Барьер известного ответа

Его идеально точно выразил учитель истории в известном и любимом советском фильме «Доживем до понедельника», комментируя ответ ученика: «Этот недопонял, тот недооценил кажется, в истории орудовала компания двоечников». И со школьных времен известно, что тому, кто знает готовый ответ задачи, товарищи, которые трудятся над этой задачей, часто кажутся простоватыми и недалекими.

Это болезнь многих мемуаров, авторы которых точно знают «как надо», не очень представляя, между какими же альтернативами делался выбор. Для многих книг серии «Жизнь замечательных людей» и ряда современных работ о войне это просто беда. Автор, не сумевший получить начальной военной подготовки, с легкостью рассуждает, как надо было командовать фронтом или, на худой конец, армией. Впрочем, об этом барьере прекрасно сказал великий Шота Руставели: «Каждый мнит себя героем, видя бой со стороны». Тем не менее ряду замечательных авторов удастся взять и этот барьер.

Несмотря на всё это, мы продолжаем издание серии «Наука в СССР: Через тернии к звездам». Мы думаем, что обсуждение проблем прошлого поможет разобраться в происходящем, увидеть причины и пути выхода из кризиса, в котором оказался весь мир, и особенно Россия. И неизбежная полемика, столкновение взглядов здесь только поможет. Ведь самая тяжелая участь для цивилизации и науки — забвение.

На физическом факультете МГУ в 1980-х гг. (именно в это время на физфаке учились основатели издательства URSS) была популярна песня «Диалог у новогодней елки» на стихи Юрия Левитанского. Там есть такие строчки:

— *Вы полагаете, все это будет носиться?*

— *Я полагаю, что все это следует шить...*

— *Следует шить, ибо сколько вьюге ни кружить,
Недолговечны ее кабала и опала...*

Эти слова о многом. И о нашей серии тоже.

Однако наша главная цель — будущее. Мы надеемся и верим, что Россия встанет с колен. И тогда ей понадобится настоящая наука, а не её имитация. Тогда руководители, инженеры, сами ученые будут озабочены тем, как отстроить новое здание отечественной науки. Нам хочется верить, что авторы, анализирующие уроки прошлого, не останутся сторонними наблюдателями современных событий и найдут время, силы и отвагу, чтобы рассказать об актуальном состоянии науки, о проблемах, не решаемых в настоящее время. Ничтожный объем финансирования, «неэффективное» использование средств, предназначенных для научных исследований и разработок, и, как следствие, «утечка мозгов», выпадение нескольких поколений из научной жизни, разрыв в преемственности исследовательских школ — вот лишь неполный перечень существующих на данное время проблем.

И крайне важно вскрывать эти проблемы по горячим следам, предлагать решения в реальном времени, не дожидаясь, когда настоящее станет историей и останется только с горечью сожалеть, как неправильно и несправедливо складывались события. Надеемся, что книги нашей серии помогут осмыслить историю отечественной науки и вдохновят авторов на анализ современного состояния этой прекрасной, могучей, величайшей сферы человеческой деятельности. И если у кого-то из них на полке окажется книга этой серии, если она кому-то поможет избежать былых ошибок и подскажет путь в будущее, то мы будем считать свою задачу выполненной.

Издательская группа

URSS

представляет

**ОТ ПОЛИТИКИ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ
К ПОБЕДАМ
НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ
ФРОНТЕ**

Жизненный путь
Александры
Коллонтай

МИХАИЛ ТРУШ

**Биографический очерк
о первой в мире
женщине-дипломате**

Перед читателем встает образ незаурядной личности — политика, дипломата, оратора. Жизнь Александры Коллонтай была необычайно многоцветной, захватывающей, опасной и сложной. Автор прослеживает жизненный путь этой необыкновенно яркой, одаренной личности, уделяя особое внимание дипломатической деятельности, мало освещенной в нашей литературе. При этом он использует неизвестные широкой аудитории архивные документы — дневники и письма А. М. Коллонтай, воспоминания ее соратников, родных и друзей, материалы зарубежной прессы. Книга написана живым языком, содержит множество иллюстраций.

*Собосъбила
я преземла на ордну
в донно землей.*

В настоящей книге в биографиях и судьбах выдающихся исследователей представлена история российской науки (в основном биологии), а через нее — история России досоветского и советского времени. В истории российской науки драматические траектории движения мысли часто сочетаются с трагическими судьбами исследователей. Проблемы нравственного выбора, судьбы героев и преступления злодеев наполняют эту историю.

Жизнь науки не определяется лишь противоборством героев и злодеев. Возможно, в парадоксальном смысле истинными героями науки являются конформисты. И среди ученых, жизнь которых описана в этой книге, много выдающихся конформистов. Не обязательно посвящать очерки всем злодеям. Не обязательно упоминать всех выдающихся конформистов. Но героев — героев надо бы назвать всех. Сколько ни отмечай незаменимость конформистов, именно герои — первые фигуры в истории.

Рассказы очевидцев, документы, новые материалы и уже известные факты создают живой облик людей, жизнь которых — пример нравственного выбора в ситуациях, когда такой выбор кажется невозможным.

**НАУКА
В
СССР**

С. Э. Шноль

**ГЕРОИ, ЗЛОДЕИ,
КОНФОРМИСТЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
НАУКИ**

Книга вошла в короткий список
**премии
«Просветитель»**

Издательская группа

URSS

представляет

Карл Маркс • КАПИТАЛ: Квинтэссенция всех томов «Капитала» в одной книге

КНИГА КНИГ

«КАПИТАЛ» — необходимый актив в арсенале каждого интеллектуала, интересующегося законами развития социально-экономических процессов.

«Квинтэссенция всех томов „КАПИТАЛА“ в одной книге»

— результат титанической работы немецкого историка и экономиста Ю. Борхардта (1868–1932), посвятившего 30 лет доскональному изучению и популяризации бессмертной книги К. Маркса. Ю. Борхардт — переводчик «Капитала» на французский язык, автор книги «Экономическая история Германии».

«... Тот, кто хочет прочесть „Капитал“, наталкивается на множество затруднений. Можно даже сказать, что для непосвященного эта книга вообще недоступна.»

«... Задача состоит в том, чтобы познакомить читателя с основным ходом мысли Маркса в его собственном изложении ... и до последних пределов возможности оставить нетронутыми подлинные слова Маркса.» — писал Ю. Борхардт.

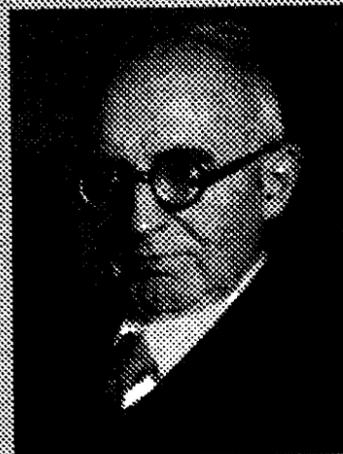
Серия «Из наследия Е. С. Варги»

Серия

Из наследия Е. С. Варги

Евгений Самуилович ВАРГА
Академик АН СССР. Лауреат Ленинской премии.

Выдающийся советский экономист, специалист в области политической экономии капитализма и мировой экономики. Один из первых советских экономистов, заслуживших мировое признание. Он внес огромный вклад в развитие экономической теории, в изучение основных тенденций мирового капиталистического хозяйства, в том числе экономических циклов и кризисов, а также в исследование мировой экономической конъюнктуры, аграрных проблем, теории денег. Именно он вначале предсказал наступление мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., а затем его окончание.

Сергей Борисович КРИХ

Кандидат исторических наук (2004), доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. Член Союза писателей России с 2000 года. Сфера научных интересов: советская и англо-американская историография древности, сравнительный анализ мировых и отечественных тенденций в развитии историографии, лингвоанализ научных текстов. Основные работы: «Упадок древнего мира в творчестве М. И. Ростовцева», «Грядущая первобытность. Очерки иррационального в рациональной культуре», «Образ древности в советской историографии» (М.: URSS).

Ольга Вадимовна МЕТЕЛЬ

Преподаватель кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. Член Российского общества интеллектуальной истории. Сфера научных интересов: советская и французская историография раннего христианства, развитие религиозно-исследовательских исследований в отечественной и французской традициях XIX–XX вв., интеллектуальная история католической церкви в Новое время. Автор монографии: «Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.)».

Наше издательство предлагает следующие книги:

Издательская группа
URSS

Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru

в приложении Ozon.ru
Нахимовский (полноокладный)
проспект, 56 +7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обзоры и рецензии печатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>